II-10.
Ф-157.

ОП

# РЕПЕРТУАРЪ

и

# ПАНТЕОНЪ

## ТЕАТРОВЪ,

издаваемый *И. Песоцкимъ*, подъ редакціею *Ѳ. А. Кони.*

1966
16

**1847.**

**ТОМЪ ПЯТЫЙ.**

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 мая 1847 года.

Цензоръ *А. Никитенко*.

# РЕПЕРТУАРЪ
# И
# ПАНТЕОНЪ
# ТЕАТРОВЪ.

## 1847.

## V.

Редакторъ: Ѳ. А. Кони.

Издатель: И. Песоцкій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

# СОДЕРЖАНІЕ.

## № 5.


### РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

1. *Царская трость или деревянный ходатай.*—Комедія-анекдотъ въ двухъ отдѣленіяхъ. *А. В. Висковатова.*
2. *Полюбовный дьлежъ или комната съ двумя кроватями.* Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ фр. *А. И. Андреева.*

### ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

I. КРЫЛЬЯ ИКАРА. Романъ *Шарля Бернара.* (Часть вторая и послѣдняя).

II. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Три сцены изъ «*Фауста*»—Гёте. Новый переводъ *И. И. Грекова.*

III. ЮМОРИСТИКА.

Толстякъ и Тощій. Шуточная сцена въ стихахъ, *Ѳ. А. Кони* . .

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Александринскій театръ:

1. *Монте-Кристо.* Драма.—2. *Приключеніе въ Палюстровъ*, водевиль.—3. *Жизнь и смерть Ричарда III.* Хроника Шекспира. *Хлопчатая бумага.*—Шутка. Статья *Ѳ. А. Кони.*

V. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Парижскіе театры:

1. Испанскій театръ въ Парижѣ.—2. *Пакетботъ*, комедія въ стихахъ. Соч. *Мери.*—3. *Ложа въ Оперѣ*, драма *Агнесы Сегала.*—4. *Сирѣцъ*, трагедія *Латура.*—5. *Стулъ на двоихъ*, водевиль *Ипполита Леру.*—6. *Ужъ чего женщинъ захочется*, водевиль *Дювера и Лозана.*—7. *Женщина, бросающаяся въ окно*, комедія-водевиль *Скриба* и *Лемуана.*—8. *Поэтъ*, драма *Барбье.*—9. *Герцогиня де Марсанъ*, драма *Деннери.*—10. *Жанна д'Аркъ*, драма *Шарля Денойе.*—11. *Леонаръ Парикмахеръ*, комедія *Дюмануара и Клервиля.*—12. *Лѣшій*, балетъ.—13. *Биберахскій дворъ*, водевиль *Сироденя* и *Поля Вермона.*—14. *Любовный договоръ*, драма *Марка Мишеля.*—15. *Островитянка Озая*, балетъ *Корали.*

VI. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

О К. П. Брюловѣ и картинахъ Айвазовскаго. Статья *Никколо Синчеро* (псевдонимъ).

VII. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

1. Два письма о состояніи музыки во Флоренціи.—2. Дебютъ Дюпре въ Германіи. (*Письмо изъ Гамбурга*).

VIII. СМѢСЬ.

1. Весенніе концерты въ Петербургѣ. *Ѳ. К.*—Новая Марія Тальони.—Неожиданная сцена въ драмѣ.—Еще новый артистъ.—Вогезскій король. Разсказъ *Леона Дюкома.*

IX. ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИЗНИ И ОБЩЕСТВА.

Герой Маскерада.

X. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

— *Молодой композиторъ Лакомбъ.—Большая парижская Опера и Королевская Библіотека.—Воздухоплаваніе.—Новаго рода представленія.—Маркизъ Лилипутъ.—Статистика Парижа.—Праздности приходитъ конецъ!—Новое приложеніе сѣрнаго эѳира.—Знаменитый Дюпре.—Королева Помаре.*

1. Закулисныя тайны.
2. Историческіе анекдоты.

# РЕПЕРТУАРЪ

# РУССКОЙ СЦЕНЫ.

# ЦАРСКАЯ ТРОСТЬ,

## ИЛИ

# ДЕРЕВЯННЫЙ ХОДАТАЙ.

КОМЕДІЯ—АНЕКДОТЪ ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

—

### ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Петръ Семеновичъ Курчаевъ, Тамбовскій дворянинъ. *Г. Брянскій.*
Маша, дочь его . . . . . *Г-жа Самойлова 2.*
Григорій Ивановичъ Стрѣльневъ, уволенный за ранами молодой офицеръ, женихъ Маши . . . . . *Г. Самойловъ 2.*
Климовна, няня ея. . . . . *Г-жа Гусева 1.*
Ѳома Ѳомичъ Турухчинъ, секретарь XXX суда. *Г. Мартыновъ.*
Штипицынъ
Пирицынъ } канцеляристы того же суда.
Пробка, копистъ, того же суда . . . . . *Г. Петровъ.*
Ерема, царскій шутъ . . . . . *Г. Сосницкій*
Авдѣй Меркуловичъ Копневъ, Надзиратель Малой Дворянской улицы, на Петербургской сторонѣ . . . . . *Г. Григорьевъ 1.*
Чапкинъ, сержантъ . . . . . *Г. Воробьевъ.*
Заяцъ, капралъ . . . . . *Г. Іевлевъ.*
Нищая.
Народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ С.-Петербургѣ, въ 1720 году.

—

*Троицкая площадь на Петербургской сторонѣ, съ частью улицы.—Въ отдаленіи расхаживаетъ народъ.*

## ЯВЛЕНІЕ I.

Копневъ, потомъ Чапкинъ и Заяцъ.

копневъ, *(приходитъ)*. Эй вы, оглохли, что-ли? Чапкинъ! Заяцъ! Сюда! (*Чапкинъ и Заяцъ прибѣгаютъ съ разныхъ сторонъ*).

оба. Чего изволите, ваше благородіе?

копневъ. Чего изволите? Я вамъ покажу, чего изволите! Такъ-то вы исполняете указъ Главной Канцеляріи? Такъ-то бережете начальство? Такъ-то смотрите за порядкомъ?

чапкинъ. Кажись все исправно, ваше благородіе!

заяцъ. Все доглядѣли, ваше благородіе.

копневъ. Все исправно, все доглядѣли, а видно забыли, что сегодня царскій маскарадъ на здѣшней площади? а?

чапкинъ. Никакъ нѣтъ-съ!

заяцъ. Улицы вымѣтены; мостовая, мосты и мостки.... въ исправности...

копневъ. Мостовая, мосты, мостки? А это что? (*показываетъ за кулисы*).

чапкинъ. Заборъ, ваше благородіе.

копневъ. Заборъ? А какой заборъ?

чапкинъ. Деревянный, ваше благородіе.

копневъ. Вижу, что деревянный, дубина ты этакая! А зачѣмъ не починенъ? А? Все доглядѣли, все въ исправности?

чапкинъ. Видѣть-то и сами видѣли, Авдѣй Меркуловичъ, да надо правду сказать: хозяинъ, человѣкъ такой, ей-ей, добрый...

копневъ. А ты знаешь ли, дурень, что будетъ и тебѣ, и мнѣ, и всей канцеляріи, коли кто изъ вельможныхъ, особливо Генералъ-Полиціймейстеръ, Антонъ Мануйловичъ, увидитъ, что заборъ валится, а?...

чапкинъ. Оно и такъ, да вотъ, ваше благороліе, Авдѣй Меркуловичъ, я и позапамятовалъ доложить: хозяинъ вечоръ распрашивалъ меня и про то и про другое... Ужъ въ точности не помню, а пришлось къ слову, онъ и спросилъ: а скажи-ка, голубчикъ, когда-молъ надзиратель нашей улицы бываетъ имянинникъ? Я и говорю: на той-молъ недѣлькѣ.

копневъ. То-то и есть, на той недѣли. Оно-бы и вправду, можно, да постой-ка, еще погляжу... (*смотритъ*) Ну вонъ, такъ и есть, съ площади почитай и не видно; къ переулку приходитъ, а туда изъ господъ, никто не заглянетъ... Такъ сбѣгай-же къ хозяину: пусть изнутри подопретъ; сколько сможетъ. Городъ-то видишь и новенькой, да больно на-скорую руку строится. Все по-чужестранному. Ну, что ты розинулъ ротъ? Бѣги!

чапкинъ. Слушаю-съ, побѣгу, (*убѣгаетъ*).

копневъ. Ну, а ты что, бусурманъ? Это что? а? (*показываетъ за кулисы съ другой стороны*).

заяцъ. Мостки, ваше благороліе.

копневъ. А не бойсь ослѣпъ, что-ли? Не видалъ, что всѣ доски перегнили? а?

заяцъ. Маленько есть, ваше благороліе.

копневъ. Сказать приказъ, чтобъ хозяинъ большаго-то дома, вымостилъ улицу по всему длиннику на свой коштъ, да еще взыскать съ него штрафъ указный, за ослушаніе. Слышь? Знаю я его, скрягу и озорника: начальства въ грошъ не ставитъ—а домишко выстроилъ себѣ, словно боярскія палаты въ Москвѣ! Я его!

заяцъ. Оно конечно такъ, ваше благороліе, Авдѣй Меркуловичъ, да только позвольте доложить: хозяинъ намедни спрашивалъ, какъ-молъ зовутъ супружницу его, сирѣчь вашего благородія.

копневъ. Ну, а ты что?

заяцъ. А я говорю: ея благороліе изъ нѣмцевъ.

КОПНЕВЪ. Изъ нѣмцевъ? Ахъ ты забулдыжная голова. Да съ чего ты вздумалъ издѣваться надъ начальникомъ?..

ЗАЯЦЪ. Оборони Господи! Я сказалъ къ вашей пользѣ. У нашей русской хозяйки одни имянины, а у нихъ, пять именъ— пять разъ въ году бываютъ имянинницы!

КОПНЕВЪ. Ну, то-то! Это дѣло иное. Смѣтливъ разбойникъ! Посмотримъ, что толку будетъ, а покамѣстъ, пусть такъ; отъ площади-жъ въ сторонѣ.

—

## ЯВЛЕНІЕ II.

ТУРУХЧИНЪ. КОПНЕВЪ.

ТУРУХЧИНЪ. Наше вамъ глубочайшее почитаніе, Авдѣй Меркуловичъ! Захлопотались видно?

КОПНЕВЪ. Нельзя же, Ѳока Ѳомичъ! Маскарадъ сегодня.

ТУРУХЧИНЪ. Экое, подумаешь, веселье будетъ! Народъ спозаранку сбѣгается глазѣть; невидальщина какая...

КОПНЕВЪ. Ну, почтеннѣйшій, какъ поживать изволите? Хорошо-ли идетъ службица?

ТУРУХЧИНЪ. Нечего жаловаться! Идетъ исправно.... и голосокъ у начальства имѣемъ.

КОПНЕВЪ. Хе! хе! хе! Знаю, знаю..... Вѣдь мы съ вами, Ѳока Ѳомичъ, старые пріятели.... Въ бѣлокаменной, когда-то дворъ объ дворъ жили..... Помните, батюшка?

ТУРУХЧИНЪ. Какъ не помнить! Я остался сиротинкою, безъ отца и безъ матери, да дядя, дай Богъ ему царство небесное, опредѣлилъ меня въ бывшій Судный Приказъ..... Помню, какъ ребятишками вмѣстѣ хаживали смотрѣть стрѣлецкаго ученья.

КОПНЕВЪ. Довольно таки утекло времячка! Царь Петръ Алексѣевичъ тогда еще не ѣздилъ за море, да никакъ еще и подъ Азовъ не ходилъ..... а мы рядились еще въ ферязи, да въ однорядки, да въ охабни, и бородъ не брили..... и кромѣ заѣзжихъ посольскихъ людей, ни-на комъ нѣмецкаго платья не видывали, а теперь и самимъ носить довелось.

турухчинъ. Чтожъ дѣлать! Пришли времена другія; чай и вамъ еще въ память стрѣльцы наши? молодецъ на молодцѣ! усища да бородища, что твои нынѣшніе гранадирщики! а полковникъ Тимоѳей Ѳедоровичъ Полтевъ, ростомъ и дородствомъ Полканъ – богатырь! Станетъ бывало передъ полкомъ, съ своимъ протазаномъ, да крикнетъ, что твои кремлевскія пушки! «Слухайте, ребята–молодцы! Фурни пясть на лопасть! торни къ ногѣ дюжо! грянь на землю ражо шурни пястью! тресни вдругъ!» Куды теперешнимъ! старой команды и въ половину не поймутъ. А какъ только полковникъ кончитъ муштру, сирѣчь ученье, да гаркнетъ молодецкимъ голосомъ: «бухальцомъ подъ мышку. Ступайте ребята врозь, ѣште кашу!»—такъ держись знай: только ложки стучать да котлы трещать. Ушло времечко.

турухчинъ. Ушло, да и нашему брату, приказному, ужъ не то, что бывало.

копневъ. А что, батюшка, вѣдь и у васъ случается, такъ, того – сего?...

турухчинъ. Оно не то, чтобы того – сего... Вотъ я, по великой Божеской милости, почитай изъ ничего, малыми трудишками дошелъ до характера секретаріуса. Начальство смирное, соблюдай только решпектъ, сирѣчь—почтеніе, а тамъ все по твоему. Страшно одно: Царь Петръ Алексѣевичъ за всѣмъ самъ надзираетъ..... Придумали какіе – то новые заморскіе законы: несмѣй дескать живиться ни отъ праваго, ни отъ виноватаго. Да что и за пожива такая – сами скажите, Авдѣй Меркуловичъ!

копневъ. Да Господь ихъ вѣдаетъ, толкуютъ про взятки какія-то, про лихоимство, а я отродясь и не слыхивалъ.

турухчинъ. Помилуйте! Жалованьишка на все не хватитъ, я на то и есть приказный человѣкъ, чтобы помогать въ дѣлахъ ближнему, да не обижать ближняго отказомъ. Иначе, на что-бы ему и быть приказнымъ?

копневъ. Истинно, такъ!

турухчинъ. А говорятъ, что не такъ. Говорятъ, законъ–молъ не велитъ, а по моему разумѣнью, коли истецъ и отвѣтчикъ ищутъ въ приказномъ человѣкѣ, такъ за чтожъ и приказному не искать въ истцѣ и отвѣтчикѣ? Рука руку моетъ. А то-вотъ, просто бѣда..... того и гляди, попадешься!

копневъ. Да, того и гляди!

турухчинъ. Конечно, есть кой – какія лазеечки, придироч-

ки, интересы, акциденціи... да все опасу много... надо искусство... Вотъ еще въ прошломъ году, довелось мнѣ получить съ одного истца спосибо, за рѣшеніе дѣльца, а тотъ и проговорись роденькѣ своему, царскому шуту, а шутъ-то, улуча часокъ, шепнулъ государю... По счастью, дѣльцо-то было, какъ-бы вамъ сказать, правое, а все-таки мнѣ досталось..... Ей-ей! спина..... что-бишь я замололъ, голова цѣлыя двѣ недѣли болѣла. Страшное дѣло, Авдѣй Меркуловичъ, говорить съ царскимъ величествомъ! и съ чистой-то совѣстью стоишь, да дрожишь, а какъ... знаете, того... грѣшки на душѣ! такъ словно лихая немочь беретъ, зубъ съ зубомъ не сходится! Охъ ужъ этотъ мнѣ шутъ!

КОПНѢВЪ. Надо больно остерегаться, почтеннѣйшій! Нынѣче все люди лукавые.

ТУРУХЧИНЪ. Да-съ, тутъ надобенъ умъ, да и умъ, да еще и смѣтка. Я же тертый калачъ, не скоро маху дамъ! Хе, хе, хе! Вотъ и теперь есть *(вынимаетъ бумагу)* дѣльцо.... Составилъ резолюцію, несу въ судъ... все разсказано да росписано, какъ подобаетъ, подведены всѣ законы... подпишутъ! *(махнувъ рукой)* Подумай, милостивецъ какой-то голышъ, безчиновный, вдовый помѣщикъ, вздумалъ тягаться съ богатымъ, распребогатымъ бояриномъ: говоритъ, отняли-де у него беззаконно деревеньку. Я сначала и говорю ему, ничего, батюшка, не тужите! ну рублевъ съ полсотни и было у него за душонкой, больше ни полденежки! Да вотъ штука-то въ чемъ! дочка у него... Хе! хе! хе!

КОПНѢВЪ. Хе! хе! хе! Понимаю.... Эхъ старый грѣховодникъ!

ТУРУХЧИНЪ. Ну, я еще не такъ старъ, чтобы ужъ и черезъ чуръ—да я и не того, чтобы такъ: жениться хотѣлъ... а онъ, старый волкъ, и слышать не хочетъ! и дѣвчонка туда-же..... а такая казистая, сирѣчь—пригожая... нищіе, а упрямы... Слышь, женихъ-молъ есть, наряженный съ изѣтства, какой-то отставной офицеришка, съ подбитымъ крылышкомъ... и сына-то у старика Шведы уходили полъ Полтавой.... Туда-бы и всѣмъ имъ дорога... Я же имъ задамъ! спохватятся, да поздно!

—

## ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Царскій Шутъ.

*(Онъ въ полосатомъ кафтанѣ, въ большомъ напудренномъ парикѣ, съ длинною косою, перевитою пестрыми лентами; въ треугольной шляпѣ съ широкимъ золотымъ галуномъ и разноцвѣтными лентами.)*

Шутъ. Съ добрымъ утромъ, господа честные! съ добрымъ утромъ!

турухчинъ, *(про себя)*. Экъ нелегкая принесла! *(вслухъ)* Наше почтеніе!

копневъ, *(кланялсь)*. Наше почтеніе!

шутъ. Высокоблагородный, высокородный, высокопревосходительный, высокосіятельный, высокоповелительный, господинъ секретаріусъ! Каково твое вожделенное здравіе? Ась?

турухчинъ. Благодаримъ покорно... Я не достоинъ такихъ величаній.

шутъ. Униженіе паче гордости, г. секретаріусъ! Кого-же и величать, какъ не тебя? И знатные-то господа за великую честь и благополучіе поставляютъ принять и угостить у себя его царское величество, а тебя, государь самъ изъ своихъ державныхъ ручекъ подчивать изволилъ. Чай памятно, какъ-вонъ у того крыльца, его величество изволилъ одну приказную строку за взятку отдѣлывать деревяннымъ выговоромъ, да приговаривалъ: Не бери! не криви!

турухчинъ. Ну, полноте шутить! Хе, хе, хе! Языкъ безъ костей, что хочетъ то и мелетъ. Не такъ-ли, Авдѣй Меркуловичъ?

копневъ. Истинно такъ! Истинно такъ!

шутъ. Золото ты мое ненаглядное! могъ ли я, повстрѣчавъ тебя, дорогаго пріятеля, не остановиться, да не полюбоваться? Вѣдь, что увижу тебя, то и вспомню молодые свои годы. Какъ теперь гляжу на ту чучелу, что въ 700-мъ году выставили на Москвѣ у Всесвятскихъ воротъ, на обращикъ народу для нѣмецкаго платья.

копневъ. Ха, ха. ха!

турухчинъ. Да вотъ-что я скажу тебѣ, почтеннѣйшій!.. Законономъ запрещено смѣяться надъ нѣмецкимъ платьемъ. Знаешь ли ты это? ась? господинъ придворный.

шутъ. Вишь какой! Сейчасъ видно, что подъячій! А знаешь ли ты, что еще написано въ законахъ? сказать, что-ли? Надо, гласитъ законъ, всемѣрно смотрѣть накрѣпко, чтобы безгласныя сироты и вдовы и прочіе беззащитные люди, отъ сильныхъ никакой себѣ обиды и утѣсненія въ дѣлахъ своихъ не имѣли.— Вотъ что гласитъ законъ царя Петра Алексѣевича!

копневъ. Истинно такъ! Истинно такъ!

шутъ. А ты что тутъ подѣлываешь, благопріятель? Лучше погляди-ка вонъ тамъ, что дѣлается! (*показываетъ за кулисы*) Ужъ не по твоей-ли этой части?

копневъ. А что? А что?

шутъ. Заборъ-то весь надобно разобрать, да поставить съ-изнова, а его только что подпираютъ. Смотришь, черезъ недѣлю опять завалится, да чего добраго, и совсѣмъ упадетъ, да много и пришибетъ. Конечно, хозяину прибыльнѣе, на-что много трудиться да изъяниться? Только-бъ для маскараду. Истинно такъ-съ! Истинно такъ-съ!

копневъ. Ахъ они! Я имъ! (*убѣгаетъ*).

шутъ. Ну, прощай же, золото! мнѣ теперь нѣкогда; иду къ князю Якову Ѳедоровичу — провѣдать о здоровьѣ, а тебя, авось когда и опять поздравлю съ государевымъ жалованьемъ.

(*уходитъ*)

—

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Турухчинъ, потомъ Курчаевъ и Маша.

турухчинъ. Насилу уплелся, скоморохъ полосатый! Просимъ покорно слушать такія обидныя рѣчи, да еще и кланяться! То-ли дѣло, встарину! Шутамъ такой воли небыло, а теперь отъ нихъ честнымъ людямъ проходу нѣтъ. А всему вина нѣмцы! Эхе! вотъ и мои голубчики! Вишь какая пышная! словно пава выступаетъ!

(*Курчаевъ и Маша приходятъ*)

маша, (*тихо отцу*). Батюшка, это Ѳока Ѳомичъ..... попросить-бы его еще разъ...

КУРЧАЕВЪ. Богъ съ нимъ! Недобрый онъ человѣкъ!

ТУРУХЧИНЪ. Мое почтеніе, Петръ Семеновичъ! Мое нижайшее почтеніе, Марья Петровна! Вѣрно на маскарадецъ пришли посмотрѣть... Нескоро еще.....

МАША. Ахъ, нѣтъ, Ѳока Ѳомичъ.... Вы сами знаете, до-веселости ль намъ теперь... мы подождемъ здѣсь Григорія Ивановича, онъ пошелъ...

КУРЧАЕВЪ, (*толкая ее*). Молчи, Маша, нестоитъ и говорить съ нимъ.

ТУРУХЧИНЪ. Ну что, Петръ Семеновичъ? Не изволи-ль еще пораздумать? да и вы также Марья Петровна. Чѣмъ я не женихъ? есть чинъ и почетъ въ службѣ, и достояньице кой-какое, честными трудами нажитое; деревеньку вашу вернемъ съ придачею; дѣло знатное, стали-бы жить—поживать, да карманы нагрѣвать. Запасъ мѣшку не порча. Полноте-жъ чваниться..... по рукамъ, что-ли?

КУРЧАЕВЪ. Оставьте насъ... мы вамъ не мѣшаемъ.

ТУРУХЧИНЪ. Ну, если такъ, такъ вотъ-же рѣшенье по вашему дѣлу: проиграли тяжбу! Да, сегодня въ судѣ подпишутъ!

МАША. О, Господи!

КУРЧАЕВЪ. Такъ отдай же мнѣ, злодѣй, деньги, которыя у меня выманилъ. У насъ дома нѣтъ ни ломтя хлѣба, ни гроша денегъ.

ТУРУХЧИНЪ. Помилуйте, что за деньги? Какія деньги? Не хотите-ли ужъ завести дѣло? Господь съ вами! Вы платили за справки да выправки, а законъ не велитъ трудиться для чужаго человѣка даромъ. Этакъ самъ пойдешь по-міру. Служащему человѣку время дорого.

КУРЧАЕВЪ. Да что я тебя слушаю, подъячій! Дѣло мое правое, я его проиграть не могу. Деревенька досталась мнѣ отъ отца, дѣда, прадѣда и пращура. Понадобилась она богатому сосѣду, для псовой охоты, но я не хотѣлъ продать дома, гдѣ жили отецъ и мать мои, гдѣ выросъ я самъ, и гдѣ выростилъ дочь и покойника-сына. Сосѣдъ смолчалъ, а когда отправился я съ дочерью въ Кіевъ на богомолье, то и велѣлъ онъ домъ срыть, изгороды повыломать, садъ запахать, межевыя ямы и надолбы уничтожить, а крестьянъ и дворовыхъ, развезти по дальнимъ своимъ деревнямъ... вся-де земля его. Пріѣзжаю домой... Господи! Господи! (*хватается за-голову.*)

МАША. Батюшка, успокойся, ради отца небеснаго!

КУРЧАЕВЪ. Царь-Государь нашъ не допуститъ такого дѣла.

ТУРУХЧИНЪ. Какое вы странное изволите имѣть разсужденіе! Ну, чѣмъ-же вы докажете сосѣду, что земля не его, а ваша? По справкамъ оказалось, что въ его вотчинѣ 1300 десятинъ; вы показываете, что вашей земли было 300 десятинъ, а въ сосѣднѣй вотчинѣ, всего-навсе и выходитъ только 1300, а ему по межевымъ книгамъ и подобаетъ владѣть 1300 десятинами, онъ и владѣетъ ими. Ясно, что-ли?

КУРЧАЕВЪ. Мнѣ что за дѣло, сколько у него десятинъ; тѣ 300 мои!

ТУРУХЧИНЪ. Да какимъ же манеромъ онѣ ваши, когда онѣ его? Повымѣрили на мѣстѣ всю землю вновь и оказалось, что точно не хватаетъ у него 300 десятинъ. Откуда-же ихъ прирѣзать? Окромѣ вашей деревеньки, все кругомъ казенныя дачи, стало-быть и выходитъ, что и вы, и отецъ вашъ, и дѣдъ и прадѣдъ, неправильно владѣли тѣми 300 десятинами. Вотъ мы и присудили утвердить сосѣда во владѣніи. Оно и складно и ладно.

КУРЧАЕВЪ. Господи! Господи! Даруй мнѣ терпѣніе... спаси меня отъ отчаянія и грѣха смертнаго!

МАША. Батюшка! родимый ты мой батюшка! Надѣйся на милость Божію, да на князя Якова Ѳедоровича... Не самъ ли ты говорилъ, что князь не отдастъ насъ въ обиду, будетъ нашимъ заступникомъ.

ТУРУХЧИНЪ. Такъ-вотъ куда мѣтите! Охо-хо-хо! Да достанетъ ли у князя времени разбирать всѣ эти разныя челобитныя, что поступаютъ къ нему каждодневно? Разсудите сами, Петръ Семеновичъ, человѣкъ вы не глупый. Не самому же князю ѣхать въ Тамбовъ, межевать васъ. Князь къ намъ-же просьбу вашу передастъ, велитъ пересмотрѣть вновь, вотъ и все тутъ. Вещь, кажись, самая простая, а вы нарочно въ толкъ взять нехотите. Конечно... хе, хе, хе! можно бы было еще повернуть дѣльцо иначе... да только...

КУРЧАЕВЪ. Пойдемъ, Маша; онъ видно нехочетъ отвязаться.

МАША. Григорій Ивановичъ скоро долженъ вернуться отъ князя Якова Ѳедоровича... Онъ здѣсь будетъ искать насъ.

ТУРУХЧИНЪ. Эхъ вы, съ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ... Смѣхъ беретъ, да и только!.. Ну, въ послѣдній разъ прошу

васъ! согласны ли вы, или нѣтъ, отдать въ замужство законнорожденную дочь вашу, дѣвицу Марью Петрову?

КУРЧАЕВЪ (*поднимая палку*). Вотъ мой отвѣтъ тебѣ, злодѣй!

МАША (*удерживая его*). Батюшка! Что ты дѣлаешь?

ТУРУХЧИНЪ. Ну, ладно же! Такъ теперь и у меня терпѣнья не стало: сегодня же воспослѣдуетъ резолюція: взыскать съ челобитчика протори и убытки, и учинить у него въ дому опись пожиткамъ, а коли не дохватитъ, самого засадить въ тюрьму!

МАША. Боже милосердый!

КУРЧАЕВЪ. Не бойся, дочь! Этому не бывать.

ТУРУХЧИНЪ. А вотъ увидишь, что будетъ! Покаешься, да поздно! Въ тюрьму! въ тюрьму! сегодня же! Да еще будешь судиться за буйство на улицѣ и за ябеду! Вотъ-те и вся недолга! А будешь помнить Оому Оомича Туруxчина! (*уходитъ*)

—

## ЯВЛЕНІЕ V

КУРЧАЕВЪ. МАША.

(*Краткое молчаніе.*)

МАША. Ты вѣрно усталъ, батюшка .. Поищемъ, нѣтъ ли здѣсь гдѣ-нибудь прилавка, гдѣ бы отдохнуть тебѣ.

КУРЧАЕВЪ. Я не усталъ — а ты?

МАША. Нѣтъ, я также не устала.

КУРЧАЕВЪ. А можетъ статься, тебѣ ѣсть хочется?

МАША, (*живо*). Нѣтъ, нѣтъ.

КУРЧАЕВЪ. У насъ ничего и нѣтъ... У жениха твоего тоже нѣтъ ни-гроша... Сегодня останемся безъ обѣда, и завтра, и послѣ завтра... Твоя старуха-няня, также голодаетъ съ нами.... Жаль мнѣ старухи! Господи, тяжелый ты послалъ мнѣ крестъ!

МАША. Батюшка!

КУРЧАЕВЪ. У насъ осталась еще икона, которою покойница мать твоя благословила тебя на смертной постелѣ ..

МАША, (*со страхомъ*). Ты хочешь продать эту икону, батюшка?

КУРЧАЕВЪ, (*помолчавъ*). Нѣтъ, не продамъ. Остался еще у насъ тотъ мундиръ, въ которомъ убитъ подъ Полтавою братъ твой, Павелъ; добрые люди переслали его ко мнѣ на память о добромъ сынѣ... (*Помолчавъ*) А что Маша, больше у насъ ничего не осталось?

МАША. Больше ничего не осталось, батюшка.

КУРЧАЕВЪ. Милая дочь, добрая моя Маша... что съ тобою будетъ?

МАША. Григорій Ивановичъ! батюшка! Григорій Ивановичъ воротился отъ князя Якова Ѳедоровича? мы спасены!

—

## ЯВЛЕНІЕ VI.

СТРЕЛЬНЕВЪ, ТѢ ЖЕ.

КУРЧАЕВЪ, (*идетъ къ нему на встрѣчу*). Ну что, князь? говори, Гриша, что князь Яковъ Ѳедоровичъ, обѣщалъ? обнадежилъ? Разсказывай, Гриша, не мучь, сердце хочетъ выскочить... Мы не пропадемъ, неправда ли? Онъ насъ выручитъ?

МАША. Говори скорѣе, Григорій Ивановичъ.

СТРЕЛЬНЕВЪ, (*про себя*). Бѣдный старикъ! бѣдная Маша! (*вслухъ*) Петръ Семеновичъ, видно, что надъ нами скопились всѣ бѣды. Князь Яковъ Ѳедоровичъ болѣнъ, при смерти. Сегодня царскіе доктора объявили, что нѣтъ никакой надежды. Ожидаютъ самаго Государя.

КУРЧАЕВЪ, (*въ отчаяніи*). Боже праведный!

МАША. Батюшка, не отчаявайся... Мнѣ пришло на мысль... да! да! я сдѣлаю это. Слушай, батюшка! сегодня на этой площади назначенъ маскарадъ; будетъ самъ Государь; я брошусь передъ нимъ ка колѣна, обниму его ноги, оболью ихъ слезами горючими, и скажу: Надежа-Государь! все вокругъ тебя веселится и радуется, только трое несчастныхъ, ограбленцыхъ злыми людьми, незнаютъ радости, не имѣютъ насущнаго хлѣба. Смилуйся, Государь! окажи милость и правосудіе! Такъ, именно такъ! Вѣдь, Государь, смилуется, неправда ли, батюшка? Онъ не можетъ не смиловаться!

СТРЕЛЬНЕВЪ. Машенька! другъ мой! маскарадъ отказанъ — Государь не будетъ.

МАША, *(вскрикивая)*. О Господи! Погибли мы всѣ! Батюшка, что намъ теперь дѣлать?

КУРЧАЕВЪ. Послушай, Григорій Ивановичъ, проводи ее домой, я скоро самъ приду.

МАША, *(съ безпокойствомъ)*. А ты куда пойдешь, батюшка?

КУРЧАЕВЪ. Хочу помолиться—уйду къ Самсонію.

МАША. Нѣтъ, я не пойду безъ тебя.

КУРЧАЕВЪ. Ступай, Маша, ступай — хочу молиться одинъ.

МАША. Не пойду!

КУРЧАЕВЪ, *(посмотрѣвъ ей пристально въ глаза)*. А что, дочь? *(помолчавъ)* Я руки на себя не подниму.

МАША, *(бросается къ нему на шею)*. Прости меня, родимый! Пойдемъ Григорій Ивановичъ! *(Она уходитъ съ Стрельневымъ)*.

КУРЧАЕВЪ, *(одинъ)*. Великій Боже! Отецъ милосердый! Пускай терплю я: въ-вѣкъ мой я могъ вольно или невольно согрѣшить передъ Тобою во многомъ; могъ заслужить праведный гнѣвъ Твой; но дочь моя, дочь моя — она передъ Тобою чиста и безвинна! Не дай ей погибнуть, Господи! Пусть погибнутъ на землѣ кривда и неправда.

*(Уходитъ)*.

## ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІИ.

*Комната въ деревянномъ домѣ, безъ обоевъ. На одной сторонѣ небольшое окно, съ мелкими стеклами, въ опускной рамѣ, до половины поднятой. Съ другой стороны, отгороженная каморка, съ окномъ. Всрединѣ дверь, деревянный столъ, двѣ простыя скамьи и нѣсколько вѣтхихъ стульевъ, съ высокими спинками, переплетенными тростникомъ.*

—

### ЯВЛЕНІЕ VII.

Климовна, потомъ Маша.

климовна, (*выходитъ изъ каморки*). Ахъ Ты Господи! что это господа такъ долго нейдутъ? Ужъ не приключилось ли съ ними какого несчастія? (*смотритъ въ окно*). Никого невидно, а обѣдни давно отошли. (*Отходитъ отъ окна*). Экое пришло горемычное время! Обобрали злодѣи Петра Семеновича, какъ липку — отняли, все отняли. . Суди ихъ Господь грѣшниковъ!— Спасибо еще добрымъ хозяевамъ, что держатъ въ своемъ домѣ, не нудятъ платить за фатеру, а то-бы и крыши небыло.

маша, (*входитъ*). Здравствуй, Климовна.

климовна. Съ нами крестная сила! Гдѣ же баринъ... Петръ Семеновичъ?

маша. Батюшка пошелъ къ Самсонію, Богу молиться.

климовна. Да какъ же ты, родная, пришла одна одинешенька.

маша. Меня провожалъ Григорій Ивановичъ, но я не велѣла ему входить... неприлично безъ батюшки.

(*Она опускается на-стулъ*).

климовна. Ну что, голубушка ты моя, Марья Петровна, Григорій Ивановичъ выхлопоталъ ли что у князя?

маша. Худо, Климовна—очень худо! Какой сегодня страшный и грустный день... Ты ничего не достала няня.

климовна. Ничего не могла достать, родимая, я ужъ-было попыталась попросить въ долгъ, да невѣрятъ... коли-бы достала чего, неужто бы не подѣлилась съ тобой, мое дитятко... Привелъ же Господь, на старости видѣть васъ въ нуждѣ и горѣ.

Маша. А продать ужъ нечего?

климовна. Да что же еще продать?

маша. Ломтикъ хлѣба, я думаю, можно достать гдѣ-нибудь... Вѣдь и батюшка скоро придетъ.... Онъ ничего не кушалъ съ позавчерашняго дня.

климовна. Пошарю въ каморкѣ, Богъ милостивъ, можетъ, на наше счастье, гдѣ-нибудь и завалилась мѣдная копѣйка. (*Идетъ въ каморку*) Только врядъ-ли. Я ужъ давнымъ давно всѣ углы перешарила.

маша, (*выдвигаетъ ящикъ въ столѣ и перебираетъ бумаги*) Можетъ-статься, какъ нибудь на счастіе... Боже мой! я нашла копѣйку! Климовна! Климовна!

климовна, (*изъ каморки*). А что, матушка?

маша. Поди сюда, няня.

климовна, (*изъ каморки*). Сейчасъ, сейчасъ родимая. Дай пошарить, авось и найду что нибудь.

нищая, (*подъ окномъ*). Господа честные и добрые, сотворите милостинку Христа-ради! Третій день съ малютками крохи не видала. Подайте Христа-ради!

маша, (*подбѣгаетъ къ окну*). Боже мой! мать съ тремя голодными малютками! третій день ничего не ѣла!

нищая. Подай, Бога ради!

маша. Возьми, бѣдная женщина, возьми! Мы сами такіе же бѣдные... да, точно такіе же бѣдные.

нищая. Да благословитъ тебя Господь Богъ, добрая барыня! да пошлетъ Онъ тебѣ въ десятеро, въ сотеро, въ тысячи разъ болѣе! Благослови тебя Господи!

маша. Ушла... съ какою жадностію взяла она мою копѣйку....



ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

О Боже мой! что я надѣлала! я забыла о батюшкѣ! Господи, прости меня!

КЛИМОВНА, (*входитъ*). Чтожъ, барышня? И ты ничего не нашла?

МАША. Ничего, няня, ничего.

КЛИМОВНА. За чѣмъ же ты звала меня?

МАША. Такъ только... мнѣ показалось... я ошиблась...

КЛИМОВНА. Бѣда, бѣда!

МАША. Вотъ идетъ батюшка.

—

## ЯВЛЕНІЕ VIII.

КУРЧАЕВЪ. Тѣ же.

МАША. Ахъ, батюшка... Не придумалъ ли ты чего?

КУРЧАЕВЪ. Ничего не придумалъ! (*садится*). Поди сюда, Маша.

МАША. Что, батюшка?

КУРЧАЕВЪ. Кажется, ты плакала?

МАША. Нѣтъ, батюшка... Я не плакала...

КУРЧАЕВЪ. Послушай, я скажу тебѣ, что придумалъ: не надо плакать, не надо роптать на Божію волю; кому посылаетъ Онъ крестъ, тотъ долженъ нести его со смиреніемъ.

МАША. Я и не ропщу.

КУРЧАЕВЪ. И я не ропщу на Господа, (*вскакиваетъ вдругъ*). Но несправедливость и злодѣйства людей... Вотъ что... вотъ что... дитя мое!

МАША. Батюшка!

КЛИМОВНА. Все отъ Бога, Петръ Семеновичъ.

КУРЧАЕВЪ. Хорошо, хорошо, старуха... (*ходитъ по комнатѣ*).

МАША. Батюшка, не написать ли просьбы къ Государю?

КУРЧАЕВЪ. Нѣтъ, этого нельзя... Запрещено помимо другихъ инстанцій... А вотъ, что со мной сегодня случилось: вышелъ я отъ Самсонія, да сталъ бродить по улицамъ, куда глаза глядятъ; дошелъ до Сената... остановился, оперся руками на трость и зарыдалъ горько, очень горько.

МАША. Бѣдный, батюшка!

КУРЧАЕВЪ. Стою я, долго-ли, коротко-ли, непомню, вдругъ передо мной, вотъ-такъ, подлѣ самыхъ моихъ ногъ, проѣхала одноколка! и въ ней сидѣлъ господинъ, высокаго роста. Увидѣвъ меня, онъ остановился, попятилъ лошадь и спросилъ: кто ты, старикъ? о чемъ такъ горько плачешь? Я разсказалъ все, что со-мной сдѣлали... Господинъ нахмурилъ брови, глаза у него такъ и засверкали...

МАША. Можетъ статься, генералъ какой-нибудь.

КУРЧАЕВЪ. Нѣтъ, на немъ было простое, синее платье. «Что жъ ты теперь думаешь дѣлать?» спросилъ онъ меня.—Мнѣ остается одно, отвѣчалъ я, подстеречь Государя и разсказать ему все дѣло... «Молю тебя, государь, скажу я, именемъ Творца небеснаго и кровью моего сына, убитаго подъ—Полтавой.»—Какъ имя твоего сына?—«Павелъ Курчаевъ.»—Тутъ глаза незнакомаго господина засверкали пуще прежняго.

МАША. Что же, батюшка?—Что же?

КУРЧАЕВЪ, (*махнувъ рукой*). Я было обрадовался, думалъ, не окажетъ-ли мнѣ неизвѣстный господинъ какой помощи... А онъ вотъ что сказалъ мнѣ: жаль мнѣ тебя, старикъ, а только несовѣтую утруждать прямо Государя. Можетъ статься, я помогу тебѣ! Вотъ тебѣ ходатай, покажи его тѣмъ, которые притѣсняютъ тебя. Съ этимъ словомъ, взялъ онъ мою трость и отдалъ вотъ эту, (*вздохнувъ*). Эхъ! видно пошутить захотѣлось надъ старикомъ! На, Маша, поставь въ уголъ. (*Даетъ ей трость, которую она ставитъ въ уголъ*).

КЛИМОВНА, (*подходитъ къ Курчаеву и низко кланяется ему*). Батюшка, Петръ Семеновичъ, непзволь гнѣваться на меня горемычную.

КУРЧАЕВЪ. А что?

КЛИМОВНА. Нечего подать обѣдать тебѣ и барышнѣ.

КУРЧАЕВЪ. А я и забылъ! А ты о чемъ горюешь, старуха? Не твое дѣло, *я* хозяинъ, *я* обязанъ кормить своихъ домашнихъ, заботиться объ нихъ... Это *меня* Господь наказываетъ, а не васъ... Вы безвинно терпите... все изъ-за меня...

КЛИМОВНА. Грѣшно тебѣ, Петръ Семеновичъ.

МАША, (*про себя у окна*). Нейдетъ Григорій Ивановичъ... А я все думаю, что онъ принесетъ намъ добрую вѣсть.

КУРЧАЕВЪ, (*походивъ по комнатѣ, про себя*). Продамъ этотъ

кафтанъ... рублевъ семь дадутъ... а для себя куплю какой-нибудь старый, совсѣмъ изношенный... (*вслухъ*) Маша!

МАША. Что-съ?

КУРЧАЕВЪ. Я забылъ... у меня здѣсь есть еще одинъ старый пріятель... Схожу къ нему... Онъ дастъ мнѣ взаймы немного денегъ.

МАША, (*съ радостью*). Неужели, батюшка? Это было-бы чудо!

КУРЧАЕВЪ. Да, да... А ты оставайся дома, никуда не ходи безъ меня.

МАША. Хорошо, только вернись скорѣе.

КУРЧАЕВЪ. Я скоро буду. (*Уходитъ*).

МАША. Не знаешь ли, няня, какой это у батюшки пріятель?

КЛИМОВНА, (*запирая дверь на ключь*). Незнаю, матушка — и не слыхивала я, чтобы былъ пріятель у Петра Семеновича.

МАША. Знаешь, няня, мнѣ все кажется, что такое несправедливое дѣло, чтобъ у насъ отняли нашу родовую деревню, не можетъ случиться: Государь у насъ добръ и правосуденъ.

КЛИМОВНА. Оно конечно такъ, только до-Бога высоко, до-Царя далеко. (*У дверей слышны стукъ и голоса*).

«Отоприте, судъ.»

МАША. Господи!

КЛИМОВНА. Ахти батюшки-свѣты! Что теперь будетъ!

(*Голоса за дверью*).

«Отоприте, судъ»·

КЛИМОВНА. Съ нами крестная сила! Отпереть, что ли?

МАША. Надо отпереть.

КЛИМОВНА. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! (*Отпираетъ дверь*).

—

## ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ.—ТУРУХЧИНЪ. ШТИПИЦКІЙ, ПИРИЦЫНЪ. ПРОБКА. (*Они входятъ съ шумомъ, не снимая шляпъ*).

ТУРУХЧИНЪ. Кой чортъ, среди бѣла-дня заперлись, словно въ ночное время.

ШТИПИЦКІЙ. Вишь какія! Эхе! да одна-то премолодая.

ПИРИЦЫНЪ. И препригожая!

ШТИПИЦЫНЪ. Земляница полевая!

ПИРИЦЫНЪ. Клубница садовая!

ПРОБКА, (*нѣсколько пьяный, смотритъ умильно на Машу*). Анисовочка ты моя!

КЛИМОВНА. Стыдно вамъ, господа, издѣваться надъ барышнею, честною дѣвицею—она и такъ ужъ несчастлива, — чего вамъ здѣсь угодно?

ШТИПИЦКІЙ. Виноваты, матушка! пришли безъ твоего спроса. Не выгони, пожалуйста.

ПИРИЦЫНЪ и ПРОБКА, (*кланяясь*). Не выгони, пожалуйста!

ТУРУХЧИНЪ. Нищіе, а все дворянская спѣсь.—Нутка, господа, принимайтесь за дѣло. А гдѣ самъ старикъ?

КЛИМОВНА. Барина что-ли вамъ надо, господинъ честный?

ТУРУХЧИНЪ. Ну да, старуха безтолковая!

КЛИМОВНА. Петръ Семеновичъ ушелъ изъ дому, батюшка, а куды, ей-Богу объ невѣдаемъ; только я да барышня вдвоемъ и остались. Что прикажете?

ТУРУХЧИНЪ. Сами найдемъ, что надо, не станемъ спрашиваться, (*оффиціяльнымъ тономъ*). Слушай же, дворянская дочь! Отецъ твой подалъ аппеляцію, судъ разсмотрѣлъ все дѣло по правдѣ и совѣсти и рѣшилъ по законамъ, что ваша сторона неправа. Повелѣно взыскать съ васъ всѣ протори и убытки и въ обезпеченье описать все ваше имущество, а мало будетъ пожитковъ, такъ посадить старика въ тюрьму.

МАША. О Боже! Боже!

КЛИМОВНА. Господи, Владыко небесный, выручи!

ТУРУХЧИНЪ. Господа, за дѣло. Ты (*Штипицыну*) Карпъ Ивановичъ, осматривай, да говори все, что есть; а ты Пробка, пиши регистеръ, сирѣчь опись, да чуръ безъ кавыкъ и карючекъ. Теперь не старыя времена.

ПРОБКА. Слушаю-съ.

МАША. Описать все наше имущество? Да помилуйте, господа судьи, что у насъ есть? Изъ чего тутъ выручить на ваши протори и убытки?

ТУРУХЧИНЪ. Ну вотъ, изволите ли видѣть, Марья Петровна, вѣдь я говорилъ вамъ: напрасно хорохоритесь; теперь женишокъ съ подбитымъ крылышкомъ; васъ не выручитъ.

маша. Извольте поступать по законамъ... я васъ ни о чемъ не прошу.

турухчинъ (*очень сердито*). Эй ты, Пробка! не слышалъ что ли приказа? Что жъ ты не пишешь?

пробка. А что писать?

турухчинъ. Видно ужъ успѣлъ натянуться.

пробка. Я не пью.

турухчинъ. Не пьешь? Отчего же у тебя носъ такой сизый?

пробка. Лѣтомъ отъ жара, зимой отъ мороза.

турухчинъ Безъ отговорокъ! садись да пиши.

пробка. Сижу (*Садится за столъ и достаетъ бумагу и чернилицу и поправляетъ перо перочиннымъ ножемъ, вставленнымъ въ простую деревянную рукоятку*).

маша. Ахъ, няня! какое несчастье! (*плачетъ*).

климовна. Ужъ подлинно несчатье!

турухчинъ (*Пробкѣ*). Готовъ, что ли?

пробка. Готовъ.

турухчинъ. Помни-же, Михей! ни кавычки, ни закорючки. Я тебя люблю, а за вину потреплю.

пробка. Слушаю, помню, ваше благородіе, Ѳока Ѳомичъ.

турухчинъ. Ну, господа, за дѣло. (*Садится съ Пирицынымъ за столъ*). (*Штипицыну,*) Карпъ Ивановичъ говори, что есть.

штипицкій. Слушаю (*уходитъ въ каморку*).

маша (*съ ужасомъ*). Няня, няня! они отнимутъ у насъ матушкину икону!

климовна. Господи! Господи!

пирицынъ. О чемъ изволите безпокоиться, моя сударыня? Отцу-жъ безъ хлопотъ будетъ: квартира казенная, хлѣбъ да вода—казенные, а умретъ, такъ и проводы казенные.

турухчинъ. А я, пожалуй, дочку возьму къ себѣ въ поварихи, спадетъ съ нея спѣсь.—Ну, скоро ли, Штипицкій?

штипицкій (*изъ каморки*). Первое: образъ въ серебряномъ окладѣ.

маша (*бросаясь къ столу*). Пощадите! этой иконою благословила меня моя матушка, когда отдавала душу Богу. Окромѣ ея, у меня ничего нѣтъ.

турухчинъ. Матушка? тѣмъ лучше, стало-быть, родовое. (*Пробкѣ*). Первое: образъ въ серебряномъ окладѣ. Есть, что ли?

ПРОБКА. Есть.

ТУРУХЧИНЪ. Дальше, второе....

ШТИППИЦКІЙ (*выноситъ изъ каморки старый мундиръ, формы преображенскаго полка 1709-го года, держа его за нижній конецъ одной полы.*) Второе; ветхій, дырявый мундиръ, съ заплатою. (*хохотъ*).

МАША. Господа, мы хранимъ этотъ мундиръ, какъ святыню: въ немъ убитъ мой братъ подъ Полтавою.

ПИРИЦЫНЪ. Давай-ка сюда это сокровище.

ШТИППИЦКІЙ. На! (*бросаетъ мундиръ на столъ.*)

ПИРИЦЫНЪ. Да, оно одно выручитъ всѣ протори и убытки! (*хохотъ*).

ТУРУХЧИНЪ (*Пробкѣ*). Второе: ветхій, дырявый мундиръ съ заплатою.

ПРОБКА. Есть.

ТУРУХЧИНЪ. Третье: что дальше?

ШТИППИЦКІЙ. Да съ чего прикажете продолжать, Ѳока Ѳомичъ? съ небелишки, что ли?

ТУРУХЧИНЪ. Ну, хоть съ небелишки.

КЛИМОВНА. Небель, батюшка, вся хозяйская. Что нашихъ господъ было, вы ужъ все записать изволили.

ТУРУХЧИНЪ. Все равно, послѣ разберутъ. Записать.

ШТИППИЦКІЙ. А вонъ тамъ, въ углу, что за трость такая?

МАША, (*беретъ трость*). Этой трости я вамъ не могу отдать, она чужая.

ШТИППИЦКІЙ. Позвольте — позвольте... (*онъ разсматриваетъ трость, вдругъ приходитъ въ ужасъ, снимаетъ шляпу и кланяется въ поясъ*). Су....су....су....да....ры....ры....ня!

ПИРИЦЫНЪ (*толкая Турухчина*). Поглядите, Ѳома Ѳомичъ— Штиппицкій одурѣлъ!

ТУРУХЧИНЪ. Что ты, Карпъ Ивановичъ! рехнулся, что ли?

ШТИППИЦКІЙ. Но....жа....луйте сюда! бѣла!

ТУРУХЧИНЪ (*Пирицыну*). Ступай, погляди, не дурманъ ли на него нашелъ?

ПИРИЦЫНЪ. А вотъ, посмотримъ. (*Подходитъ и столбенѣетъ отъ ужаса*). Чуръ! мое мѣсто свято! чуръ меня!

МАША, Господа! что съ вами?

КЛИМОВНА. Вишь, какъ выпучили глаза!

ТУРУХЧИНЪ (*встаетъ*). Да что это вы, дурачить меня хотите, что ли? (*увидѣвъ трость*). Караулъ! караулъ! держите!

ПРОБКА (*встаетъ и подходитъ*). Что за прыть такая? Погляжу и я! (*увидѣвъ трость, которая все еще въ рукахъ у Маши*) Ѳока Ѳомичъ! знакомая! ей-ей знакомая! Ну такъ и есть: Ѳока Ѳомичъ, узналъ знакомую!

МАША. Господи! я ничего не понимаю... Эту трость далъ батюшкѣ незнакомый господинъ, высокаго роста—въ одноколкѣ.

ШТИПИЦКІЙ. Высокаго роста!

ПИРИЦЫНЪ. Въ одноколкѣ!

ПРОБКА. Чую! чую! ваше благородіе, Ѳока Ѳомичъ! я чую, чуете ли вы?

ТУРУХЧИНЪ (*срываетъ шляпу и падаетъ на колѣна*). Матушка, Марья Петровна, кормилица, мать родная, не погуби!

ВСѢ, (*на колѣнахъ*). Мать родная, не погуби!

МАША. Господа, что вамъ угодно?

ВСѢ. Не погуби!

ПРОБКА. Ужъ никогда больше не стану пить! ей – ей, никогда.

—

## ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же Курчаевъ, Стрѣльневъ, потомъ царскій шутъ.

(*Курчаевъ въ старомъ изорванномъ кафтанѣ*).

МАША (*бѣжитъ на встрѣчу отцу*). Батюшка! батюшка! посмотри, что здѣсь дѣлается. Наѣхалъ судъ, описалъ имѣніе... и потомъ, какъ увидѣли трость... вотъ посмотри самъ. (*Показываетъ на нихъ*). Ума не приложу.

КУРЧАЕВЪ. Господа, что вамъ угодно?

ТУРУХЧИНЪ. Не погуби, милостивецъ!... мы только шутили.

КУРЧАЕВЪ. Какъ, шутили?

ТУРУХЧИНЪ (*встаетъ*). Твое дѣло правое... ваше благородіе, ваше дѣло правое... только Бога-для не уступайте, не уступайте сосѣду, онъ разбойникъ, онъ, не такой человѣкъ, чтобъ жалѣть его! А мы только шутили!

ВСѢ. Мы только шутили?

ТУРУХЧИНЪ. Вотъ и 100 рублевъ, что бралъ у васъ взаймы. (*Кладетъ деньги на столъ*).

КУРЧАЕВЪ. Вы у меня никакихъ денегъ не брали, не сами ли вы говорили давича?

ТУРУХЧИНЪ. Бралъ, бралъ... ей-Богу бралъ, изволили забыть.

ВСѢ. Изволили забыть.

КУРЧАЕВЪ. Ничего не понимаю.

ШУТЪ (*верхомъ на трости*). Тпррру! лошадка! тпррру! вишь, какъ брыкается! стой-ка! тпррру! эка, лягается какъ! тпррру!

КУРЧАЕВЪ. Это что за человѣкъ?

СТРѢЛЬНЕВЪ (*тихо*). Это царскій шутъ.

КУРЧАЕВЪ. Царскій!

ШУТЪ (*Туруxчину*). Здорово, пріятель, здорово! вотъ Богъ привелъ опять увидѣться... Да я и не одинъ, со мной есть еще и куманекъ... сейчасъ будетъ, тпррру, лошадка! избаловалась на царской конюшнѣ!

КУРЧАЕВЪ. Что значитъ все это?

ТУРУХЧИНЪ. Петръ Семеновичъ, вѣдь... ваше дѣло... ей-ей, правое!

ШУТЪ. А-а-а! Такъ ты Петръ Семеновичъ Курчаевъ?

КУРЧАЕВЪ. Я самъ, что вамъ угодно?

ШУТЪ. Вотъ тебѣ твоя лошадка... отдай-ка мнѣ царскую.

КУРЧАЕВЪ. Царскую?

ШУТЪ. Деревяннаго-то ходатая.

КУРЧАЕВЪ. Извольте... но... я... мнѣ...

ШУТЪ. Вотъ эта лошадка, знакомая! пади! пади! дайте дорогу! дайте дорогу! пади! (*въ дверяхъ встрѣчается съ Копневымъ*). Вотъ и куманекъ! пади! пади! (*Ѹзжаетъ верхомъ на тросги*).

—

## ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ШУТА, КОПНЕВЪ.

КОПНЕВЪ (*Туруxчину*). Ну братъ, Ѳока Ѳомичъ, дружба дружбой, а служба службой: мы земляки и благопріятели, а дѣлать нечего: велѣно отвести тебя къ Антону Мануйловичу.

ТУРУХЧИНЪ. Петръ Семеновичъ, заступитесь... вѣчно буду

Бога молить! Я только пошутилъ... хотѣлъ испытать крѣпость вашего духа, чтобъ завтра крѣпче порадовать.

климовна. Какъ, батюшка? а надъ барышней-то вы сколько издѣваться изволили? а надъ мундиромъ-то покойнаго Павла Петровича?

турухчинъ. Все ради той же шутки, матушка!

копневъ. Пойдемъ же, Ѳока Ѳомичъ. Служба приказываетъ.

турухчинъ. Пропала моя головушка!

копневъ. А вы чтожъ стоите? уснули что ли!

пробка. Уйдемъ, уйдемъ, Авдѣй Меркуловичъ?

(*приказные убѣгаютъ*).

копневъ. Мое всенижайшее почтеніе, господинъ честной.

курчаевъ. Мое почтеніе.

(*Копневъ уходитъ съ Турухчинымъ*).

—

## ЯВЛЕНІЕ XII.

Курчаевъ, Маша, Стрѣльневъ, Климовна.

курчаевъ. Дѣти, дѣти! я теперь знаю, кто былъ незнакомый господинъ.

стрѣльневъ. Самъ, Государь!

маша. Государь!

курчаевъ и стрѣльневъ. Да здравствуетъ царь, Петръ Алексѣевичъ!

курчаевъ. И да здравствуютъ на землѣ правда и правосудіе

КОНЕЦЪ.

# ПОЛЮБОВНЫЙ ДѢЛЕЖЪ

## ИЛИ

# КОМНАТА СЪ ДВУМЯ КРОВАТЯМИ.

ШУТКА ВОДЕВИЛЬ ВЪ 1 ДѢЙСТВІИ.

*Переводъ съ Французскаго.*

А. Н. АНДРЕЕВА.

—

## ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Флоридоръ Пишо . . . . . *Г. Живокини.*
Исидоръ Мишо . . . . . *Г. Мартыновъ.*
Два голоса за кулисами.

Дѣйствіе происходитъ въ предмѣстьи маленькаго города около Парижа, въ гостинницѣ.

—

*(Представлена въ 1-й разъ на Александринскомъ Театрѣ 11-го апрѣля 1847 года, въ бенефисъ Куликова).*

—

*Комната въ гостинницѣ. На-лѣво, на 1-мъ планѣ, окно. На-право, подлѣ двери, на 1-мъ планѣ, столикъ. Въ глубинѣ, посрединѣ — каминъ. По обѣимъ сторонамъ камина—кровати. Передъ каждою кроватью стулъ. На каминѣ два рукомойника, два стакана, двѣ салфетки и проч.*

## ЯВЛЕНІЕ I.

Исидоръ Пишо. (*Лежитъ на кровати на-лѣво. Занавѣсы обѣихъ кроватей опущены. Ночь.*)

—

## ЯВЛЕНІЕ II.

Пишо (*на кровати*). Флоридоръ Пишо и служитель гостинницы (*за кулисами*).

пишо (*за кулисами*). Ну-же! Гдѣ мой 7-й нумеръ? Мой 7-й нумеръ?

служитель (*за кулисами*). Этотъ и есть 7-ой-съ.

пишо (*входитъ на сцену съ дорожнымъ мѣшкомъ и свѣчой*. То есть, мой! А! вотъ наконецъ, моя комната! Что это? Двѣ кровати!

служитель. Прикажете васъ завтра разбудить, сударь?..

пишо. Нѣтъ, нѣтъ, ненужно! Впрочемъ, если я самъ не проснуся часамъ къ 12-ти, то въ два часа, пожалуй, разбуди.

служитель. Слушаю сударь!

пишо. Эй ты? послушай!

служитель. Что прикажете?

пишо. А что? Въ вашей гостинницѣ все тихо?

служитель. Никогда ничего не случается, сударь?

пишо. И ты мнѣ за это головой отвѣчаешь?

служитель. Она лучшая во всемъ предмѣстьи, сударь.

пишо. Кто это? Голова или гостинница?
служитель. Покойной ночи, сударь.

—

## ЯВЛЕНІЕ III.

Пишо и Мишо (*спящій*).

пишо. (*Положивъ мѣшокъ подлѣ кровати и свѣчку поставивъ на столъ*). Лучшая во всемъ предмѣстьи!... И думаетъ, что я ему такъ и повѣрю!.. Знаю ужъ я эти деревенскія гостинницы!.. Собаки, ослы, кошки, пѣтухи и другія животныя лаютъ, кричатъ, мяукаютъ цѣлую ночь; но эти каналіи животныя не такъ опасны, какъ эти мошенники—люди.—Запру дверь, (*замыкаетъ дверь и раздѣвается*). Теперь осмотримъ мое пустынное ложе. (*Беретъ свѣчку и осматриваетъ кровать*). Тутъ есть своего рода маленькіе кровопійцы. Кто путешествовалъ, тотъ знаетъ, какъ эти разбойники нападаютъ изъ-засадъ.... Посмотримъ .. простыни довольно чисты... Странно!.. Кажется нѣтъ и признаковъ животнаго происхожденія... А-вѣдь это рѣдкость въ такомъ захолустьи? Тогда какъ даже въ Парижѣ, въ просвѣщенномъ Парижѣ... гдѣ просвѣщеніе проникаетъ такъ сказать, въ каждый закоулокъ.... А чтожъ? Вѣдь и эти твари имѣютъ свободный входъ въ каждый закоулокъ Парижа... а я? Я не смѣю туда и носа показать ни въ какое время... (*ставитъ свѣчку на столъ*). Вотъ ужъ пять лѣтъ, какъ я скитаюсь въ окрестностяхъ Парижа!.. (*Подходитъ къ кровати, снимаетъ сапоги, надѣваетъ туфли и колпакъ, которые достаетъ изъ мѣшка. Подходитъ къ столу*). Что это? Карты! Какія славныя! Кто ихъ занесъ сюда! Страсть къ золоту! — Вотъ вѣрная картина нашего вѣка!.. Вотъ... (*слышно храпѣніе Мишо*). Ге?.. (*Мишо храпитъ*) это съ той стороны! (*указывая на кровать*). Какого чорта они тамъ закопали? Это вѣрно кошка мурлычитъ. Посмотримъ... (*Подходитъ къ кровати и отдергиваетъ занавѣсъ*). Господи помилуй! Это человѣкъ!.. И въ положеніи лягавой собаки!.. (*Мишо храпитъ*) Опять? Но нѣтъ, я этого ему не позволю... Милостивый государь! Милостивый государь!.. Можетъ быть это Итальянецъ... signor, signor!.. Или Нѣмецъ...

Mein Herr! Mein Herr!.. *(Мишо храпитъ).* Непросыпается ни на какомъ діалектѣ! Постой, я его спрысну, (*беретъ умывальникъ и плескаетъ ему въ лице воды*).

мишо, (*просыпаясь*). Ай! Что такое? Еще нѣтъ 4-хъ часовъ!

пишо. А! Вы откликнулись.

мишо. Я велѣлъ разбудить меня въ 4 часа. Еще нѣтъ 4-хъ часовъ! *(засыпаетъ)*

пишо (*будя его*). Милостивый государь! Милостивый государь!

мишо. Оставь меня въ покоѣ, дуракъ!

пишо. Дуракъ? Вы сами дуракъ! Я вамъ не мальчикъ достался!..

мишо, (*садясь быстро на кровать*). Ахъ! Батюшка! Такъ вы... Ей-Богу, у меня нѣтъ денегъ... то есть есть; но бездѣлица: нѣсколько мелочи, и если угодно, возьмите послѣднее.

пишо. Вотъ ужъ вы меня за вора принимаете! Я не воръ! А путешественникъ — честный и усталый!

мишо. Такъ вы вѣроятно въ лунатизмѣ?

пишо. Я заплатилъ за ночлегъ, и хочу, чтобъ мнѣ не мѣшали спать! Понимаете?

мишо. Вотъ прекрасно! Вы меня будите съ остервенѣніемъ, и вы-же мнѣ говорите, чтобъ я вамъ не мѣшалъ спать?... Да спите съ Богомъ,... идите спать въ вашу комнату...

пишо. Я и то въ моей комнатѣ.

мишо. Это моя.

пишо. Но тутъ двѣ кровати! И они разбойники отдали мнѣ одну изъ нихъ—увѣряя, что я буду спать совершенно покойно... А въ самомъ дѣлѣ положили меня съ какимъ-то волчкомъ.

мишо. Милостивый государь! Я уѣзжаю въ 4 часа, а теперь уже три. Мнѣ нѣтъ времени входить въ подробности. Желаю вамъ покойной ночи. *(Засыпаетъ).*

пишо. Проклятая гостинница! Думаешь, что будешь одинъ, а теперь... а... а... а... (*зѣваетъ*). Я падаю отъ усталости. Вѣрно и онъ окончилъ свою гармонію... (*Ложится, закрываетъ занавѣси, раздѣвается, потомъ опять открываетъ занавѣси. Онъ видитъ уже лежащій. Исидоръ Мишо храпитъ. Онъ ворочается на кровати съ ужаснымъ нетерпѣніемъ).* Опять захрапѣлъ!.. Да это невыносимо!.. (*Вскакиваетъ въ короткомъ камзолѣ и идетъ будить Мишо*). Милостивый государь! Милостивый государь!..

мишо, (*просыпаясь*). Опять? (*Сидя*). Да это неприлично, сударь!.. Вы просто должны быть наняты, чтобы не давать мнѣ покоя.

пишо. Но несчастный! Вѣдь это вы не даете мнѣ покоя!

мишо. Я? Да я на васъ даже и не смотрѣлъ, я спалъ лицомъ къ стѣнѣ.

пишо. Но вы храпѣли, понимаете-ли? Храпѣли! х, р, а, хра..

мишо. Я храпѣлъ?

пишо. Какъ громъ!

мишо. Это уже слишкомъ!

пишо. Больше, чѣмъ слишкомъ! Это слишкомъ—слишкомъ!

мишо (*вскакиваетъ съ постели.* Ну, когда же такъ,—да... я храпѣлъ,.. Ну, мнѣ такъ хочется!.. Это моя забава!.. Разсѣяніе!.. Что это, въ самомъ дѣлѣ? Вы мнѣ тоже, какъ жена моя, хотите надоѣдать?

пишо, (*подходя къ постели Мишо*). Ваша жена? Такъ значитъ, у васъ есть жена?

мишо, (*удерживая его*). Да, есть! И вы на нее похожи!

пишо. А что она хороша?

мишо. Нестерпима!.. Вотъ—какъ вы. Она тоже меня безпрестанно увѣряетъ, что я храплю... ни одной ночи не даетъ мнѣ покоя.

пишо. Я бы на ея мѣстѣ, еще прибилъ васъ.

мишо. А позвольте спросить? Вы женаты?

пишо. Я? Нѣтъ!

мишо. Такъ вы холостой? Я вамъ завидую.

пишо. Нѣтъ, я не холостой!

мишо. А! значитъ вы вдовецъ! Это еще лучше!

пишо. Я еще и не вдовецъ.

мишо. Всякій мущина непремѣнно долженъ быть или холостой, или женатый, или вдовецъ... даже въ высшемъ кругу...

пишо. Однакожъ, я ни тотъ, ни другой, ни третій...

мишо. Ну-такъ вѣроятно... какъ бишь этакъ... ну, вотъ, что... тьфу!.. скверно!..

пишо. За кого же вы меня принимаете?

мишо. Чего добраго, не занимали-ли вы мѣста при олаликахъ въ Турціи?

пишо. Нѣтъ – съ, не занималъ! Я былъ холостымъ, былъ

женатымъ, и теперь не вдовецъ.... Но напротивъ того, жена моя теперь вдова.

мишо. Она вдова! отъ живаго мужа?

пишо. А кто-же вамъ говоритъ, что я живой?

мишо. Какъ? Что — съ?.. Милостивый государь, пожалуйста, не шутите подобными вещами.

пишо. По-крайней-мѣрѣ, моя одна половина умерла для другой.

мишо. Вы разбиты параличемъ?

пишо. А эта другая половина и есть моя жена! Она меня считаетъ умершимъ. Теперь ясно-ли? Я умеръ для нея, а живу для себя.

мишо. Понимаю, понимаю... И живете хорошо?

пишо. Слава Богу. А вы?

мишо. Покорно васъ благодарю. Но вѣдь это, право удивительно! Какъ же вы это могли погибнуть прежде вашей смерти? Разскажите пожалуйста...

пишо. Съ охотою, но... въ другой разъ! Теперь пора лечь спать! (*Идетъ къ кровати*).

мишо. А меня разбудилъ!.. Знаете-ли, когда я проснусь, то уже никакъ не засну?

пишо. А вы не храпите въ другой разъ. Покойной ночи. (*Ложится*).

мишо, (*смотритъ на свои часы, которые повѣшены на перекладинѣ его кровати*). Еще только четверть четвертаго! Я могу немножко вздремнуть. Доброй ночи, сосѣдъ. (*Ложится*).

пишо. Прощайте!

мишо, (*лежа*). Я вѣдь интересовался вашей исторіей не изъ одного любопытства... Тутъ была другая цѣль.

пишо. А вы развѣ тоже не слишкомъ жалуете свою дражайшую половину?

мишо. О! Не говорите объ ней! Старуха, лѣтъ пятидесяти! У ней была богатая бойня; я женился, и отдалъ себя на убой! Я изъ Мине... Прескверный городишко.

пишо, (*встороиу*). Это должно-быть мясникъ!

мишо. И я всего 3 дня, какъ пріѣхалъ.

пишо. Одни?

мишо. Одинъ! По дѣламъ въ Парижъ! Сегодня въ 4 часа она заѣдетъ за мной въ дилижансѣ, и я опять попаду въ петлю.

пишо. Жаль мнѣ васъ.

мишо. Но — разскажите-же мнѣ теперь вашу исторію... передъ сномъ.

пишо. Она слишкомъ длинна! Жизнь моя—цѣлый романъ! Мое младенчество было ужасно! У меня была курчавая головка... Я былъ красавчикъ, прехорошенькій!..

мишо. Какъ вы перемѣнились! Васъ совсѣмъ теперь узнать нельзя!

пишо. Въ 12 лѣтъ я былъ уже чрезвычайно смышленъ, и дѣлалъ маленькіе кораблики, которые спускалъ на-волу. Отецъ мой, желая собрать плодъ моего призванія, помѣстилъ меня къ одному знакомому шкиперу. Когда мнѣ минуло 18 лѣтъ... (*Примѣчая, что Мишо не слушаетъ*). Но—пріятель? Вы слушаете?.. Нѣтъ!.. Онъ уснулъ!.. Тѣмъ лучше. И я успокоюсь,.. ужасно усталъ!.. (*Мишо громко храпитъ*). Онъ опять принялся!.. (*На колѣнахъ на своей кровати, и крича во-все горло*). Эй! Музыкантъ! Музыкантъ! Контрбасъ!.. Слушай!!!.. Когда мнѣ исполнилось 18 лѣтъ...

мишо. (*просыпаясь, вскакиваетъ на колѣна на своей кровати*). Что? Кому это исполнилось 18 лѣтъ?

пишо. Мнѣ. Когда я отошелъ отъ шкипера.

мишо. Вы отошли отъ шкипера?

пишо. Такъ вы развѣ ничего не слышали? (*Снова ложится*).

мишо. Я все слышу. Рѣшительно все. Я только закрываю глаза, но все слышу. Продолжайте.,. (*ложится*).

пишо. И такъ, когда мнѣ исполнилось 18 лѣтъ, и когда... Но позвольте, я стану сокращать... Я разомъ перехожу къ эпохѣ рекрутскаго набора. Я уже совсѣмъ-было попалъ въ солдаты, какъ вдругъ получаю записку, слѣдующаго содержанія: «Молодой человѣкъ! Вы имѣете наружность слишкомъ выгодную, чтобъ ее подвергать опасностямъ войны. У меня 5000 ливровъ годоваго дохода, и я еще молода. Я васъ уважаю, и предлагаю вамъ мою руку и мое состояніе. Ваша ваканція въ полку будетъ замѣщена. Подписано: Вероника Сенешаль. Улица Луны, № 27-й.»

мишо, (*садясь быстро на кровати, всторону*). Вероника! Улица Луны? № 27-й? (*громко*). Тя, тя, тя...

пишо. А? Вы меня теперь слушаете?

мишо Продолжайте, продолжайте, это очень любопытно!

пишо, (*засыпая*). А въ посскриптѣ. «Ваша ваканція будетъ замѣщена только въ полку...»

мишо. Дальше, дальше.

пишо. Только въ полку... только... (*Засыпаетъ*).

мишо. Я это слышалъ! А дальше? (*Пишо храпитъ*). Онъ спитъ! Но нѣтъ! Этого я не позволю?.. (*Встаетъ и будитъ его*). Молодой человѣкъ! Милостивый государь!..

пишо. Что? Что вамъ нужно?

мишо. Вашу исторію! Вы не кончили вашей исторіи..,

пишо. На чёмъ я остановился?

мишо. «Но—только въ полку».

пишо. Да, хорошо... Ступайте жъ спать!

мишо, (*будя его*). Я вамъ не позволю!.. Я хочу продолженія!.. Я требую продолженія... Я вамъ не позволю спать! (*заставляетъ его сойти съ кровати*).

пишо, (*вставая*). Да вы просто, чортъ знаетъ что!.. Я бы предпочелъ спать съ крокодилами... Тѣ, по-крайней-мѣрѣ, молчатъ! Проклятая гостинница!

мишо, (*быстро помогая ему надѣть туфли*). Ну, что-жъ дальше?.. «Только въ полку...» А что-жъ дальше?

пишо. Ужъ 3-й разъ вы мнѣ это говорите.

мишо. Продолжайте!

пишо. Получа эту записку, я подумалъ: штуки! Хотятъ надуть!.. Но думаю я, что-жъ за бѣда? Хуже не будетъ,.. Отправляюсь я въ улицу Луны, отыскиваю 27-й нумеръ, и представте? Вероника существовала! Вероника была не миѳъ! 5000 ея дохода не были баснословными! Что-же касается до ея молодости, то она была всего еще въ 45-й своей веснѣ. А мнѣ тогда не-было и 20 лѣтъ. Она однако была женщина здоровая, дурна только съ одной стороны... и вдова перваго мужа, также вѣроятно купленнаго, какъ и я, на рынкѣ несчастій! Я нѣсколько колебался... Но звонкій интересъ перевѣсилъ, и я женился на Вероникѣ.

мишо, (*взявъ его за руку*). О сударь! Если-бы вы знали, какъ меня интересуетъ вашъ разсказъ?

пишо, (*всторону*). Какой смѣшной! (*Ему*) Не успѣлъ еще я хорошенько обжиться, порядкомъ, такъ сказать, обвероничиться, я это произвожу отъ слова особачиться... это почти одно и то же!.. Какъ уже увидѣлъ, что сдѣлалъ большой промахъ. Каж-

дый день открывалъ я въ ней новыя недостатки... а въ 365 дней... Я съ нею жилъ два года!.. Сочтите-ка, сколько недостатковъ?

пишо. Со мною нѣтъ карандаша!

пишо. Однажды,—это было въ воскресенье!.. Она мнѣ осмѣлилась сказать, что заплатила за меня 1800 франковъ. Я ее назвалъ старой дурой. Она пустила въ меня уже непомню, какой-то миской, я отвѣчалъ ей подсвѣчникомъ... И вотъ, какъ мы проводили воскресенье!

пишо. Не по-воскресному! О, я васъ понимаю!..

пишо. Короче: я рѣшился! Три рубашки, двѣ пары сапогъ, нижняго платья, и нѣсколько монетъ, припасенныхъ на-всякій случай, все это я увязалъ въ узелокъ и ушелъ гулять...

пишо. Это вамъ дѣлаетъ честь, молодой человѣкъ! это вамъ дѣлаетъ честь!..

пишо. Мнѣ пришла идея: я побѣжалъ на-берегъ Сены, выбралъ мѣсто поглубже, положилъ на камень сертукъ, бѣлье, и другія принадлежности очень знакомыя моей супругѣ, а самъ бросился... только не въ воду, а вонъ изъ Парижа.

пишо. И васъ сочли за утопленника? Прекратили розыски, вы на свободѣ, и вотъ, какъ ваша жена осталась вдовою при живомъ мужѣ.

пишо. Именно. Вы угадали!

пишо. Я ничего не угадывалъ, сударь. Я зналъ прежде исторію вашего самоубійства.

пишо. А? Такъ вамъ объ немъ разсказывали?

пишо. Даже слишкомъ много! И я могу вамъ ее досказать до конца.

пишо. Ба! Такъ были значитъ послѣдствія?

пишо. Васъ зовутъ Флоридоръ Пишо?

пишо. Вы знаете мое имя? И всѣ повѣрили моей выдумкѣ?

пишо. Еще бы, когда тѣло ваше было поймано сѣтьми въ Сенъ-Клу.

пишо. Право? Да это любопытно!

пишо. И хотя оно уже немножко испортилось, но васъ все-таки легко узнали.

пишо. Меня узнали? Поздравляю!

пишо. И черезъ годъ, ровно въ день вашей смерти, Вероника снова вышла замужъ.

пишо. Она купила себѣ третьяго? Моя неутѣшная вдова возобновила свою торговлю!

мишо. Да, сударь. Она пріобрѣла разорившагося мѣховаго торговца... Ему грозила тюрьма за долги, и онъ предпочелъ продать всѣхъ своихъ лисицъ, чтобы убить такого бобра .. Да сударь! Увѣряю васъ, что и мнѣ нѣтъ покоя отъ Вероники!

пишо. Вамъ?

мишо. Да, мнѣ! Ея мужу! Я Исидоръ Мишо! Скорнякъ его величества, короля Датскаго!

пишо. Вы мужъ моей жены?

мишо. Напротивъ, это вы, сударь!

пишо, (*быстро одѣвается*). О! напрасно-же я ему разсказывалъ... Милостивый государь! Имѣю честь пожелать вамъ доброй ночи! (*хочетъ уйти*).

мишо, (*останавливая его за руку*). Тьфу! Куда это вы?

пишо. Извините... Я забылъ кое-что въ Нормандіи...

мишо, (*задерживая его*). Вы не уйдете отъ меня! Я васъ не выпущу.... Вы не вырвегесь изъ моихъ когтей... А! вы въ воду кинулись! Мертвецомъ прикинулись !.. Ѣдемъ! Ѣдемъ вмѣстѣ!

пишо. Куда?

мишо. Къ Вероникѣ!

пишо. Чтобъ я поѣхалъ къ вашей женѣ?

мишо. Къ вашей!

пишо. Она ваша!

мишо. Ваша!

пишо. Ваша, говорю я! У меня нѣтъ жены! Между нами все кончено.

мишо. Я съ вами буду судиться.

пишо. И проиграете. Я знаю законъ:

У насъ законъ гласитъ о томъ,
Жена мужей двухъ не имѣетъ,
Жена, какъ нераздѣльный домъ:
Одинъ хозяинъ имъ владѣетъ.
И каждый скажетъ вамъ дѣлецъ,
Что вы хозяинъ тамъ по акту,

мишо.

Нѣтъ, нѣтъ! Я просто былъ жилецъ,
На-время только — по-контракту!

пишо. А такъ мы раздѣлаемся другимъ образомъ.

мишо. Это что?

пишо. Я васъ убью, милостивый государь!

мишо. Чтожъ? Дуэль!

пишо. Дуэль!

мишо. Я согласенъ!

пишо. Еслибъ только у насъ было оружіе!

мишо. Я видѣлъ тамъ внизу, проходя черезъ кухню... О! я чувствую въ себѣ храбрость для защиты такого важнаго дѣла!.. *(Выходитъ на-право, и уходя замыкаетъ дверь).*

—

## ЯВЛЕНІЕ IV.

пишо (*одинъ.*)

Онъ меня запираетъ!.. Я думалъ застращать его, напугавъ дуэлью, но онъ слишкомъ вспыльчивъ!... Что дѣлать? Еслибъ я могъ куда-нибудь ускользнуть? (*Отворяетъ окно*) Уфъ! Какъ высоко! Я этакъ себѣ все отобью! (*оглядывается*) А! каминъ!.. Но чортъ возьми! Какъ мнѣ туда вскарабкаться?.. Нужно-бы было съ малолѣтства поучиться у трубочиста. (*Одѣвается, оборотясь спиною къ публикѣ*). А что? Если онъ да самъ не воротится? Онъ можетъ-быть еще больше моего труситъ... Это было-бы недурно! Я хочу, чтобъ онъ меня лучше побѣдилъ своею уступчивостію, чѣмъ Богъ знаетъ чѣмъ...

—

## ЯВЛЕНІЕ V.

мишо и пишо.

мишо (*входитъ. Въ рукахъ у него вертель и пистолетъ*). Вотъ и я.

пишо, (*всторону*). Проклятая гостинница! (*громко*) Что это вы тамъ принесли? Вертель? Да вы меня развѣ за птицу принимаете?

мишо. Я больше ничего не нашелъ, но это довольно остро.

пишо. Все равно. Я имѣю право на выборъ оружія. Вы меня вызвали.

мишо. Это вы, напротивъ; вы хотѣли меня убить.

пишо. Я хотѣлъ васъ убить, но не хотѣлъ-же съ вами драться, я выбираю оружіе!

мишо. Выбирайте-жъ и поскорѣе!

пишо. О! я великодушенъ! Я беру пистолетъ.

мишо. Хорошо.

пишо. Разстояніе — эта комната!

мишо. Наступая другъ на-друга.

пишо. Мы будемъ стрѣлять по-произволу. (*Взводитъ курокъ*).

мишо, (*становясь на свое мѣсто*). Только...

пишо, (*на своемъ мѣстѣ*). О! Чортъ возьми! Надулъ! Надулъ! Пистолетъ не заряженъ!

мишо. Стрѣляйте, сударь! Стрѣляйте!.. Я неуступаю.

пишо. Я требую вертеля, я требую вертеля!..

мишо. Хорошо. Я вамъ его воткну куда-нибудь.

пишо. Остановитесь! Я требую объясненія!

мишо. Ужъ поздно!

пишо. Послушайте! Лучше поздно, чѣмъ никогда! Да слушайте!.. Если вы меня убьете, Вероника останется на вашихъ-же рукахъ. Если-же я васъ убью, она попадетъ въ мои... мы оба въ дуракахъ... (*дѣлаетъ шагъ впередъ*).

мишо, (*поднимая вертель*). Берегитесь!! А вѣдь правду сказать, мы съ вами глупы, какъ мужья!

пишо. А! догадались! Положите-же оружіе.

мишо. (*кладетъ вертель на кровать*). Вотъ мысль! Да чего-же лучше. Вотъ другое оружіе, и тоже кажется изъ кухни; такія сальныя (*беретъ карты*). Сыграемъ на жену...

мишо. Какъ?

пишо. Я вамъ сдѣлаю штосъ.

мишо. Что-съ?

пишо. Безтолковый! Ну, банкъ! Жена разыгрывается!

мишо. Жена въ банкѣ!

пишо. Я мечу на вашу жену!

мишо. То есть, позвольте: на вашу!

пишо. Ну, ну, хорошо: на нашу жену.

мишо. Согласенъ, на нашу!

пишо. Славный кушъ! Ставьте-ка банкъ! сорвите!

мишо. Нѣтъ: ужъ на что-же?

пишо. Проигравшись, чуръ не пятиться?

мишо. Никогда, а вы?

пишо. Клянусь!

мишо. (*всторону, принося стулъ*). Я надѣюсь ее проиграть.

пишо. (*всторону, тоже садясь*). Я чертовски счастливъ въ картахъ, чья-то возьметъ?

мишо. Я готовъ.

пишо. Рѣжьте!

мишо. Да нечѣмъ.

пишо. Ахъ какой безтолковый!—Снимайте!

мишо (*снимая, всторону*). Я тебя срѣжу съ ногъ.

пишо (*всторону*). Я тебѣ сниму голову!

мишо. Извольте! Идетъ тузъ!

пишо. Ахъ, какъ-бы я хотѣлъ вамъ дать туза.

мишо Что это вы? У меня сердце не на мѣстѣ, а вы еще шутите.

пишо. Вовсе не шучу, видите-ли, и у меня руки дрожатъ.

мишо. Вотъ король! — Дама! — А туза нѣтъ-какъ-нѣтъ... (*вскакивая*) А!—

пишо, (*вскакивая*). А! Тузъ на-лѣво! Вы проиграли.

мишо, Вы выиграли.

вмѣстѣ. Господи! благодарю тебя, ты избавляешь меня отъ Вероники.

мишо. Что?

пишо. Что такое, повторите?

вмѣстѣ. Господи! благодарю тебя, ты избавилъ меня отъ Вероники.

пишо. Избавилъ отъ Вероники? Васъ?

мишо. Да, развѣ я не выигралъ?

пишо. А развѣ я не проигралъ?

мишо. Ну?

пишо. Ну?

мишо. Ну, чтожъ?

пишо. Какъ чтожъ? Но на кого мы играли? На Веронику? Вы выиграли, и она ваша!

мишо. Это уже подло! Вы проиграли, не такъ-ли? Выгода на моей сторонѣ, а Вероника на вашей.

пишо. Но звѣрь почтенный! Когда играютъ на два су, кто

ихъ выигрываетъ, получаетъ ихъ или нѣтъ? а? Я думаю, что получаетъ?

мишо. Чудовище скверное! Когда играютъ на жену, кто выигрываетъ ее, тотъ ее и теряетъ! (*показывая на публику*) Спроси вотъ у всѣхъ, не правда-ли, господа?

пишо. Какой-же ты мошенникъ, что ты, жидъ, татаринъ, или грекъ долгоносый? (*слышенъ стукъ экипажа*). Что это! Слышите? Это что за стукъ?

мишо, (*подходя къ окну*). Четыре часа! это дилижансъ изъ Мине... онъ привезъ Веронику!

пишо (*желая убѣжать*). Веронику? Я лечу отсюда! (*схватываетъ свой мѣшокъ*).

мишо (*бѣжитъ къ двери и запираетъ ее*). Я обрѣжу ваши крылья.

пишо. Милостивый государь! будьте честнымъ человѣкомъ! еще есть время обдуматься! будьте честнымъ человѣкомъ!

мишо. Я хочу бросить васъ въ объятія Вероники.

пишо. Разбойникъ! (*Борются*)

—

## ЯВЛЕНІЕ VI.

### Тѣ же и голосъ кондуктора.

кондукторъ (*за кулисами*). Г-нъ Исидоръ Мишо! Г-нъ Исидоръ Мишо!

мишо, (*въ окно*). А, это ты Франсуа?... Скажи-ка женѣ, чтобы поднялась сюда... У меня тутъ для нея приготовленъ подарочекъ. (*Пишо тихо подходитъ къ двери*).

кондукторъ. Но, сударь, ваша супруга не въ каретѣ-съ. (*Пишо останавливается*). И вотъ вамъ письмо! (*Въ окнѣ показывается вила, на которой воткнуто письмо*).

пишо (*кладя свой мѣшокъ*). Ее нѣтъ здѣсь! Я дышу свободнѣе! (*карета уѣзжаетъ*).

—

## ЯВЛЕНІЕ VII.

пишо и мишо.

пишо. Письмо? Посмотримъ, что-то она ко мнѣ пишетъ? (*распечатывая письмо*) Это не ея рука! А! это ея нотаріусъ... Странно !..

пишо. Читайте!

мишо (*читая*). «Любезный другъ Мишо, извѣщаю васъ съ «глубочайшимъ прискорбіемъ, что супруга ваша скончалась «вчерашній день, въ 3 часа утра.

пишо. Скончалась?

мишо. Умерла!

пишо. Такъ рано? Утромъ!

мишо. Въ три часа!

пишо (*пляшетъ*). Браво! Браво! Я оживаю!

мишо (*тоже*). Опять я свободенъ! Да я и во снѣ не видалъ такого блаженства, давай плясать! Плясать до завтраго! (*пляшутъ вмѣстѣ*)

пишо. Кончи письмо, а тамъ вдоволь натанцуемся.

мишо. Еслибъ я былъ съ нею, я бы все получилъ.

пишо (*вырывая письмо*). Да прочтешь-ли ты, рохля?

мишо. Не смѣй ругаться!

пишо (*читая*). «Что-же касается до ея имѣнія, то она дѣ«лаетъ полнымъ его наслѣдникомъ своего мужа (*плача*). Нас«лѣдникомъ!

мишо. Ея мужа!

пишо. Бѣдняжка!

мишо (*плача*). Ахъ ты достойная женщина!

пишо (*плача*). Самая достойная !

мишо (*плача*). Добродѣтельнѣйшая женщина!

пишо. Превнадобродѣтельнѣйшая! Мнѣ жаль даже, что я сейчасъ радовался.

мишо. И мнѣ тоже.

пишо. Но все равно. Я за это употреблю часть ея наслѣдства, чтобы выпить за ея здоровье.

мишо. Ея наслѣдства?

пишо. Это моя обязанность! Она мнѣ отказала все свое состояніе.

мишо. Вы значитъ, не поняли. Въ завѣщаніи сказано: «Я оставляю все моему мужу.»

пишо. Именно! Ея мужу!

мишо. Это мнѣ!

пишо. Мнѣ!

мишо. Э! Ты такъ-то! Пойдемъ-же въ судъ!

пишо. Пойдемъ!

мишо. Но послушай! Пока мы будемъ судиться, судьи все у насъ оттягаютъ. Поищемъ лучше другаго суда, чтобъ насъ раздѣлили полюбовно.

пишо. Руку!

мишо. Вотъ. (*Подходятъ къ рампѣ*)

пишо. Постой! Чтобъ мнѣ не проиграть! Можетъ быть, у тебя тамъ знакомство....

мишо. Не бойся! Это судьи неподкупные!

Если мы съ тобою дружно
Здѣсь являемся къ судьямъ,
То протекціи не нужно,
Чтобъ дѣлить насъ пополамъ.

пишо.

Я согласенъ, но смотри-же,
Я чужой на этотъ разъ,
Хоть поклонимся пониже
Все получше примутъ насъ.

(*Занавѣсъ опускается.*)

# ПАНТЕОНЪ

# ТЕАТРОВЪ.

# КРЫЛЬЯ ИКАРА.

—

## РОМАНЪ ШАРЛЯ БЕРНАРА.

—

### ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

### XI.

На другой день, Деландъ не счелъ за нужное, идти къ г-жѣ Піаръ, и отправился по-раньше на балъ, будучи увѣренъ, что найдетъ ее тамъ. Учредительница была уже на своемъ мѣстѣ, среди группы дамъ, въ той-же должности, споря съ ними въ благотворительности и въ брилльянтахъ. Вокругъ этого блестящаго штаба волтижеровалъ эскадронъ молодыхъ людей, выбранныхъ между самыми модными; это были коммиссары и учредители; у всѣхъ въ петлицѣ была медаль, приличная этому случаю. Деландъ съ трудомъ могъ продраться сквозь толпу, приливавшую безпрестанно къ этому главному пункту, однакожъ, попавъ въ потокъ, онъ успѣлъ, наконецъ, приблизиться къ Изаурѣ, около которой составился самый большой и самый усердный кружокъ поклонниковъ. Вмѣсто того, чтобы, привѣтствовавъ ее, пройти мимо, какъ дѣлается на ко-

ролевскихъ народныхъ выходахъ и какъ многіе поступали и въ это время, онъ остановился, не устрашась холоднаго взгляда, которымъ, казалось, хотѣли наказать эту дерзость.

— Сударыня, сказалъ онъ своей покровительницѣ: прежде нежели осудятъ человѣка, его выслушаютъ; позвольте-же мнѣ воспользоваться правомъ, которое предоставлено всякому обвиненному.

— Безъ ораторства, прошу васъ, отвѣчала г-жа Піаръ, надувъ презрительно губы: вспомните, что мы на балѣ, а не въ судѣ.

— Безъ ораторства, только одно слово, продолжалъ настойчиво прокурорской помощникъ: когда вы меня спрашивали, я считалъ обязанностью скрывать истину въ моемъ отвѣтѣ. Какъ ни велика была разборчивость моего поступка, я вижу, что я ошибся, поступивъ такимъ образомъ, потому-что вы съ-тѣхъ-поръ раздражены противъ меня. Если я былъ виноватъ, то вы строго наказали меня, такъ строго, что желаніе обезоружить вашъ гнѣвъ, заставило меня сегодня пренебречь....

— Всѣ эти вступленія безполезны, прервала отрывисто Изаура: въ двухъ словахъ, что вамъ угодно сказать мнѣ?

— Что отнынѣ я буду самый правдивый изъ вашихъ слугъ, какъ до-сихъ-поръ я былъ самый приверженный.

— Постарайтесь сперва не быть самымъ скучнымъ, загораживая дорогу людямъ, которые желаютъ говорить со мною. Вотъ ужъ нѣсколько минутъ герцогъ де-Рандонъ ожидаетъ конца вашей рѣчи; сдѣлайте милость, уступите ему мѣсто.

Смягченный голосъ, которымъ произнесены были эти слова, далъ понять Деланду, что, обѣщая безграничную покорность, онъ избралъ лучшее средство войти опять въ милость у своей покровительницы. Удаляясь, онъ попробовалъ извлечь изъ этой выгоды все, что позволяло его положеніе.

— Повинуюсь, сказалъ онъ голосомъ нѣжнымъ и почтительнымъ; но по-крайней-мѣрѣ, не откажите мнѣ въ одномъ словѣ за эту жертву; будете-ли вы завтра дома?

— Узнаете, если потрудитесь прійти освѣдомиться, отвѣчала г-жа Піаръ, сопровождая этотъ уклончивый отвѣтъ чѣмъ-то въ родѣ неожиданнаго кокетства, которое обворожило прокурорскаго помощника.

Миръ вполовину заключенъ, сказалъ онъ самъ себѣ: зав-

тра, по всей вѣроятности, онъ заключится вполнѣ. Я успѣлъ заключить преліминарныя статьи. Я никакъ не ожидалъ въ себѣ столько твердости и смѣлости. Она, дѣйствительно, сегодняшній вечеръ въ своихъ брилльянтахъ ослѣпительна, какъ королева. Въ-самомъ-дѣлѣ, если-бы мнѣ предоставили выборъ между мѣстомъ хранителя печати и увѣренностію ей понравиться, я бы, кажется, сказалъ: прочь честолюбіе.

Деландъ пробѣжалъ большую залу, поднявши голову, какъ человѣкъ, увѣренный въ томъ, что онъ скоро выиграетъ знаменитую побѣду; между женщинами онъ встрѣтилъ многихъ лучше Изауры, но ни одна не казалась ему столь лестною для тщеславія любовника. Ему казалось, что лучи, ее окружающіе, отражались уже и на немъ, и что каждый долженъ прочесть на его лицѣ знаменитое счастіе, на которое онъ надѣялся; эта мысль утвердила на лицѣ его гордую улыбку, казалось, довѣрчиво говорившую цѣлому собранію: посмотрите на меня, я тотъ счастливецъ, котораго отличаетъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ Парижа.

Скользя между двумя составлявшимися кадрилями, онъ вдругъ встрѣтился съ Піаромъ, который тоже, для развлеченія отъ сердечныхъ горестей, осматривалъ танцующихъ. Оба размѣнялись церемонными поклонами, и хотѣли идти каждый своею дорогою; но внезапный напоръ толпы невольно сблизилъ ихъ другъ съ другомъ; они искали причины этому напору и нашли ее въ группѣ, состоящей изъ полдюжины женщинъ, великолѣпно изукрашенныхъ и сопровождаемыхъ такимъ-же числомъ мужчинъ, до-нельзя вольнаго обращенія. Эта легкомысленная группа, казалось, рѣшилась силою проникнуть въ средину бала; она подавалась по прямой линіи, безъ зазрѣнія совѣсти, розстроивая ряды танцующихъ, чтобы открыть себѣ дорогу, подобно тому, какъ смѣлый эскадронъ нѣсколько разъ врывается въ ряды пѣхоты, защищающей позицію.

Въ главѣ этого нашествія, Деландъ и Піаръ въ туже минуту узнали г-жу де-Марманкуръ, подъ ручку съ Блондо. Замѣтивъ ту, которую онъ считалъ вѣроломною, государственный совѣтникъ задрожалъ, какъ будто наступивъ на змѣю, и попятился назадъ, но сжатая толпа, ихъ окружавшая, не допустила его до отступленія. Въ это время, Блондо, у котораго блескъ глазъ и цвѣтъ лица говорили, что

онъ довольно хорошо пообѣдалъ, примѣтилъ Піара, и, сдѣлавъ фланговое движеніе, пошелъ прямо на него со всею неблагопристойною шайкою, у которой онъ былъ флигель-маномъ.

—А, здравствуйте, г-нъ Жюль, сказалъ онъ громкимъ голосомъ, дружески взявъ его за руку: что васъ не видать? ужъ не сердитесь-ли вы? Право, это не хорошо, мы васъ такъ любимъ. Спросите лучше у Деланда, не правда-ли, любезный судья?

—Онъ пьянъ, подумалъ прокурорскій помощникъ, посмотрѣвъ съ удивленіемъ на своего друга, потомъ взглянулъ на мужа Изауры и едва могъ удержаться отъ смѣха. Оглушенный этими вопросами въ такихъ полныхъ выраженіяхъ, которые заставили смѣяться всѣхъ свидѣтелей этой сцены, Піаръ испытывалъ жестокое наказаніе за то, что искалъ разсѣянія въ подобной секретной связи; онъ старался отдернуть руку, которую Блондо продолжалъ трясти съ дружелюбіемъ пьяницы; но тотъ крѣпче сжалъ ее, не выпуская своей добычи.

—О нѣтъ, вы насъ не оставите такъ, продолжалъ Блондо: мы послѣ бала ужинаемъ, и вы съ нами; чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше! Мы сперва потанцуемъ, а потомъ выпьемъ.

—Милостивый государь, сказалъ государственной совѣтникъ, удерживая злобу: если вамъ угодно дѣлать исторіи въ собраніи и потѣшать другихъ на свой счетъ, то я прошу васъ обратиться къ кому-нибудь другому.

—Я сдѣлаю все, что вамъ угодно, любезный г-нъ Жюль, отвѣчалъ Блондо: но съ условіемъ, чтобы вы предложили руку моей дамѣ, а я между-тѣмъ постараюсь очистить скамейку, гдѣбы можно было посадить этотъ рядъ красавицъ, у которыхъ я предводителемъ; или... вотъ славная мысль!... такъ какъ г-жа Піаръ учредительница, отведите насъ къ ней; по вашей рекомендаціи, она помѣститъ насъ чудеснымъ образомъ. Это будетъ славно; не правда-ли, дѣдушка?

Вмѣсто того, чтобы отвѣчать на это предложеніе, Піаръ успѣлъ вырвать руку изъ тисковъ, въ которыхъ она находилась и насильно открылъ себѣ дорогу въ толпѣ, которая возрастала около этой исторіи. Видя, что добыча ускользнула, Блондо протянулъ руку и схватилъ Деланда за фракъ.

—Такъ какъ государственный совѣтъ насъ оставилъ, то

палата первой инстанціи поведетъ насъ, сказалъ онъ рѣзкимъ голосомъ: Деландъ, ты сведешь насъ къ г-жѣ Піаръ, ты знакомъ съ нею, и даже, я знаю, волочишься за нею, проказникъ! Теперь можно говорить, мужа нѣтъ здѣсь. Я хочу представить г-жу де-Марманкуръ г-жѣ Піаръ: это будетъ славная штука!

Удерживая одною рукою руку Феодосіи, которая, тщетно стараясь заставить его замолчать, сдѣлала видъ, что хочетъ оставить его, другою рукою онъ держалъ Деланда за воротникъ. Прокурорскій помощникъ кой-какъ вырвался изъ этого несчастнаго положенія, ударилъ отбой, и, подобно государственному совѣтнику, съ усиліемъ продрался сквозь толпу и скрылся.

—Нѣтъ больше друзей! вскричалъ Блондо, обращаясь къ своимъ компаньонамъ: ну, да это все равно. Пойдемте, я хочу, чтобъ г-жа Піаръ помѣстила прилично этихъ дамъ. Я берусь васъ представить и уладить это деликатное дѣло.

Группа, въ которой всѣ кавалеры больше или меньше раздѣляли вакхическую дерзость Блондо, отправилась среди всеобщаго говора. Изъ мужчинъ большая часть смѣялись, или пожимали плечами; а нѣкоторые, построже, громко изъявляли негодованіе и желали прекратить это нарушеніе приличія; дамы съ удивленіемъ и съ гнѣвомъ смотрѣли на эти непзвѣстныя творенія, театральная похолка которыхъ, великолѣпный туалетъ, безстыдный взглядъ и насмѣшливая улыбка, казалось, нагло вызывали на бой. Блондо, увидѣвъ, наконецъ, одну не занятную скамейку, направилъ путь въ ту сторону съ своею дерзкою когортою, которая въ этой залѣ, наполненной лучшимъ обществомъ, походила на рой осъ, коварно овладѣвшихъ ульемъ. Этотъ маневръ получилъ неожиданный успѣхъ. Едва только г-жа де-Марманкуръ, находившаяся во главѣ эволюціи, сѣла, какъ всѣ дамы, сидѣвшія на скамейкѣ, единодушно встали и удалились, съ презрѣніемъ уступая мѣсто новоприпедшимъ. Въ одну минуту скамейка опустѣла; компаньонки Феодосіи тотчасъ-же торжественно помѣстились на ней, и, нисколько не думая краснѣть отъ подобнаго пріема, продолжали насмѣхаться надъ непріязненнымъ для нихъ кругомъ, который, пропустя ихъ, снова сомкнулся.

Однако жъ это происшествіе начинало безпокоить учредителей

праздника, которые, не предвидя подобной глупости, поздно схватились за средство поправить ее. Произвели слѣдствіе въ конторѣ; билеты, представленные при входѣ этою подозрительною труппою, были подвержены строжайшему осмотру. Наконецъ, комитетъ учредительницъ собрался и сталъ съ сильнымъ негодованіемъ разсуждать, какія мѣры принять въ этомъ важномъ случаѣ. Всякую минуту должно было ожидать, что зала, благотворительностію посвященная удовольствію, сдѣлается театромъ шумной драмы. Однако жъ, надъ волканомъ покуда еще танцовали.

Вырвавшись изъ рукъ Блондо, Піаръ отправился въ нижнюю залу, гдѣ дверь на улицу представляла ему средства удти, въ случаѣ нужды. Не смотря на привычное хладнокровіе, государственный совѣтникъ почувствовалъ страхъ: воображая, что Изаура съ г-жею де-Марманкуръ находятся въ одной залѣ, онъ боялся, чтобы эта послѣдняя, рѣшившись отмстить ему за разрывъ, который наканунѣ между ними послѣдовалъ, не сдѣлала-бы чего-нибудь такого, что могло бы покрыть его стыдомъ. Не чувствуя нисколько смѣлости стать твердо противъ опасности, онъ составилъ уже планъ бѣгства; время-отъ-времени, заглядывалъ въ танцовальную залу, и тотчасъ же удалялся въ свое убѣжище, рѣшась скрыться при первомъ смятеніи.

Деланлъ, съ своей стороны, не выходя изъ залы, гдѣ была г-жа де-Марманкуръ, забился въ уголъ, откуда легко могъ слѣдить за успѣхами сцены, которая, думалъ онъ, во всякомъ случаѣ, послужитъ ему въ пользу.

Судя по странному капризу, которое внушило Густаву вино, сказалъ онъ про себя: г-жѣ Піаръ нельзя не встрѣтиться въ теченіе вечера съ г-жею де-Марманкуръ. Найдутся добрыя души, которыя дадутъ понять Изаурѣ, что любовница ея мужа пріѣхала на балъ за тѣмъ, чтобы ее унизить. Не будемъ мѣшать происшествію; пускай публично окажется злодѣйское поведеніе Піара. Все, что теряетъ мужъ, выигрываетъ любовникъ. Я былъ глупъ съ своею совѣстью; съ-этихъ-поръ, клянусь, что не отступлю отъ настоящихъ правилъ.

Разсуждая такимъ образомъ, прокурорскій помощникъ увидѣлъ подходящаго къ нему оберъ-офицера, котораго онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ у своей покровительницы, и у котора-

го на этотъ разъ въ петлицѣ, рядомъ съ красною ленточкою, была золотая медаль, означавшая бальнаго коммиссара.

—Г-жа Піаръ хочетъ поговорить съ вами, сказалъ офицеръ серьознымъ тономъ.

—Видно буря разразилась? подумалъ Деландъ, и, потирая руками, съ тайнымъ удовольствіемъ, пустился за посланнымъ.

Прокурорскій помощникъ нашелъ г-жу Піаръ въ дверяхъ небольшой комнаты, назначенной для учредительницъ. На лицѣ Изауры такъ живо написаны были гнѣвъ и огорченіе, что торжественный видъ тотчасъ-же исчезъ съ лица ея поклонника.

—Вы знаете, что́ здѣсь происходитъ, сказала она ему сухимъ и гордымъ тономъ: эта женщина осмѣлилась явиться здѣсь съ нѣсколькими другими тварями въ своемъ родѣ. Часть билетовъ, которые она отдала при входѣ контролеру, подписаны моею рукою. Отъ васъ онѣ получили ихъ? Безъ фразъ, *да* или *нѣтъ*?

Эти слова оглушили Деланда, какъ сильный ударъ по головѣ; ему казалось, что зала вертится и паркетъ раскрывается подъ его ногами.

—Сударыня, сказалъ онъ наконецъ, получивъ употребленіе языка: вы видите самаго несчастнѣйшаго изъ людей; дѣйствія самыя невинныя кажутся преступными, когда я въ нихъ вмѣшаюсь.

—Вы отдали г-жѣ де-Марманкуръ билеты, которые я вамъ довѣрила? спросила рѣшительнымъ тономъ Изаура.

—Увы! я, сударыня; но я не зналъ тогда, что такое въ-самомъ-дѣлѣ была г-жа де-Марманкуръ; да, я нисколько не подозрѣвалъ, чтобы этотъ простой по-видимому, поступокъ, могъ сдѣлаться для васъ причиною ужасной непріятности. Кровью хотѣлъ бы я теперь....

—Безъ мелодрамы! Вы знаете, что я этого не терплю. Я очень хорошо знала, что между лицами, которымъ я довѣрила билеты, одинъ только могъ позабыть до такой степени всѣ приличія. Я заранѣе отгадала, что это *вы*. Но оставимъ это. Чѣмъ читать вамъ проповѣдь, надобно освободиться отъ этой странной компаніи, которая, кажется, полагаетъ, что она на балѣ у Мюзара. Вы ввели ее сюда, вы должны и выпроводить. Я даю вамъ сроку четверть часа.

Г-жа Піаръ обратилась спиною къ Деланду и присоединилась къ группѣ учредительницъ, которыя во время этого разговора продолжали разсуждать. Прокурорскій помощникъ успѣлъ прочитать въ глазахъ своей покровительницы, что надобно исполнить ея приказаніе, подъ опасностію навсегда лишиться ея милости. Онъ вошелъ въ танцовальную залу, какъ человѣкъ, рѣшившійся побѣдить или умереть; но на первомъ шагу, его остановилъ снова оберъ-офицеръ, который, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, залумалъ-было понравиться г-жѣ Піаръ, и потому съ-тѣхъ-поръ питалъ вражду къ прокурорскому помощнику.

—Милостивой государь, сказалъ онъ церемоннымъ тономъ: сейчасъ я говорилъ съ вами отъ имени г-жи Піаръ, позвольте мнѣ прибавить нѣсколько словъ лично отъ себя; вы понимаете, что должно сію минуту заставить выдти дамъ, которыя вошли сюда подъ вашимъ покровительствомъ, иначе отвѣтственность, которая естественно падаетъ на васъ, сдѣлается слишкомъ важною, и я, въ качествѣ коммиссара, буду обязанъ потребовать серьознаго объясненія по этому предмету.

—Чортъ возьми, мы изъяснимся послѣ, сударь, если вамъ это угодно, отвѣчалъ съ нетерпѣніемъ прокурорскій помощникъ: а теперь пустите меня. Вы знаете, что мнѣ дано сроку четверть часа.

—Славно, сказалъ онъ самъ себѣ, удвоивая шаги: вотъ теперь мнѣ угрожаетъ дуэль! Здѣсь совершенно потеряешь голову.

Онъ устремился въ средину залы, какъ дикая коза, преслѣдуемая собаками, бросается въ кустарникъ. Разстроивая кадрили, передавя множество ногъ, толкая подносы съ прохладительными напитками, онъ примѣтилъ, наконецъ, Блондо, который, отъ тѣсноты забравшись въ амбразуру окна, преспокойно ѣлъ мороженое. Деландъ тотчасъ бросился къ нему, и въ свою очередь, схватилъ его за руку.

—Ты долженъ, сказалъ онъ ему горячо, оказать мнѣ большую услугу. Но сперва, въ состояніи ли ты понимать меня? Я замѣчаю, что вы прямо изъ-за стола, гдѣ вы, кажется, ничего кромѣ воды не пили.

—Если-бы не пили ничего кромѣ воды, то-бы вовсе ничего не пили, съ величайшимъ хладнокровіемъ, отвѣчалъ Блондо: твое предположеніе глупо. Признаюсь, что у меня немного двоится въ глазахъ; мнѣ кажется, что и ты о двухъ голо-

вахъ; но это не значитъ еще, что если одинъ органъ у меня усовершенствовался, то другіе должны испортиться. Разсказывай, я слушаю; въ чемъ дѣло?

—Заставь этихъ дамъ, съ которыми ты пріѣхалъ, удалиться.

—Что ты говоришь?

—Одинъ ты можешь это обдѣлать. Послѣ того, что я сейчасъ видѣлъ, мнѣ кажется, ты надъ г-жею де-Марманкуръ имѣешь гораздо больше власти, нежели сколько я предполагалъ. Поговори съ нею, прошу тебя, дай ей понять, что присутствіе ея здѣсь невозможно.

—Невозможно! Какой забавникъ сказалъ это?

—Всѣ учредительницы; онѣ разсуждаютъ теперь объ этомъ, и если эти дамы не удалятся добровольно, то будутъ приняты непріятныя мѣры.

—Пускай попробуютъ, вскричалъ Блондо съ видомъ молодца: видишь-ли, что это славная штука. Учредительницы — естественные непріятели человѣку, который принужденъ былъ промѣнять двадцать франковъ на кусокъ картона. Насъ здѣсь десятокъ любезныхъ молодыхъ людей, съ которыми сыграли эту штуку благотворительности, и мы рѣшились отмстить. Мы заплатили за свои билеты и можемъ свободно пускать ихъ въ обращеніе. Если наши прелестныя компаньонки не нравятся почтенному обществу, такъ это потому, что въ почтенномъ обществѣ чортовски трудно увидѣть хорошенькую женщину. За свои деньги, мы имѣемъ право быть здѣсь, танцовать и наѣдаться. Эти дамы танцуютъ, а я наѣдаюсь; что ты скажешь на эти доводы?

—Ничего, отвѣчалъ Деландъ, видя, что безполезно спорить съ человѣкомъ, у котораго, въ числѣ преимуществъ, находятся въ головѣ двѣ или три бутылки шампанскаго: въ главномъ основаніи ты правъ; но для моихъ личныхъ выгодъ ты долженъ сдѣлать то, о чемъ я тебя прошу. Если я не успѣю въ своемъ посольствѣ, я разсорюсь навсегда съ особою, отъ которой въ эту минуту зависитъ вся моя будущность.

—Вотъ что! побранитесь и помиритесь, сказалъ Блондо, не трогаясь съ мѣста: любовь, любезный, не другое что. Полно толковать объ этихъ учредительницахъ; лучше, покажи-ко, гдѣ игорныя залы; я цѣлый часъ ищу ихъ.

Прокурорскій помощникъ увидѣлъ, что нельзя ждать никакой помощи отъ этого друга. Онъ принялъ, наконецъ, твердое намѣреніе и повторилъ про себя слова Медеи: я одна, и этого довольно. Онъ приблизился къ группѣ, угрожаемой изгнаніемъ, около которой, кромѣ кавалеровъ по должности, порхало много молодыхъ людей, у которыхъ небыло на балѣ ни матери, ни сестры, ни жены, и которые, не привыкнувъ покоряться приличіямъ, презирали общественнымъ мнѣніемъ. Увидя прокурорскаго помощника, г–жа де–Марманкуръ, по-привычкѣ, граціозно улыбнулась.

—Наконецъ, вы рѣшились подойти ко мнѣ, сказала она ему съ любезнымъ упрекомъ. Какое счастіе. Если вы хотите танцовать со мною, то гдѣ–же вы были. Я столько надавала обѣщаній, что не знаю, могу–ли.

—Сударыня, прервалъ Деландъ нетвердымъ голосомъ, хотя и собрался со всею храбростію: танцовать съ вами, во всякомъ другомъ случаѣ, было–бы для меня величайшимъ удовольствіемъ, но теперь позвольте мнѣ исполнить очень трудную обязанность, которую, къ-несчастію, на меня возложили. По неизъяснимому и достойному сожалѣнія обстоятельству, кажется, присутствіе ваше и вашихъ подругъ не–было предвидѣно, и не получило согласія дамъ–учредительницъ этого бала. Въ такомъ положеніи дѣлъ, чтобы избѣжать разныхъ непріятныхъ объясненій... можетъ–быть, благоразумно было–бы... Чрезвычайно умно было-бы... Ужъ полночь; теперь можно удалиться съ бала; это не покажется... И если вы позволите отыскать ваши экипажи....

—Слышите, что предлагаютъ намъ, сказала г–жа де-Марманкуръ, живо обращаясь къ своимъ подругамъ.

—Что такое? отвѣчали въ одинъ голосъ многія изъ нихъ, съ любезною живостію; онѣ предполагали, что дѣло идетъ объ изобрѣтеніи какого–нибудь новаго удовольствія.

Сдѣлавъ жестъ презрѣнія, Феодосія оцарапала концемъ своего опахала подбородокъ прокурорскаго помощника, и грубымъ голосомъ, жестоко противорѣчившимъ ея обыкновенному нѣжному тону, сказала:

—Этотъ господинъ хочетъ учтиво выпроводить насъ вонъ.

Эти слова произвели, на пространствѣ нѣсколькихъ футовъ, дѣйствіе, какое производитъ вѣтръ на волны; женщины отъ

негодованія заколебались на скамейкахъ, и эпитеты, самые нелестные, зажужжали въ ушахъ прокурорскаго помощника, который увидѣлъ себя въ туже минуту окруженнымъ множествомъ молодыхъ людей, призванныхъ на помощь знаками г-жи де-Марманкуръ. Одинъ изъ нихъ, съ ужасающими усами, сдѣлалъ начало объясненія, обращаясь тотчасъ-же къ молодому чиновнику, съ видомъ, который бы сдѣлалъ честь любому капитану стараго испанскаго театра.

—Чортъ возьми, сударь, сказалъ онъ ему: я очень желалъ-бы знать ваше имя; вы, кажется мнѣ, чудесный забавникъ! По какому праву, позвольте узнать, вы оскорбляете этихъ дамъ; вы коммиссаръ бала?

—Если этотъ господинъ коммиссаръ, сказалъ одинъ въ прическѣ à la мужикъ, то у него должна быть медаль. Пусть покажетъ медаль.

—Да, медаль! насмѣшливо провозгласила вся группа: пусть покажетъ медаль!

Будучи самъ чиновникомъ, Деландъ глубоко чтилъ законность; его поразили доводы противниковъ.

—Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ онъ самъ себѣ: эти господа не очень учтивы; но правота на ихъ сторонѣ; я не коммиссаръ, и слѣдовательно, не имѣю никакого права распоряжаться. Что за чортъ, г-жа Піаръ должна-бы объ этомъ подумать.

—Господа, продолжалъ онъ, выслушайте меня; я здѣсь исполняю должность примирителя; я не приказываю, но совѣтую.

—Кто васъ проситъ мѣшаться, возразилъ молодой человѣкъ съ ужасными усами: я съ своей стороны совѣтую вамъ сдѣлать на-право кругомъ и оставить насъ въ покоѣ.

—Милостивый государь, сказалъ Деландъ, вспыхнувъ отъ гнѣва.

—Милостивый государь, отвѣчалъ усачъ, пародируя его жесты и голосъ.

Сцена готова была превратиться въ трагическую, но не успѣла дойти до важныхъ объясненій: Блондо разлучилъ двухъ противниковъ, толкнулъ одного на-право, другаго на-лѣво, сдѣлавъ руками движеніе, подобное движенію человѣка, который плыветъ.

—Монтеки и Капулетти, бросьте мечи! сказалъ онъ громкимъ голосомъ: Деландъ, ты мнѣ другъ; Жонкьеръ — тоже; мы

ужинаемъ всѣ вмѣстѣ; и такъ, подайте руки. Вы не хотите. Мнѣ совершенно все равно. Но слушайте, вы всѣ слушайте. Вотъ въ чемъ дѣло. Деландъ—прелестный молодой человѣкъ, какъ видите, другъ драгоцѣнный.... Онъ даетъ въ займы деньги. Почтенный Деландъ, говорю я, присланъ къ намъ депутатомъ отъ учредительницъ; онѣ хотятъ заставить насъ удалиться изъ этого любезнаго общества. Какъ-бы ни былъ обиденъ для насъ предметъ посольства, не забудемъ, что особа посланника священна.

—Браво, браво, кричали, смѣясь, многіе изъ предстолщихъ.

Блондо посмотрѣлъ вокругъ себя съ гордымъ видомъ оратора, котораго одобряютъ слушатели.

—Вы справедливо апплодируете, сказалъ онъ своимъ друзьямъ: вы увидите, что я достоинъ быть вашимъ представителемъ.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, для того, чтобы между имъ и Деландомъ было разстояніе, для эффекта сцены, утвердился на лѣвой ногѣ, правую отставилъ впередъ, одну руку приложилъ къ ногѣ, а другую простеръ на воздухъ, гордо поднялъ голову, и, устремивъ угрожающій взоръ на смѣшавшагося прокурорскаго помощника, вскричалъ:

— Скажи пославшимъ тебя, что мы вошли сюда за свои деньги, и только штыками можно выгнать насъ отсюда.

— Клянемся! закричали хоромъ молодые люди, завербованные подъ знамена г-жи де-Марманкуръ, и, столпясь въ кружокъ съ забавною важностію, положивъ лѣвую руку на сердце, а правою угрожая потолку; безразсудные осмѣлились отвѣчать на призывъ новаго Мирабо, пародируя клятву du jeu de Paume.

## XII.

Противъ стѣны щитовъ, что можетъ сдѣлать одна шпага, будь она хотя Фломберга или Балисарда? Видя грозное положеніе своихъ противниковъ, рѣшившихся, какъ казалось, безъ зазрѣнія совѣсти насмѣхаться надъ всякимъ, кто-бы вздумалъ напоминать имъ о приличіяхъ, Деландъ понялъ, что, продолжая свое увѣщаніе, онъ получитъ только однѣ непріятности и

никакого успѣха. Чтобы избѣжать смѣшной исторіи, которую,— такъ какъ ему не счастливится уже нѣсколько дней,—пожалуй, вмѣнятъ ему же въ преступленіе, онъ рѣшился отретироваться, сопровождаемый насмѣшками безчинной группы, которой онъ принужденъ былъ уступить побѣду, и, краснѣя отъ досады, вмѣшался въ толпу, чтобы скрыться отъ насмѣшливыхъ взоровъ зрителей.

Не надѣясь восторжествовать, или отмстить за маленькое униженіе, которому его подвергли, прокурорскій помощникъ бродилъ безъ цѣли, стараясь только отдалить свиданіе съ своею покровительницею, какъ не рѣшается явиться къ полководцу генералъ, разбитый непріятелемъ. Вдругъ у дверей залы онъ увидѣлъ Піара, который, спрятавшись за танцующихъ, заботливо смотрѣлъ, что происходитъ въ танцовальной залѣ. Увидя это, Деландъ испыталъ то, что испытываетъ утопающій, чувствуя въ рукахъ веревку, брошенную ему съ берега. Ни мало не колеблясь, онъ подошелъ прямо къ государственному совѣтнику.

—Милостивый государь, сказалъ онъ ему: важность обстоятельства должна заставить насъ забыть все, что произошло между нами. Ваша польза требуетъ, чтобы вы не отказали мнѣ въ помощи, которой я не поколебался у васъ требовать. Г–жа Піаръ хочетъ, чтобы г–жа де-Марманкуръ удалилась съ бала. Одни только вы, сохранивъ вліяніе на эту даму, можете привести къ концу затруднительное дѣло, въ которомъ я не успѣлъ. Я увѣренъ, что одно ваше слово произведетъ желаемое дѣйствіе, и если-бы вамъ угодно было пойти со мною....

—Вы съ ума сошли, сударь? вскричалъ мужъ Изауры: я уже сказалъ, что уступаю вамъ всѣ свои права. Эта неосторожность произошла отъ васъ, а не отъ меня. Выпутывайтесь, какъ знаете, но не мѣшайте меня тутъ никакимъ образомъ, иначе вы будете раскаяваться.

Сказавъ это съ грубостью, Піаръ поспѣшно удалился въ игорную залу, какъ при звукѣ падающаго сучка кроликъ скрывается въ свою норку.

Потеря послѣдней надежды заставила прокурорскаго помощника рѣшиться на послѣднюю крайность, несмотря на его миролюбивыя привычки.

—Мнѣ осталось одно средство, сказалъ онъ самъ себѣ, вызвать на дуэль эту рожу съ огромными усами, которую Блондо называлъ Жонкьеромъ. Изаура увидитъ, что хотя я и не могу одинъ выгнать съ бала полтора десятка мужчинъ и женщинъ, но повиновался ей, сколько могъ. Но этотъ усачъ чертовски дерзокъ. Что, если онъ убьетъ меня?

Прокурорскій помощникъ повѣрилъ свою храбрость, которую, до-тѣхъ-поръ, ему не было случая испытать; найдя ее удовлетворительною, и, чтобы не дать времени одержать верхъ миролюбивымъ размышленіямъ, онъ воинственнымъ шагомъ отправился въ ту часть залы, гдѣ расположилось общество г-жи де-Марманкуръ, и, приблизясь туда, былъ свидѣтелемъ неожиданнаго явленія, которое, во время его краткаго отсутствія, совершенно измѣнило ходъ дѣла.

Какой – то господинъ, пожилыхъ лѣтъ, съ твердою походкою и угрюмою наружностію, началъ съ Феодосіею и съ ея подругами разговоръ въ полголоса, непосредственнымъ слѣдствіемъ котораго было удаленіе этихъ посѣтительницъ, присужденныхъ къ изгнанію. Уступая повелѣніямъ этого таинственнаго лица, онѣ удалились медленными шагами, не такъ, какъ стадо испуганныхъ ланей, но какъ стая побѣжденныхъ львицъ. Несмотря на геройскую клятву, молодые люди, сопровождавшіе ихъ, не дождались штыковъ. Тайная власть, которою, казалось, облеченъ былъ незнакомецъ въ черномъ платьи, сдѣлала благоразумными самыхъ отчаянныхъ. Вся пошлая компанія вышла изъ залы, уже не съ такимъ шумомъ, какъ вошла, и прокурорскій помощникъ проводилъ ихъ почти до самыхъ сѣней, желая удостовѣриться въ дѣйствительности этого благопріятнаго отбытія. Возвратясь въ залу, въ полномъ восхищеніи отъ развязки, которая избавляетъ его отъ рыцарской обязанности драться, онъ вдругъ встрѣтился съ усачемъ.

Я васъ – то и ищу, сказалъ этотъ грубымъ голосомъ; вы понимаете, я думаю, что мнѣ нельзя драться съ полицейскимъ чиновникомъ, котораго вы къ намъ сейчасъ прислали. Но вы, какъ свѣтскій человѣкъ, въ чемъ увѣряетъ Густавъ, надѣюсь, не откажетесь поменяться выстрѣлами. Вотъ мой адресъ, сдѣлайте одолженіе, пожалуйте мнѣ вашъ.

Храбрый безъ мѣры за минуту назадъ, Деландъ теперь не

чувствовалъ нисколько охоты драться, но вызовъ былъ такъ ясенъ, что не возможно было не отвѣчать на него. Съ кислою миною онъ взялъ предлагаемый ему адресъ и вытащилъ изъ кармана одну изъ своихъ визитныхъ карточекъ. Жонкіеръ вырвалъ ее у него изъ рукъ и, повернувшись на каблукахъ, сказалъ презрительно:

— Завтра вы обо мнѣ услышите.

По уходѣ противника, прокурорскій помощникъ нѣсколько времени стоялъ неподвижно, въ печальной задумчивости, которая сдѣлала бы честь любому наслѣднику. Онъ, казалось, заранѣе оплакивалъ свою смерть и надѣвалъ трауръ.

— Ба! Да вѣдь онъ еще не убилъ меня, сказалъ онъ, стараясь прогнать эти черныя мысли. Что я такъ занимаюсь этимъ. Завтра будетъ время подумать о дуэли, теперь нужнѣе всего, помириться съ Изорою. Я выбралъ ее, слѣдовательно не смѣю и жаловаться, но право, если бы начать снова, я теперь думаю, что спокойнѣе было-бы остаться въ Д***. Правда въ Д... нѣтъ баловъ, за то нѣтъ и дуэлей.

Ободряя себя такимъ образомъ, прокурорскій помощникъ отправился въ ту залу, гдѣ осталась г-жа Піаръ.

— Сударыня, сказалъ онъ, приближаясь къ ней съ почтеніемъ, ваши приказанія исполнены.

— Я знаю, сухо отвѣчала Изора, я благодарила уже за это г-на де-Рошель.

Мстительная женщина выразительно улыбнулась, смотря на штабъ-офицера, который, стоя возлѣ нее, осматривалъ съ ногъ до головы Деланда, и вдругъ, прервавъ разговоръ, она подошла къ мужу, которому отсутствіе г-жи де-Марманкуръ возвратило свободу.—Молодые люди, оставшись одни, нѣсколько минутъ злобно смотрѣли другъ на друга. Штабъ-офицеръ первый прервалъ молчаніе.

— Я полагаю, сударь, что вы не читали никогда басни муха и дорожные, сказалъ онъ съ довольно наглою усмѣшкою. —

— Читалъ сударь, возразилъ Деландъ, но мнѣ лучше нравится оселъ въ львиной шкурѣ.

— Что вы подъ этимъ разумѣете? спросилъ де-Рошель со злобою и съ замѣшательствомъ, потому что-онъ никакъ не ожидалъ такого отпора со стороны приказнаго (имя, которымъ онъ презрительно называлъ прокурорскаго помощника.)

— Вы спрашиваете меня баснею, а я отвѣчаю вамъ апологомъ, продолжалъ молодой чиновникъ, который, видя, что противникъ увлекается, постарался сохранить, несмотря на собственную раздражительность — превосходство, которое дается хладнокровіемъ.

— А если я заговорю о шпагахъ, гордо вскричалъ капитанъ.

— Я отвѣчу вамъ пистолетами, отвѣчалъ свободно Деландъ; я, какъ приказной, не часто посѣщаю фехтовальныя залы; но съумѣю спустить курокъ не хуже всякаго военнаго, хотя бы онъ служилъ и въ національной гвардіи.

Штабъ-офицеръ кусалъ губы.

— Бой на словахъ повелъ бы насъ слишкомъ далеко, началъ онъ не такъ надменно; мѣсто это неудобно для подобнаго объясненія, не лучше ли отложить до завтра.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ прокурорскій помощникъ, который на этотъ разъ взялъ роль зачинщика, и вынулъ изъ кармана свой адресъ.

Удивясь еще болѣе, что его предупреждали, де-Рошель послѣдовалъ примѣру своего врага; помѣнявшись карточками, молодые люди съ важностію раскланялись и разошлись.

Перспектива первой дуэли внушила Деланду довольно непріятное чувство; но видя себя замѣшаннымъ въ другое дѣло, онъ внезапно получилъ увѣренность, весьма близкую къ храбрости. Мы упоминаемъ объ этомъ гомеопатическомъ дѣйствіи; но не беремся изъяснить его. Находясь подъ вліяніемъ какого-то одушевленія, до тѣхъ поръ ему незнакомаго, онъ забылъ г-жу Піаръ и честолюбіе, и рѣшился принять участіе въ удовольствіяхъ бала. Сказавъ себѣ, подобно Анакреону: должно рвать цвѣты, пока самаго не сорвали, онъ вмѣшался въ кадрили, безстрашно выбирая самыхъ хорошенькихъ барышень, выигралъ въ экартѣ, пилъ пуншъ стаканами, и такъ, какъ это послѣднее препровожденіе времени совершенно противно было его умѣреннымъ привычкамъ, то были минуты, когда, прокурорскій помощникъ слышалъ прелестную музыку, и видѣлъ, что всѣ присутствующіе пляшутъ, хотя въ это время оркестръ молчалъ и танцевъ небыло. Если-бы Роландъ, или Родомантъ вошли въ это время въ залу, съ ногъ до головы вооруженные, то Деландъ первый-бы бросилъ имъ перчатку.

Вотъ, что называется жить, сказалъ онъ, опускаясь на скамейку: сегодня балъ, удовольствія, ослѣпительный блескъ освѣщенія, прекрасныя женщины, музыка, опьяняющія чаши, цвѣты и брилліанты, завтра дуэль,—дуэли, хочу я сказать. — Карета таинственно останавливающаяся при въѣздѣ въ Булоньскій лѣсъ; кустарникъ, куда потихоньку пробираются, платье долой, клинки, скрестились — побѣдить или умереть! Да, клянусь душою, вотъ это жизнь, я здѣсь въ два часа испыталъ больше волненія, нежели въ Д..... въ 18 мѣсяцевъ. Вотъ о чемъ я мечталъ; теперь я чувствую, что я готовъ драться; этого-то мнѣ и не доставало.

Деландъ вдругъ вспомнилъ, что онъ не сдѣлалъ еще завѣщанія, обрядъ, отъ котораго увольняютъ себя дуэлисты по ремеслу; но которымъ не пренебрегаютъ наканунѣ перваго дѣла.

Какъ поздно, сказалъ воинственный чиновникъ, смотря на свои часы: пора ѣхать; я только, что успѣю устроить свои дѣла, да уснуть часъ-другой.—Онъ всталъ и ушелъ съ балу, вольно напѣвая мотивъ вальса, который въ то время запгралъ оркестръ. У дверей онъ отыскалъ фіакра и поѣхалъ въ свою гостинницу, гдѣ ожидало его новое явленіе. Входя въ комнагу съ удивленіемъ и съ досадою, онъ увидѣлъ на своей кровати человѣка, который, казалось, крѣпко спалъ. Что ты тутъ дѣлаешь? сказалъ Деландъ, оправясь отъ смущенія и крѣпко схватя за воротникъ нецеремоннаго незнакомца. Спящій протеръ глаза, садясь на постели и когда свѣчка, принесенная прокурорскимъ помощникомъ, освѣтила его лицо, то послѣдній узналъ въ неожиданномъ гостѣ, Блондо.

— Что за чертовщина, что ты тутъ дѣлаешь? Повторилъ онъ, отступая.

— Я дожидался тебя, спокойно отвѣчалъ Густавъ, и, если бы въ этой канурѣ были волтеровскія кресла или какой-нибудь диванъ, гдѣ-бы могъ расположиться порядочный человѣкъ, то я уважилъ бы твое ложе; но такъ-какъ я не привыкъ спать стоя, то горизонтальное положеніе по моему самое лучшее, въ три часа утра.

— Но наконецъ, за чѣмъ ты здѣсь? прервалъ прокурорскій помощникъ: ужели ты такъ пьянъ, что не найдешь своей квартиры?

— Пьянъ! Я готовъ доказать тебѣ противное, если ты будешь столько учтивъ, что попотчуешь меня ужиномъ. А ты

такъ кажется мнѣ, немного не въ своей тарелкѣ; ты видно попроказилъ тамъ послѣ меня.

Блондо не ошибся. Привычка пить, два часа сна протрезвили его, тогда какъ прокурорскій помощникъ опьянѣлъ. Въ это время, два друга встрѣтились на границахъ опьяненія, только одинъ выходилъ изъ него, а другой входилъ.

— Въ двухъ словахъ, чего ты хочешь отъ меня? сухо спросилъ Деландъ.

Блондо поднялъ глаза къ потолку, какъ будто, что припоминая.

— Вспомнилъ, отвѣчалъ онъ, нѣсколько подумавъ.

Я пришелъ сказать тебѣ, что намъ необходимо надо драться.

Эта третья дуэль, еще больше не ожиданная, нежели прежнія, усилила до высшей степени нервическое раздраженіе прокурорскаго помощника. — Браво! вскричалъ онъ, поставя на столъ свѣчку, ты тоже хочешь драться; очень радъ. Нѣтъ ли здѣсь еще кого, кто хочетъ драться, говорите, пока мы здѣсь.

Я готовъ биться со всѣми съ вами. Только предупреждаю тебя, что ты будешь третій; я ужъ ангажированъ на два первые контрданса.

Деландъ вытащилъ изъ кармана карточки своихъ противниковъ и подалъ Блондо, который сталъ ихъ одну за другою разсматривать. Луи-де-Рошель — не знакомъ; Павелъ-де-Жонкіеръ — это другое дѣло.... Я знаю, что другъ Жонкіеръ рѣшился всадить пулю куда нибудь въ мягкую часть твоего тѣла, и даже, если онъ въ дурномъ расположеніи духа, то я не ручаюсь и за кости. Онъ славно стрѣляетъ. Знаешь ли, онъ изъ 10-ти куколъ, сшибъ 9-ть?

—У куколъ глазъ нѣтъ, храбро отвѣчалъ прокурорскій помощникъ, посматриваясь въ зеркало, вдѣланное въ каминѣ, и нарочно нахмуриваясь, чтобы лучше оцѣнить могущество своего взгляда.

—Я не предполагалъ въ тебѣ такой свирѣпости, продолжалъ Блондо. Но тѣмъ болѣе, я не допущу тебя рѣзаться съ Жонкіеромъ, который больше ничего, какъ самый отчаянный дуэлистъ. Ты долженъ драться со мною. Непрерывай меня, ты съ двухъ словъ поймешь меня. Отношенія мои къ г-жѣ де-Марманкуръ, не позволяютъ мнѣ оставить безъ наказанія сдѣланную ей обиду. Мнѣ должно, во-чтобы-то ни стоило найдти охотника выдти на

поединокъ; я тебя и беру.

—Благодарю за предпочтеніе, сказалъ Деландъ.

—Я обязанъ драться, ты тоже, и такъ, говоря простѣе, подеремся. Ты отгадываешь, я думаю, что тутъ не будетъ убійства, ни даже ранъ.

—Что же будетъ?...

—Мы подеремся, говорю я тебѣ.

—Кто говоритъ о сраженіи, говоритъ о ранахъ и можетъ быть о смерти, потому, что кто хочетъ начала, тотъ хочетъ и конца.

—Выразивъ, такимъ образомъ, простонародную пословицу, прокурорскій помощникъ думалъ заставить замолчать своего собесѣдника, но тотъ напротивъ, пожавъ плечами, продолжалъ:

—Есть дуэли съ условіемъ, сказалъ онъ, пародируя въ свою очередь правила Гартьера.

Я ни мало не нуждаюсь въ твоей крови, ты въ моей тоже. Перерѣзать другъ другу горло изъ-за женщинъ! фуй! Главное состоитъ для насъ обоихъ въ томъ, чтобы послѣ завтра встрѣтить въ полулюжинѣ журналовъ статью, начинающуюся слѣдующими словами: «Вчера утромъ, по поводу ссоры на балѣ, данномъ въ пользу бѣдныхъ поляковъ, происходила дуэль у Виктора Деланда (твои достоинства, если хочешь и г-на Густава де-Гюстанъ,) противники обмѣнялись выстрѣлами (двумя или тремя ad li bitum;) свидѣтели объявили, что честь вознаграждена и не допустили продолжать болѣе дуэли. За тѣмъ слѣдуютъ подписи. Огражденные этими удостовѣреніями по формѣ, мы съ торжествомъ являемся, я къ Феодосіи, ты къ г-жѣ Піаръ; повѣрь, что мы будемъ отлично приняты.

—Такъ ты предлагаешь дуэль для смѣху, сказалъ Деландъ, смотря съ удивленіемъ на друга.

Напротивъ, дуэль, самую серьозную, отвѣчалъ Блондо; потому, что мы .... Правда, пули будутъ немного легки; но это дѣло свидѣтелей; мы не обязаны этимъ заниматься.

—Славно сказано—продолжалъ помощникъ прокурора, подобная комедія очень смѣшна.

—Смѣшна! возразилъ Блондо: охъ ты новичекъ; знай, что дуэли изъ приличія, всегда бываютъ въ этомъ родѣ, спроси лучше у депутатовъ, у перовъ, у отцевъ семейства, словомъ,

у всѣхъ извѣстныхъ людей; всѣ дерутся, если надобно; но никто не убиваетъ другъ друга; это ужъ такъ принято.

—Ты думаешь?

—Очень хорошо знаю. Впрочемъ, это выгоднѣе для тебя, нежели для меня, хотя ты и твердо рѣшился, подержу пари, что на дѣлѣ эти двѣ ссоры, ужасно для тебя непріятны. Ну! вотъ самое лучшее средство покончить ихъ.

Выйдя разъ по формѣ на дуэль, ты имѣешь полное право всякому новому противнику противуполагать то, что вы кажется называете по приказному — оговоркою.

—Ты хочешь сказать о законѣ: Non bis in idem.

—Да! Да! Non bis in idem. Что имъ отвѣчать на это?—Нечего, тѣмъ болѣе, что я увѣренъ, что ни тотъ ни другой, не знаютъ по–латынѣ. Видишь, что нечего раздумывать.

Несмотря на припадокъ храбрости, который произвело стеченіе обстоятельствъ, прокурорскій помощникъ былъ самаго миролюбиваго характера. Мысль, съ честію избавиться отъ двухъ дуэлей безопасною потѣхою, быстро мелькнула и овладѣла слабою стороною его характера.

Если это принято, подумалъ онъ, зачѣмъ же мнѣ казаться черезъ чуръ вздорнымъ и несговорчивымъ?

—Дѣлай, какъ знаешь, сказалъ онъ потомъ своему другу: но ты за все въ такомъ случаѣ долженъ отвѣчать.

—Спи всю ночь, отвѣчалъ Блондо, надѣвая свой пальто: теперь четыре часа, въ полдень ровно я буду здѣсь съ свидѣтелями. Если Жонкіеръ или этотъ другой, какъ–бишь его имя, обезпокоитъ тебя прежде меня, то откажи имъ до–завтра. Спокойной ночи; я тоже пойду спать.

—А я буду писать завѣщаніе.

—Завѣщаніе! вскричалъ разхохотавшись Густавъ. Ты умо–рителенъ! клянусь честію!

Блондо досталъ сигару, закурилъ, и съ шумомъ отправился домой, не заботясь о покоѣ жильцовъ прекрасной гостинницы. Оставшись одинъ, прокурорскій помощникъ, сталъ разлумывать, что, судя по новому обороту дѣла, изложеніе его послѣдней воли не нужно, по–крайней–мѣрѣ, его можно отсрочить.

Еще будетъ время этимъ заняться, подумалъ онъ, если гг.

Жонкіеръ и де-Рошель захотятъ устоять въ своихъ намѣреніяхъ.

Изобрѣтеніе Блондо чрезвычайно забавно; но очень можетъ быть, что оно произведетъ такой же эффектъ, какъ и настоящая дуэль, что нужно, чтобы войти въ милость у г-жи Піаръ! Не кровь, а шумъ. Я увѣренъ, что эта статья въ журналѣ произведетъ удивительный эффектъ. Всѣ женщины любятъ мужчинъ, которые заставляютъ говорить объ нихъ. Я готовъ былъ съ охотою играть свою роль въ трагедіи, и потому, могу безъ упрека въ слабости, принять участіе въ этой безвредной мистификаціи.

Успокоивъ такими размышленіями свое самолюбіе, Деландъ легъ въ постель и тотчасъ уснулъ сномъ, который можетъ-быть, не былъ-бы такъ крѣпокъ безъ распоряженій Блондо. Предъ самымъ полуднемъ прокурорскій помощникъ въ испугѣ вскочилъ, проснувшись отъ частыхъ ударовъ въ дверь. Признаться, сказалъ онъ, вскакивая съ постели, я спалъ, какъ великій Конде наканунѣ сраженія при Рокруа.

Онъ накинулъ халатъ, надѣлъ туфли и спѣшилъ отворить дверь. Вмѣсто Блондо и свидѣтелей, которыхъ онъ ожидалъ, онъ увидѣлъ на лѣстницѣ особу, которая удивила его болѣе, нежели-бы сама г-жа Піаръ.

Это былъ г-нъ де-Луазеле.

## XIII.

При видѣ отца Изоры, Деландъ сталъ на порогѣ, неподвиженъ и безмолвенъ.

—Вы, видно, принимаете меня за привидѣніе, сказалъ старый помѣщикъ; но вы успѣете надивиться послѣ; а теперь позвольте мнѣ войти къ вамъ; на лѣстницѣ у васъ не больно тепло.

Помощникъ прокурора поспѣшилъ ввести нежданнаго гостя въ комнату; и несмотря на досаду, старался принять довольный видъ.

—Вотъ пріятный сюрпризъ! сказалъ онъ, придвигая кресла; извините нарядъ, въ которомъ васъ принимаю; я провелъ ночь на балѣ, и теперь, только-что съ постели.... Кто-бы могъ ждать удовольствія видѣть васъ въ Парижѣ? Вы никому не писали о своемъ пріѣздѣ? Г-жа Піаръ вѣрно сказала бы мнѣ.

—Я отпустилъ штуку, достойную школьника, отвѣчалъ старикъ, смѣясь; давно уже хотѣлось мнѣ обрадовать Изору, пріѣхавъ къ ней нечаянно отобѣдать; но въ мои лѣта, и съ моимъ домосѣдствомъ, нелегко мнѣ было рѣшиться. Наконецъ, третьяго дня, узнавъ, что въ дилижансѣ, проѣзжающимъ чрезъ Д**, есть свободное мѣсто, я призадумался; подумалъ, да и рѣшился. Мигомъ собралъ свои пожитки, и вотъ—я вашъ покорный слуга! Я пріѣхалъ вчера вечеромъ, пока вы были на балѣ.

—Какъ я вамъ благодаренъ за ваше снисхожденіе! такого немедленнаго посѣщенія, я право....

—Погодите, не благодарите меня слишкомъ рано, отвѣчалъ Луазеле, стараясь принять серьозный видъ; цѣль моего посѣщенія — намылить вамъ порядкомъ голову. Предупреждаю васъ, что вамъ неуйти отъ предлиннаго нравоученія; но сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь имъ, продолжайте свой туалетъ. Онъ очень хорошо можетъ идти за-одно съ моимъ нравоученіемъ.

—Воспользуюсь вашимъ позволеніемъ, сказалъ Деландъ; мнѣ, право, совѣстно принять васъ въ такомъ нарядѣ.

Онъ вышелъ въ другую комнату, оставя дверь полурастворенною, и сталъ одѣваться. Въ ту минуту пробило двѣнадцать часовъ.

—Сейчасъ явится Блондо, подумалъ онъ; какъ бы мнѣ отвязаться отъ Луазеле? Когда разъ начнетъ витійствовать, то ужъ пошло до самаго обѣда.

—Любезный Деландъ, началъ старикъ, усаживаясь въ спокойныхъ креслахъ, вы знаете, какое я принимаю въ васъ участіе; первымъ моимъ дѣломъ, нынче утромъ, только-что я успѣлъ обнять дочь, было — распросить ее о васъ. Отвѣтъ ея, признаюсь откровенно, былъ не совсѣмъ таковъ, какъ я надѣялся.

—Что вамъ говорила г-жа Піаръ? прервалъ Деландъ съ живостію, просовывая въ полуотворенную дверь свое лицо, набѣленное душистою пѣною Виндзорскаго мыла.

Луазеле пожалъ плечами.

—Что она говорила..... неужели вы не догадываетесь? — Что у васъ за голова! Неужели вы непонимаете, что въ настоящемъ положеніи моей дочери, первою ея мыслью при встрѣчѣ со мною, было — открыться мнѣ во всемъ безъ утайки. Да,

сударь, она мнѣ все разсказала! Пожалуй, она теперь и сама въ томъ раскаивается, ибо она всегда была удивительно осторожна и скромна; да, что сказано, того не воротишь! Славныя я узналъ дѣла, продолжалъ старикъ, разгорячаясь по-немногу. Что скажете о Піарѣ? Хорошъ гусь, вздумалъ корчить знать, держитъ любовницъ! Прежде это дозволялось только вельможамъ; это было одно изъ ихъ преимуществъ, и принадлежало имъ однимъ. Вздумай тоже сдѣлать провинціяльный дворянинъ, посмотрѣлъ бы, какъ бы всѣ на него напустились! Банкиры, другое дѣло; они во всемъ гонялись за вельможами: эта была только лишняя смѣшная слабость, терявшаяся во множествѣ другихъ смѣшныхъ слабостей. А г. Піаръ! возможно-ли? Вчера еще былъ простымъ купцомъ, а сегодня корчитъ волокитъ регентства! Это такъ глупо, что смѣшная сторона дѣла, по моему, вовсе закрываетъ его подлость. Какъ я ни старался разсердиться на него, нѣтъ возможности. Знаю, что мнѣ слѣдовало бы по настоящему обрубить уши г. статсъ-секретарю, несмотря на то, что онъ мнѣ зять; да можно ли безъ смѣху взглянуть на уши, или подумать о любовныхъ подвигахъ г. Піара?

Послѣдніе слова старый помѣщикъ сопровождалъ громкимъ презрительнымъ смѣхомъ, къ которому присталъ въ другой комнатѣ и Деландъ.

—Я имѣю право посмѣяться, вмѣсто того, чтобы сердиться, продолжалъ Луазеле; но съ вашей стороны, смѣяться надъ моимъ высокопочтеннымъ зятемъ, будетъ измѣною. Вѣдь вы его повѣренный!

—Неужели г-жа Піаръ этому вѣритъ? вскричалъ Деландъ, входя въ комнату.

—Кто бы не повѣрилъ на ея мѣстѣ? Ни вы ли при какомъ удобномъ случаѣ, заступаетесь за ея мужа, и идете противъ нея? Не находите ли вы всегда готовую ложь въ извиненіе его? Не вы ли постоянно волочитесь за г-жею Марманкуръ? Все это ясно, и цѣль этого образа дѣйствія, бросается каждому въ глаза.

—Какая же эта мнимая цѣль, позвольте узнать? спросилъ Деландъ голосомъ благороднаго негодованія.

—Любезный Деландъ, возразилъ Луазеле, насмѣшливо, вы превосходно разыгрываете невинность; но меня, стараго волка, вамъ не провести. При Людовикѣ XV, кто желалъ выйти въ

люди, старался обратить на себя вниманіе г–жи Помпадуръ, или впослѣдствіи г–жи Дюбарри. Успѣвъ въ этомъ, стоило пожелать, чего захочешь. Хотя г. Піаръ и непохожъ на царя, однакожъ вы аттаковали его, какъ во–времена оны аттаковывали Людовика XV, въ лицѣ его любовницы. Я убѣжденъ, что вамъ эта продѣлка казалась мастерскою штукою; скажу вамъ, съ позволенія вашего, что вы поступили, какъ школьникъ. Можетъ быть и совѣты, которые я далъ вамъ передъ вашимъ отъѣздомъ, навели васъ отъ части на ложный путь, которымъ вы идете, но я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя; чѣмъ я виноватъ, если вы не умѣли понять меня. Когда я говорилъ вамъ, какъ можетъ быть полезно молодому человѣку въ вашемъ положеніи снискивать доброе расположеніе женщинъ, я указывалъ безусловное начало, въ теоріи, но котораго приложеніе къ практикѣ требуетъ много смышлености, ловкости и осторожности. Выборъ покровительницы–дѣло щекотливое и важное; прежде, чѣмъ рѣшиться, надо умѣть взвѣсить его выгоды и невыгоды; а я узналъ, что вы въ этомъ случаѣ поступили наудачу, безъ системы, безъ расчета, безъ предусмотрительности. Признаюсь, я ожидалъ отъ васъ больше.

Деландъ два мѣсяца воображалъ, что дѣйствуетъ съ умомъ и проницательностію, достойными дипломата первой руки. Разумѣется, не безъ досады выслушалъ онъ это прямое, рѣзкое осужденіе его дѣйствій.

—Какъ–же слѣдовало мнѣ поступать, чтобъ удостоиться вашего одобренія! спросилъ онъ съ принужденною улыбкою.

—Дѣлать противное тому, что вы дѣлали, отвѣчалъ Луазеле, съ профессорскою увѣренностію, которую внушала ему память собственныхъ успѣховъ во времена Консульства. Будемъ разсуждать вообще, забудемъ на–время, что Изора моя дочь. Вы пріѣхали въ Парижъ; сильный человѣкъ, которому вы отрекомендованы, молодецъ въ родѣ г. Піара; у него съ женою безпрестанные раздоры. Нейтральность невозможна; вы принуждены принять сторону того или другаго. О чемъ тутъ и задумываться. Само собою разумѣется, что вы должны принять сторону жены; это для васъ единственное средство всѣхъ имѣть за себя.

—Даже мужа? спросилъ Деландъ недовѣрчиво.

—Разумѣется. Когда вы на его сторонѣ, онъ будетъ счи-

тать васъ своимъ и пренебрегать вами; когда же увидитъ въ васъ союзника жены, онъ будетъ васъ бояться и угождать вамъ. Experto crede Roberto. И такъ вы сдѣлали непростительный промахъ, давъ моей дочери поводъ быть вами недовольной; дѣйствуя благоразумно, вы бы должны болѣе всего стараться пріобрѣсть ея доброе расположеніе.

—Да я такъ и дѣлалъ, простодушно подхватилъ Деландъ.

—Въ такомъ случаѣ, возразилъ старикъ, оскаливъ зубы, я принужденъ объявить вамъ, что вы напрасно трудились. Изора чрезвычайно озлоблена на васъ, а я предупреждаю васъ, что она злопамятна; въ этомъ отношеніи, она вся въ мать. Впрочемъ, какая женщина не оскорбилась бы на ея мѣстѣ? Я не вхожу въ подробное исчисленіе всѣхъ причинъ ея гнѣва; назову только одну. Возможно ли, чтобы вы, человѣкъ неглупый, не поняли, что привезти на этотъ балъ г-жу Марманкуръ, значило—нанесть моей дочери явное оскорбленіе? Если бы я могъ хоть минуту подозрѣвать, что вы умышленно оскорбили ее, я заговорилъ бы съ вами другимъ языкомъ; но сознайтесь, по-крайней-мѣрѣ, что это была крайне неблагоразумная мысль!

—Нетолько неблагоразумная, но и непростительная, если бы она только приходила мнѣ въ голову, отвѣчалъ Деландъ съ жаромъ; но мнѣ стоитъ сказать вамъ одно слово, чтобы убѣдить васъ въ моей невинности. Я нетолько не поддерживалъ г-жи Марманкуръ въ этомъ случаѣ, но сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ показать ей непристойность ея поступка, и уговорить ее покинуть балъ; если это мнѣ не удалось въ ту же минуту, такъ это случилось потому, что я не имѣлъ понудительныхъ средствъ; не будучи комиссаромъ бала, я не имѣлъ никакого права дѣйствовать....

—Притомъ же, перебилъ Луазеле иронически, около нея было, можетъ быть, нѣсколько молодыхъ людей, нисколько не желавшихъ признать справедливость вашихъ доводовъ, и своимъ присутствіемъ охладившихъ ваше краснорѣчіе.

Помощникъ прокурора улыбнулся съ презрительною гордостью.

—Я вижу, отвѣчалъ онъ, что недоброжелательные языки перетолковали всѣ обстоятельства, и тѣмъ дали моимъ поступкамъ значеніе, котораго я немогу опредѣлять изъ уваженія къ собственной своей личности. Позвольте мнѣ исправить одну невѣр-

ность. Около г–жи Марманкуръ было дѣйствительно съ полдюжины молодыхъ людей, которые очень ясно и прямо выражали свое неудовольствіе на меня. Мое краснорѣчіе, если вамъ угодно такъ его назвать, нисколько небыло охлаждено; но я полагалъ, что положеніе мое налагало на меня обязанность, быть кроткимъ; ибо я держусь мнѣнія, что между мужчинами слѣдуетъ объясняться на дѣлѣ, а не на словахъ. По этому, я недолго разсуждалъ съ этими господами, но сегодня же я дерусь съ однимъ изъ нихъ, и если выйду цѣлъ изъ этой дуэли, мнѣ предстоятъ еще двѣ другія.

Физіономія г. Луазеле мигомъ перешла отъ выраженія насмѣшки къ выраженію живѣйшаго одобренія... Онъ всталъ, схватилъ руку Деланда и пожалъ ее съ такимъ усердіемъ, что у несчастнаго затрещали всѣ кости въ пальцахъ.

—Вы не можете себѣ представить, какъ меня радуютъ ваши слова, сказалъ старикъ съ горячностію; правъ я былъ, когда говорилъ дочери, что вы благородный молодой человѣкъ, что вы неспособны на глупый и гнусный поступокъ, въ которомъ васъ обвиняютъ. Изъ ея разсказа, я уже думалъ, что вамъ нельзя обойтись безъ дуэли; и если бы я замѣтилъ въ васъ хотя малѣйшее колебаніе, признаюсь, это бы меня очень огорчило, потому–что я васъ люблю, какъ друга. Вы знаете мой открытый нравъ, я сказалъ бы вамъ безъ обиняковъ. «Любезный Деландъ, теперь не время пришѣвать: Cedant arma togae, отложите всѣ осторожности въ сторону.» Вамъ не нужны были мои совѣты, тѣмъ лучше. Несмотря на судейское платье, вы не заразились судейскими понятіями. — Это первая ваша дуэль?

—Первая, отвѣчалъ Деландъ, съ пренебреженіемъ; въ моемъ званіи, такіе счастливые случаи рѣдки.

—Первая–ли, или десятая, не въ томъ дѣло, сказалъ старикъ, стараясь поддержать въ немъ мужество. Главное тутъ не привычка, а хладнокровіе, а у васъ его, кажется, достаточно. Какъ называется вашъ противникъ?

—Г. Блондо де Гюстанъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, который во всякомъ другомъ случаѣ, назвалъ бы его просто своимъ пріятелемъ Блондо/

—Военный?

—Нѣтъ, свѣтскій, фашіонебль.

—Въ такомъ случаѣ, онъ вѣроятно лучше владѣетъ писто-

летомъ, нежели шпагою. Упражнялись ли вы хоть сколько нибудь въ фехтованіи.

—Я отроду ногой не ступалъ въ фехтовальную залу.

Луазеле едва примѣтно пожалъ плечами.

—Вотъ какъ нынче воспитываютъ молодыхъ людей, подумалъ онъ про себя, и ротъ его подернулся выраженіемъ презрѣнія. — Я хотѣлъ-было посовѣтовать вамъ, если выборъ оружія зависитъ отъ васъ, выбрать шпагу; но изъ вашихъ словъ вижу, что объ этомъ думать нечего. Когда вы деретесь?

—Сейчасъ. Противникъ мой долженъ за мною заѣхать, я жду его. Когда вы постучались, я уже думалъ, что онъ.

—И спали? воскликнулъ старикъ, съ самою лестною для Деланда улыбкою; поздравляю. Когда я дрался въ первый разъ, я двое сутокъ передъ тѣмъ не смыкалъ глазъ. Кто у васъ секундантомъ?

—Еще незнаю; противникъ мой взялся отыскать мнѣ секунданта: онъ долженъ привезти съ собою двухъ пріятелей.

—О, этого я не допущу! возразилъ Луазеле, довольнымъ тономъ опытнаго критика, открывшаго наконецъ ошибку въ безгрѣшной до-того книгѣ; вы деретесь въ первый разъ, некому было дать вамъ совѣтъ; неудивительно послѣ того, что вы позволили устроить дѣло такъ неправильно. Къ счастью, еще ничего не сдѣлано, мы успѣемъ все поправить. Вы сами поймете, что секундантомъ вашимъ долженъ быть вашъ пріятель, а не пріятель вашего противника. Я нисколько не сомнѣваюсь въ добросовѣстности г. Гюстана; но въ такомъ дѣлѣ, неосторожность также непозволительна, какъ и трусость.

—Да вѣдь такой услуги можно требовать только отъ самаго короткаго пріятеля, замѣтилъ Деландъ; а у меня ихъ въ Парижѣ нѣтъ.

—Вчера небыло; а сегодня, — зачѣмъ же я здѣсь? отвѣчалъ Луазеле, съ гордостью закинувъ голову назадъ.

—Какъ, вы! пробормоталъ Деландъ, вы хотите.... вы сдѣлали бы мнѣ честь.... вы думаете, я допущу...

—Безъ церемоніи, любезный Деландъ, перебилъ старикъ, ошибаясь на счетъ источника смущенія, выражавшагося на ли-

цѣ и въ словахъ его собесѣдника; я никогда еще не покидалъ друга въ трудныхъ обстоятельствахъ, и разумѣется, не-начну съ васъ. Имя моей дочери замѣшано въ это дѣло, неужели вы думаете, что я позволю вамъ принять услуги другаго! Будетъ и того, что я рѣшаюсь ограничиться должностью секунданта; если бы была какая-либо возможность, я бы сталъ драться за васъ.

—Но вамъ... въ ваши лѣта... дѣло можетъ дойти до крови..

—Потому-что мнѣ шестьдесятъ девятый годъ! Я развѣ красная дѣвушка? возразилъ эмигрантъ, съ живостью, въ которой пробивали замашки стараго воина. Будьте спокойны, все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ; теперь, пускай приходитъ вашъ противникъ.

Легкій стукъ въ дверь, былъ отвѣтомъ на слова старика. Деландъ отворилъ дверь; вошелъ Блондо, и за нимъ другой человѣкъ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ. Замѣтивъ Луазеле, Блондо едва могъ скрыть свое удивленіе подъ личиною торжественности.

—Милостивый государь, сказалъ онъ, обращаясь торжественно къ Деланду, вотъ г. Барбейракъ, которому угодно было пріѣхать со-мною; г. Жессенъ будетъ ждать насъ у себя дома, онъ живетъ въ предмѣстьи Сентъ-Оноре, слѣдовательно, намъ почти по дорогѣ. У подъѣзда стоитъ карета и мы готовы къ вашимъ услугамъ, если васъ не задерживаетъ дѣло важнѣе нашего.

Луазеле бросилъ на помощника прокурора взглядъ, ясно говорившій: Противникъ представилъ вамъ своего секунданта; представьте же и своего. Деландъ притворился, будто не понимаетъ этого выразительнаго знака. Видя, что онъ молчитъ, старый эмигрантъ приписалъ смущеніе его волненію, весьма извинительному въ человѣкѣ, выходящемъ въ первый разъ на дуэль; онъ рѣшился самъ отрекомендовать себя.

—Милостивые государи, сказалъ онъ, вѣжливо и ловко поклонившись молодымъ людямъ; вамъ нѣтъ надобности заѣзжать за особою, о которой вы сейчасъ упоминали. Я другъ г. Деланда; онъ разсказалъ мнѣ занимающее васъ дѣло, и согласился принять меня въ секунданты; и такъ, ничто не препятствуетъ намъ немедленно отправиться въ Булонскій лѣсъ.

Онъ взорами испрашивалъ отвѣта молодыхъ людей, кото-

рые всѣ трое были равно озадачены этою выходкою. Принимая ихъ молчаніе за знакъ согласія, онъ надѣлъ шляпу, отворилъ дверь, сдѣлалъ противной сторонѣ вѣжливый знакъ. Блондо и Барбейракъ поклонились разомъ, и не согласились идти впередъ, старикъ, прождавъ время, положенное законами самаго утонченнаго общежитія, въ свою очередь, слегка наклонился, и вышелъ первый.

—Пользуюсь правомъ лѣтъ, сказалъ онъ, и сошелъ съ лѣстницы твердымъ шагомъ, помолодѣвъ, повидимому, отъ одной мысли о драматическомъ происшествіи, въ которомъ самовольно выбралъ себѣ роль.

—Ты съума сошелъ? сказалъ Блондо Деланду, остановившемуся, чтобы запереть дверь. Или ты забылъ нашъ уговоръ?

—Лучше и не говори, отвѣчалъ Деландъ; что мнѣ дѣлать? Вотъ подлинно, незваный гость хуже татарина.

—Надо, какъ нибудь отъ него отвязаться.

—Не угодно ли? Уменъ ты, когда успѣешь!

—Да что ему тутъ за дѣло? Онъ тебѣ родственникъ, что-ли?

—Это бы еще хорошо; онъ отецъ г-жи Піаръ; онъ знаетъ все, что случилось на вчерашнемъ балѣ, и если мы не будемъ драться въ его глазахъ, отъ него пожалуй станется, что онъ вызоветъ тебя самъ. Пребуйная головушка, несмотря на сѣдые волосы!

—Блондо, не отвѣчая ни слова, поспѣшно сошелъ съ лѣстницы, и остановилъ за плечо Барбейрака, шедшаго передъ нимъ. Пріятели переговорили нѣсколько словъ вполголоса.

—Не безпокойся, сказалъ Барбейракъ въ заключеніе; я берусь подмѣнить пули, такъ, что старый чортъ и не догадается.

Садясь первый въ наемную карету, стоявшую у подъѣзда, Луазеле замѣтилъ въ ней длинный, плоскій ящикъ, который, Барбейракъ входя за нимъ, взялъ на колѣна. Онъ не сказалъ ни слова; но когда извощикъ затворилъ дверцу, и спросилъ, куда ѣхать:

—Въ улицу Ришелье, противъ Французскаго-театра, отвѣчалъ Луазеле.

—Да это будетъ большой крюкъ, замѣтилъ Барбейракъ.

—Нѣтъ, тутъ крюку не будетъ, потому, что намъ можно будетъ заѣхать въ магазинъ Лепажа, отвѣчалъ старикъ.

—Но вѣдь у васъ есть пистолеты.

—Вижу, отвѣчалъ Луазеле хладнокровно.

—Къ чему же намъ покупать другіе?

—Г. Гюстанъ могъ ими уже пользоваться; замѣтьте, я не говорю, что онъ ими пользовался, а только, что онъ могъ ими пользоваться.

—Какое дѣло, перервалъ Деландъ съ живостью, я вполнѣ полагаюсь на добросовѣстность г. Гюстана, и убѣжденъ, что онъ неспособенъ выбрать оружіе, которое давало бы ему какое либо преимущество предо мною.

—Любезный Деландъ, сказалъ Луазеле тономъ отеческаго выговора, вы здѣсь не имѣете права разсуждать.

Противники украдкою взглянули другъ на друга; во взорѣ ихъ выражалось сильное безпокойство. Барбейракъ замѣтилъ разстроенную физіономію Блондо, сидѣвшаго противъ него; онъ тотчасъ наклонился, будто за тѣмъ, чтобы выглянуть изъ кареты; Густавъ сдѣлалъ то же, и головы ихъ встрѣтились у дверцы.

—Что за дѣло, какіе пистолеты! шепнулъ Барбейракъ, дѣло въ пуляхъ.

Лицо Блондо прояснилось, а отъ него рикошетомъ и Деландъ почувствовалъ возвращеніе спокойствія; которое было исчезло при видѣ дѣйствительной опасности, угрожавшей ему, благодаря неумѣстному вмѣшательству г. Луазеле. Взявъ у Лепажа пару пистолетовъ, секунданты сѣли въ карету, и она немедленно покатилась на мѣсто назначенія.

Часа черезъ два, четыре дѣйствующія лица этой драмы, на которую только одинъ изъ нихъ смотрѣлъ серьозно, между тѣмъ, какъ остальные видѣли въ ней комедію, углубились въ одинъ изъ самыхъ глухихъ и наименѣе посѣщаемыхъ концевъ Булонскаго лѣса. Секунданты шли впереди рядомъ; противники слѣдовали за ними въ нѣкоторомъ разстояніи. Они старались удаляться другъ отъ друга, но отъ времени до времени, улыбались другъ другу, когда Луазеле не могъ ихъ видѣть, какъ два школьника, старающіеся обмануть вниманіе наставника, для совершенія затѣянной ими шалости.

—Какъ это вы не пригласили съ собою врача? сказалъ дорогою Луазеле своему спутнику.

—Я надѣюсь, что не будетъ въ немъ нужды, отвѣчалъ Барбейракъ, невольно улыбнувшись.

—Надѣюсь и я, возразилъ Луазеле: но надо бы принять

предосторожность на всякій случай; если бы меня предупредили ранѣе, я бы этимъ не пренебрегъ. — Эти молодые люди не имѣютъ никакого понятія о правилахъ общежитія; продолжалъ онъ про себя; не умѣютъ даже драться, какъ слѣдуетъ порядочнымъ людямъ.

Между тѣмъ, они пришли къ мѣсту, гдѣ деревья разступались кружкомъ, и оставляли пустую площадку шаговъ во-сто въ діаметрѣ; это было природное закрытое поле, образуемое лѣсомъ.

—Зачѣмъ намъ идти далѣе, лучшаго мѣста намъ не найти, сказалъ Луазеле, замѣтившій съ перваго взгляда все удобство этого мѣста.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ они вышли изъ кареты и шли пѣшкомъ, секунданты успѣли уже назначить условія дуэли. Г. Луазеле во всѣхъ пунктахъ старался согласить человѣколюбіе, повелѣвающее ограничивать несчастныя послѣдствія, съ честью, требующею дѣйствительной опасности. Барбейракъ, разумѣется, ни въ чемъ ему не противорѣчилъ, но съ трудомъ удержался онъ отъ улыбки, когда старикъ сказалъ ему менѣе твердымъ голосомъ:

—Вы, вѣроятно, согласны со мною въ томъ, что должно ограничиться однимъ выстрѣломъ; положимъ, чтобы, каковъ бы ни-былъ его результатъ, дуэли далѣе не идти.

—Растрогался старикъ, подумалъ Барбейракъ, онъ и не подозрѣваетъ, что пули, которыя будутъ употреблены въ этомъ боѣ, взяты съ шампанскихъ бутылокъ.

Когда мѣсто было отмѣрено, оба противника съ удивительнымъ хладнокровіемъ приготовились къ бою, стали другъ противъ друга, на мѣста, выпавшія имъ по жребію. Когда Луазеле увидѣлъ мужество и твердость Деланда, привязанность его къ нему еще удвоилась, и онъ почувствовалъ волненіе, котораго не ощущалъ, выходя самъ на дуэль.

—Бѣдняжка, подумалъ онъ, только бы это сошло хорошо съ рукъ!

Въ то же время онъ подошелъ къ Барбейраку, который только-что открылъ ящикъ.

—Дайте мнѣ зарядить одинъ пистолетъ, сказалъ онъ, наклоняясь; скорѣе пойдетъ.—Скорѣе бы все кончилось.

—Одинъ шомполъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, ловко под-

мѣнивъ пулю, взятую имъ въ ящикѣ, другою, точно такою же пулею и формою и цвѣтомъ изъ запаса, бывшаго у него въ карманѣ. Къ несчастію, безвинная пуля скользнула у него изъ руки въ то самое мгновеніе, какъ онъ хотѣлъ вложить ее въ дуло; несмотря на проворство, съ которымъ Барбейракъ наклонился, Луазеле, еще проворнѣе поднялъ пулю, которая показалась ему необыкновенно легка. Онъ съ удивленіемъ взвѣсилъ ее въ рукѣ; потомъ взялъ въ ротъ, между двухъ рядовъ зубовъ, крѣпкихъ и вострыхъ, какъ у волка. Въ ту же минуту, половина пули выпала на землю. Старикъ, едва не проглотившій другую половину, выплюнулъ ее, откашливаясь, на ладонь, и нѣкоторое время въ недоумѣніи смотрѣлъ на пулю, такъ чудесно обратившуюся изъ свинцовой въ пробочную.

—Вы смѣетесь надо мною, милостивый государь, сказалъ онъ наконецъ Барбейраку, голосомъ, дрожащимъ отъ гнѣва.

Во время испытанія, которому подвергалось произведеніе его человѣколюбія, Барбейракъ покраснѣлъ по-уши. Строгій выговоръ старика довершилъ его смущеніе. Геройскаго усилія стоило ему собрать довольно силы, чтобы улыбнуться и выдержать огненный взглядъ Луазеле, которому, казалось, внезапно убыло съ плечь сорокъ лѣтъ, отъ одной мысли, что его дурачили.

—Гюстанъ и Деландъ, давнишніе пріятели, сказалъ наконецъ Барбейракъ, стараясь придать словамъ всю убѣдительную кротость, какая была ему доступна; если одинъ изъ нихъ будетъ убитъ, какое горе для убившаго! И ссора ихъ, въ сущности, вышла изъ пустяковъ. Какъ можно допустить ихъ подвергать жизнь опасности, когда въ нашей волѣ предупредить всякое несчастіе невинною хитростью!

—И этимъ господамъ извѣстно ваше человѣколюбивое намѣреніе? перебилъ старый эмигрантъ, нахмуривъ брови; они уговорились стрѣляться на пробкахъ?

Барбейракъ счелъ обязанностью принять на себя всю отвѣтственность въ выдумкѣ, которая, со стороны секунданта, могла пожалуй счесться внушеніемъ чрезмѣрнаго, впрочемъ, похвальнаго человѣколюбія.

—Нѣтъ, они ничего не подозрѣваютъ, отвѣчалъ онъ; эта мысль, впрочемъ вовсе не новая, принадлежитъ мнѣ одному.

—Тѣмъ хуже для васъ, и тѣмъ лучше для нихъ. Несмотря на мои сѣдые волосы, я ей-Богу принудилъ бы Деланда стрѣляться со мною, если бы онъ посмѣлъ сдѣлать меня сообщникомъ въ такомъ подломъ обманѣ. Дайте мнѣ пистолеты, я заряжу ихъ.

—Но вспомните, что они давнишніе пріятели, сказалъ Барбейракъ, видя, что Луазеле готовъ опустить въ пистолетъ настоящую пулю.

—Если они пріятели, отвѣчалъ Луазеле, забивая пулю шомполомъ, то тѣмъ болѣе должны уважать другъ друга. Я стрѣлялся съ лучшимъ своимъ другомъ, милостивый государь: онъ меня ранилъ, и даже довольно опасно; и повѣрьте, что я его за то полюбилъ еще болѣе прежняго. Въ наше время пробку употребляли только на закупорку бутылокъ. Если нынче обычай не таковъ, то позвольте мнѣ оставаться вѣрнымъ старинѣ. Изволите видѣть, я отсталъ отъ покроя; я не принадлежу къ юной Франціи; я человѣкъ стараго покроя, упрямый, неподвижный, неисправимый; окаменѣлость, если угодно, мертвая мумія; какъ же вы хотите, чтобы я вдругъ возвысился до пробочныхъ пуль!

Трунія такимъ образомъ надъ смущеннымъ товарищемъ, старый эмигрантъ заряжалъ пистолеты съ ловкостью опытнаго охотника. Зарядивъ ихъ, онъ далъ Барбейраку, выбрать одинъ, а другой отнесъ Деланду, который не могъ съ своего мѣста, разобрать смыслъ спора, возникшаго между секундантами.

—Этотъ молодчикъ, вздумалъ-было подшутить надъ нами, сказалъ онъ Деланду; но я его проучилъ, какъ слѣдуетъ. Положитесь на меня, все совершится въ надлежащемъ порядкѣ.

—Что онъ такое городитъ? подумалъ Деландъ, и сердце его вдругъ забилось сильнѣе; однакоже, несмотря на свое безпокойство, онъ не посмѣлъ просить у старика объясненія его словъ.

Барбейракъ въ то же время подошелъ къ Блондо и подалъ ему другой пистолетъ.

—Предупреждаю тебя, шепнулъ онъ ему, что пистолеты заряжены свинцовыми пулями. Держи ухо востро!

## XIV.

Большая часть мужества Блондо-де-Гюстана заключалась въ

усахъ, хлыстѣ и шпорахъ; узнавъ о внезапномъ превращеніи пуль, онъ измѣнился въ лицѣ.

—Знаетъ ли о томъ Деландъ? спросилъ онъ Барбейрака съ безпокойствомъ.

—И не гадаетъ, отвѣчалъ секундантъ; теперь нѣтъ никакого средства предупредить его.

—Въ-такомъ-случаѣ, онъ сдуру будетъ цѣлить прямо въ меня и всадитъ мнѣ пожалуй пулю въ лобъ. Чортъ возьми! Это не весело. Какъ быть?

—Не стрѣляться, всего бы вѣрнѣе.

—И то дѣло! Идемъ на мировую! Ступай, это твое дѣло.

Барбейракъ вышелъ впередъ, и ставъ между противниками въ профиль, такъ, чтобы въ одно время обращаться къ тому и другому, протянулъ къ каждому изъ нихъ съ патетическою торжественностью руку, и сказалъ:

—Довольно, господа, будьте благоразумны. Вы оба достаточно доказали свое мужество.. Довольствуйтесь тѣмъ, что оба вышли на мѣсто битвы. Вчерашняя ваша размолвка не довольно важна, чтобы ее загладить кровью; забудьте прошедшее. Умоляю васъ именемъ вашей давнишней дружбы; вмѣсто того, чтобы стрѣляться изъ-за пустяковъ, поступите, какъ люди столько же благоразумные, сколько и безстрашные... Дайте другъ другу руку.

—Трусы, пробормоталъ сквозь зубы Луазеле, глядя съ презрительною улыбкою на миротворца.

Делландъ счелъ предложеніе Барбейрака за замысловатую сцену, вставленную въ комедію, для того, чтобы еще болѣе возвысить въ глазахъ стараго эмигранта свирѣпую рѣшимость противниковъ. Еще болѣе подкрѣпленный въ этомъ мнѣніи хитрымъ взглядомъ, который бросилъ ему украдкою противникъ, онъ сталъ разыгрывать роль свою съ самолюбіемъ и стараніемъ опытнаго актера, придумывающаго удачный отвѣтъ въ импровизированной драматической пословицѣ:

—Милостивые государи, сказалъ онъ, гордо поднявъ голову, мнѣ кажется, всякое разсужденіе на мѣстѣ битвы безполезно и неумѣстно. Оружіе у насъ въ рукахъ; теперь надо не разговаривать, а стрѣляться.

—Славно, славно, шепнулъ ему Луазеле; такъ и слѣдуетъ отвѣчать.

—Но, возразилъ Барбейракъ, подумайте...

—Теперь нечего думать, перебилъ Деландъ, еще болѣе геройскимъ голосомъ; вино розлито, остается его выпить!

—Такъ пей же, и дай тебѣ Богъ имъ подавиться! подумалъ Блондо, взбѣшенный его упрямствомъ, и взводя нетвердою рукою курокъ пистолета.

Барбейракъ и Луазеле, отошли на нѣсколько шаговъ.

—Становитесь, Деландъ, сказалъ старикъ, видя, что Блондо, который по жребію долженъ былъ стрѣлять первый, прицѣливался, между тѣмъ какъ его противникъ и не думалъ принимать никакихъ мѣръ безопасности.

Деландъ неразъ читывалъ, что храбрый воинъ смотритъ въ лицо опасности. Принимая это правило въ буквальномъ смыслѣ, онъ сталъ прямо лицомъ противъ Блондо, и стоялъ неподвижно, сжавъ пятки и опустивъ руки, какъ солдатъ на караулѣ.

—Становитесь же, повторилъ эмигрантъ.

Деландъ, не мѣняя своего положенія, съ удивленіемъ взглянулъ на своего секунданта.

—Да какъ же стоять иначе? отвѣчалъ онъ.

При этомъ признакѣ такого невѣжества, которое онъ до-сихъ-поръ считалъ невозможнымъ, Луазеле не могъ сдержать своего нетерпѣнія; онъ подбѣжалъ къ Деланду, схватилъ его за плеча, повернулъ и поставилъ правымъ бокомъ къ противнику; потомъ показалъ ему, какъ согнуть руку и держать пистолетъ вертикально, такъ, чтобы по возможности прикрыть голову и грудь; уставивъ его наконецъ по своему, онъ снова удалился, шепнувъ ему вполголоса:

—Теперь не трогайтесь и старайтесь сплюснуться.

—Что за причуды! подумалъ Деландъ; подвергаясь такой ужасной опасности, не все ли равно, стоять лицомъ или бокомъ?

—Если я не попалу, онъ пожалуй меня убьетъ, подумалъ въ тоже время Блондо; а гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, такъ не до дружбы: всякій стой за себя.

Онъ поднялъ руку, старательно прицѣлился, несмотря на дрожаніе руки, и спустилъ курокъ. Вслѣдъ за выстрѣломъ раздался рѣзкій крикъ Деланда, который выронилъ пистолетъ изъ руки, покачнулся и упалъ назадъ, въ объятія Луазеле, подбѣжавшаго къ нему на помощь.

—Вы ранены? спросилъ старикъ въ волненіи.

—Зарѣзанъ! кричалъ Деландъ голосомъ, въ которомъ негодованіе еще превышало страданіе. Это подлая измѣна.

Раненный поднялъ правую руку; кровь текла изъ нея ручьемъ, при видѣ ея, онъ страшно поблѣднѣлъ.

—Я изувѣченъ на всю жизнь, простоналъ онъ въ отчаяніи, теперь мнѣ уже не играть на скрипкѣ.

—Ну, такъ будете играть на валторнѣ, отвѣчалъ Луазеле съ живостью, до скрипки ли теперь! Покажите руку. Ничего, только сломалъ палецъ, да и то, четвертый, наименѣе нужный изъ всѣхъ. Странный выстрѣлъ однако-же.

На крикъ Деланда, Барбейракъ и Блондо, каждый съ своей стороны, бросились къ нему, старый эмигрантъ остановилъ ихъ повелительнымъ знакомъ руки.

—По мѣстамъ, господа, закричалъ онъ; еще не кончено.

Съ этими словами онъ наклонился и поднялъ пистолетъ, выпавшій изъ руки Деланда; съ любопытствомъ осмотрѣлъ слѣдъ, оставленный на ложѣ пулею, и подавая оружіе несчастному молодому человѣку, сказалъ ему:

—Вы еще счастливы, что отдѣлались однимъ пальцемъ; если рука не позволяетъ вамъ стрѣлять, возьмите пистолетъ въ лѣвою руку.

Деландъ съ яростью схватилъ пистолетъ.

—Смерть злодѣю, вскричалъ онъ, прицѣливаясь въ Блондо, который не смѣлъ перевести духа до тѣхъ поръ, пока не раздался безвредный выстрѣлъ, и онъ не увѣрился, что опасность миновала.

—Зарядите снова пистолеты; я хочу стрѣляться на смерть, вскричалъ Деландъ, взбѣшенный мнимою измѣною своего пріятеля.

—Успокойтесь, говорилъ ему Луазеле съ кротостью; знаю по опыту, что очень не весело получить рану, да чтожъ дѣлать: надо покориться судьбѣ. Въ уговорѣ было, что вы ограничитесь однимъ выстрѣломъ, а уговоръ долженъ быть свято соблюдаемъ—даже страдающимъ. Теперь все кончено; заверните руку въ платокъ, и отправимся поскорѣе въ Парижъ. Прежде всего, надо теперь отыскать врача. Говорилъ я этому господчику, что онъ напрасно объ этомъ не позаботился.

Между тѣмъ, какъ эмигрантъ старался успокоить раздражен-

наго Деланда, Блондо и его секундантъ, спѣшили все приготовить къ отъѣзду.

—Намъ надо выдти изъ лѣсу порознь, сказалъ Барбейракъ, пожалуй кто-нибудь слышалъ два выстрѣла, и далъ знать карауленымъ и жандармамъ.

—Я вполнѣ полагаюсь на вашу осторожность, весьма удивительную, по вашимъ лѣтамъ, отвѣчалъ старикъ съ насмѣшливою улыбкою; ступайте пѣшкомъ и оставьте намъ карету.

Барбейракъ и Блондо поспѣшили воспользоваться неудовольствіемъ Луазеле, который черезъ нѣсколько минутъ остался вдвоемъ съ Деландомъ. Перевязавъ наскоро раненную руку, они достигли кареты, и быстро понеслись къ Парижу.

—Ну что же, Деландъ, сказалъ Луазеле, качая головою; понимаете теперь пользу положенія, въ которое я васъ поставилъ? Если бы вы остались въ прежнемъ положеніи, то вы однимъ пальцемъ не отдѣлались бы, а получили бы весь зарядъ въ самую грудь.

—И гораздо бы лучше! отвѣчалъ Деландъ, которому боль внушала отвращеніе къ жизни; еслибъ я былъ убитъ, я не страдалъ бы теперь, какъ окаянный.

—Почему знать? замѣтилъ старикъ; кто можетъ сказать напередъ, что пойдетъ прямо въ рай; многихъ изъ насъ, я думаю, ожидаютъ страданія гораздо пожесточе, чѣмъ боль отъ переломленнаго пальца.

—Хуже страданій не можетъ быть, возразилъ Деландъ, валяясь въ каретѣ и судорожно сжимая изувѣченную руку въ другой рукѣ.

Пріѣхавъ домой, Деландъ почти немедленно подвергся пыткамъ, ожидающимъ неудачныхъ дуэлистовъ. Искусный врачъ, призванный по приказанію Луазеле, разсмотрѣвъ рану, объявилъ, что должно непремѣнно отрѣзать разбитый палецъ, и немедленно приступилъ къ операціи, несмотря на стоны молодаго человѣка, который, надо сознаться, показалъ въ этомъ случаѣ вовсе не стоическій характеръ.

—Быть изувѣчену въ мои лѣта! жалобно простоналъ онъ по окончаніи операціи.

—Какая важность, одинъ палецъ! твердилъ ему Луазеле, чтобъ утѣшить его. Толи случается каждый день на охотѣ? Ну

чтобы вы сказали, если-бы вамъ пришлось отнимать руку или ногу?

Въ это мгновеніе, Деландъ слышалъ свирѣпость въ голосѣ старика, видѣлъ кровожалность въ его физіономіи. Вмѣсто отвѣта, онъ отвернулъ отъ него голову и долго сидѣлъ въ угрюмомъ молчаніи.

Вечеромъ явились къ Деланду де-Рошель и Жонкіеръ, почти вслѣдъ другъ-за-другомъ; но, узнавъ, что уже была одна дуэль, и видя своего противника неспособнымъ къ новой дуэли, они поняли, что ихъ посѣщеніе уже безполезно; оба объявили Луазеле, что они удовлетворены, и что считаютъ свое личное дѣло конченнымъ.

—Вы не обманывали меня, говоря, что вамъ предстоятъ три дуэли, сказалъ старикъ стралальцу, поздравляя его; вотъ всѣ три на-лицо. Знаете, что нынѣшній день дѣлаетъ вамъ честь? вы долго будете его помнить!

—Въ жизнь незабуду, чортъ возьми! отвѣчалъ больной, между тѣмъ какъ жестокая боль искривляла ему все лицо.

Недѣли полторы Викторъ Деландъ не могъ выходить изъ дому, пока рана не прошла безъ новыхъ бѣдъ свои различныя фазы. Изъ всѣхъ его Парижскихъ знакомыхъ, одинъ только Луазеле, въ эти часы страданія и тоски оказывалъ ему искреннее участіе: каждый день проводилъ онъ подлѣ больнаго добрую половину вечера. Однажды, чтобы развлечь его, онъ принесъ ему шахматы, и оба принялись по прежнему за мирную забаву, занимавшую почти всѣ ихъ вечера въ Д.***. Дружескія попеченія Луазеле показали Деланду еще въ болѣе черномъ цвѣтѣ поступокъ Блондо, о которомъ онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій съ самаго дня дуэли.

—Тутъ кроется какое нибудь дьявольское дѣло, рѣшилъ про себя Деландъ, тщетно прождавъ своего пріятеля цѣлую недѣлю, уговоръ нашъ былъ слишкомъ ясенъ, чтобы можно было допустить такое ужасное недоразумѣніе. Нѣтъ, иначе нельзя объяснить себѣ этого случая, какъ только подлымъ вѣроломствомъ, котораго я былъ жертвою. Всѣ факты клонятся къ тому, что Блондо рѣшился сбыть меня съ рукъ; но зачѣмъ? съ какою цѣлью? что я ему сдѣлалъ?

Тутъ какъ молнія мелькнула въ головѣ молодаго чиновника одна изъ тѣхъ мыслей, которыхъ разсудокъ не можетъ приз-

навать, но за которыя разстроенный умъ больнаго хватается безъ разсужденія.

—У него мои деньги, подумалъ онъ, ужасаясь собственной мысли; тринадцать тысячъ, отданныя ему на сохраненіе; три тысячи, по старому счету, да двѣ тысячи, которыя я далъ ему взаймы въ самый день своего пріѣзда; онъ мнѣ долженъ восемнадцать тысячъ франковъ. Почему знать? онъ можетъ-быть не въ состояніи мнѣ ихъ отдать, и предвидя, что я потребую уплаты, придумалъ эту дуэль, чтобы убить меня и тѣмъ покончить со мною всѣ расчеты. Это ужасно, но мало-ли какія злодѣйства совершаются въ Парижѣ! Состояніе Блондо, несмотря на его громкія слова, мнѣ кажется очень загадочнымъ. Я незнаю за нимъ ни одного клочка земли въ полсолнечной, ни одного купона на казначейство; огромныя предпріятія, о которыхъ онъ безпрестанно трубитъ, подвержены тѣмъ-же опасностямъ, какъ и всякія подобныя предпріятія; въ нихъ сегодня барышъ, а завтра проигрышъ. Съ другой стороны, онъ крѣпко мотаетъ; игрокъ, а отъ игрока, когда ему не везетъ, все станется. Да, иначе я немогу объяснить его страннаго поступка, какъ только приписавъ его какому нибудь преступному побужденію. Если бы онъ не чувствовалъ себя виновнымъ, онъ вѣрно навѣстилъ бы меня; отсутствіе его, ясно его уличаетъ.

Въ тотъ же самый день, когда Деландъ остановился на этомъ подозрѣніи, внезапное признаніе Луазеле открыло ему неосновательность его предположенія.

—Противникъ вашъ и его секундантъ не навѣщали васъ? спросилъ старикъ.

—Нѣтъ, я невидалъ ни того, ни другаго, отвѣчалъ больной съ принужденіемъ.

—Это меня нисколько не удивляетъ; чего ждать отъ людей, которые на дуэли заряжаютъ пистолеты холостыми зарядами.

—Какъ, холостыми зарядами? спросилъ Деландъ.

—Да такъ же; я сужу о г. Гюстанѣ по его секунданту. Представьте, что этотъ молодчикъ хотѣлъ-было, чтобы вы стрѣлялись пробочными пулями. Ксчастію, я успѣлъ помѣшать исполненію этой подлой затѣи.

—Да, ксчастію! вздохнулъ больной, взглянувъ на свою подвязанную руку.

—Разумѣется, ксчастію; развѣ не легче лишиться пальца,

чѣмъ быть всеобщимъ посмѣшищемъ: а такая дуэль, непремѣнно сдѣлала бы васъ посмѣшищемъ всего города, несмотря на то, что вы тутъ нисколько не виноваты? А какъ я подумаю, я готовъ биться объ закладъ, что г. Гюстанъ не чуждъ былъ этой дивной выдумкѣ; онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, когда вы стали въ него прицѣливаться, и вообще, мнѣ кажется, онъ не изъ самыхъ храбрыхъ; къ тому-же невѣроятно, чтобы секундантъ позволилъ себѣ такую шутку, если не уполномоченъ на то тѣмъ, кто его выбралъ.

Узнавъ, что онъ былъ обязанъ своею раною г-ну Луазеле, Деландъ осыпалъ его самыми страшными проклятіями, какія только могъ придумать.

—Блондо былъ обманутъ такъ же, какъ и я, подумалъ онъ потомъ: и я не имѣю права на него сердиться; но если онъ не чувствуетъ себя виноватымъ противъ меня, отчего же онъ не навѣщаетъ меня? Надо полагать, что съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе.

Безпокойство о судьбѣ друга, соединяясь съ невольнымъ безпокойствомъ, которое онъ чувствовалъ при мысли о своихъ деньгахъ, не позволило ему дождаться времени, когда ему позволено будетъ выходить, для объясненія своихъ опасеній. Онъ рѣшился писать къ Блондо, и послалъ ему записку, кое-какъ нацарапанную лѣвою рукою; но записка осталась безъ отвѣта. Это обстоятельство еще удвоило его безпокойство, тѣмъ болѣе, что онъ предвидѣлъ скорое опустѣніе своего кошелька; а неявка человѣка, долженствовавшаго его наполнить, поставила бы его въ очень затруднительное положеніе.

—Онъ видно отправился на нѣсколько дней за-городъ, говорилъ онъ, стараясь успокоить себя; но какая бы ни была причина его отсутствія, она его не извиняетъ; поведеніе его изобличаетъ ужаснѣйшій эгоизмъ. Такъ можетъ поступать только человѣкъ съ холоднымъ сердцемъ, лицемѣрный другъ; я никогда неожидалъ отъ него такого скотскаго равнодушія.

Деланду скоро открылся другой, гораздо важнѣйшій источникъ безпокойства. Онъ замѣтилъ, что образъ мыслей Луазеле совершенно измѣнился со времени прибытія его въ Парижъ. Прежде онъ славилъ честолюбіе, смѣлыя приключенія и замыслы, теперь онъ вдругъ сталъ хвалить уединеніе, скромную, тихую жизнь; вмѣсто того, чтобы поддерживать по-пре-

жнему помощника прокурора въ его заносчивыхъ надеждахъ, онъ не упускалъ ни одного случая исчислять множество подводныхъ камней, наполняющихъ море, которыхъ искатели должны опасаться плывя къ цѣли своихъ желаній.

—Изо-ста человѣкъ, говорилъ онъ частенько, одинъ достигаетъ пристани, а девяносто-девять—погибаютъ на пути; но и этому одному, достигшему цѣли, сколькихъ трудовъ, разочарованій и горестей стоитъ успѣхъ! Правда, самая жестокая болѣзнь въ человѣкѣ—непостоянство его ума, побуждающее его безпрестанно презирать прочное благо, которое у него въ рукахъ, и стремиться за какимъ-то невѣдомымъ счастьемъ, по большей части обманчивымъ и несуществующимъ.

—Чортъ его разберетъ, куда онъ мѣтитъ своими проповѣдями? думалъ про себя Деландъ, и чтобы уличить старика въ противорѣчіи, напоминалъ ему собственные его успѣхи на поприщѣ искателя, во время Республики.

—Одному успѣхъ, другому гибель, возразилъ Луазеле учительскимъ тономъ. Успѣхъ, въ чемъ-бы то ни было, исключеніе изъ общаго правила; къ тому же, прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ, не всякому суждено такое счастіе.

Въ ежедневныхъ разговорахъ двухъ провинціяловъ, какъ скоро честолюбіе молодаго помощника прокурора заносилось, будто летучій змѣй, когда школьникъ отпускаетъ тонкую бичевку, старикъ безжалостною рукою сбивалъ на землю аэростатъ, терявшійся уже въ облакахъ. Когда Деландъ заговаривалъ о Государственномъ Совѣтѣ, онъ съ своей стороны заводилъ рѣчь о судѣ первой инстанціи, въ Д***.

—Срокъ вашему отпуску, кажется, уже миновалъ, сказалъ онъ однажды; просили вы объ отсрочкѣ?

—Просилъ; отвѣчалъ молодой чиновникъ; впрочемъ изъ одной вѣжливости. Я навсегда распрощался съ Д***скимъ судомъ.

—Ничего не-должно утверждать заранѣе, возразилъ старый эмигрантъ, качая головою; какъ угодно, а должность, въ которой вы еще числитесь, очень недурна, когда нѣтъ лучшей; многіе больше бы и не желали въ ваши лѣта; вѣдь вамъ, помнится мнѣ, всего двадцать-седьмой годъ...

—Питтъ на двадцать-пятомъ году былъ первымъ министромъ.

—А Наполеонъ, первымъ консуломъ на тридцать-первомъ; знаю; но возмемте для примѣра... хоть меня; мнѣ уже шестьдесятъ-девятый годъ; я участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ французскихъ принцевъ; а знаете, въ какомъ я чинѣ? капитанъ; крестъ св. Людовика, котораго я уже не ношу и 900 франковъ пенсіона, вотъ все, что доставила мнѣ моя служба, которая, сказать между нами, была гораздо потяжеле вашей. Видите, не всякому быть Питтомъ или Бонапартомъ.

Подобно всѣмъ самонадѣяннымъ головамъ, ставящимъ себя внѣ предѣловъ общаго закона, Деландъ нисколько небылъ убѣжденъ въ основательности этого сравненія. Если Луазеле не добился высокихъ чиновъ въ военной службѣ, это въ его глазахъ весьма просто объяснялось ничтожествомъ стараго эмигранта, но предположеніе, будто и онъ, съ своимъ умомъ и дарованіемъ, можетъ еще долго мыкаться въ ничтожной должности, казалось ему нелѣпостью, безсмысліемъ, несправедливостью, невозможностью.

—Опустился мой старикъ въ послѣдніе два мѣсяца, подумалъ онъ; прежде онъ понималъ дѣло, судилъ здраво, и совѣты его вообще были очень дѣльны; теперь же, нельзя съ нимъ и говорить о дѣлѣ. Вздумалъ увѣрять меня, что я долженъ за счастіе считать, что дослужился въ мои лѣта до почетной должности помощника королевскаго прокурора! Я того только ужъ и ждалъ, что онъ предложитъ мнѣ воротиться въ Д***; теперь уже ничто не удивитъ меня съ его стороны; даже, если онъ бы мнѣ на дняхъ предложилъ жениться на дѣвицѣ Бешерень!

Это предположеніе, казавшееся ему такимъ нелѣпымъ, что онъ не могъ и подумать о немъ безъ презрительной усмѣшки, однако-же осуществилось на слѣдующій день; и что онъ ни говорилъ, но молодой чиновникъ, не могъ скрыть своего удивленія, когда Луазеле, подходя къ нему съ торопливостью человѣка, собирающагося сообщить очень любопытныя вѣсти, спросилъ его:

—Знаете, что дѣлается въ Д*** ? Молодая Бешерень стала богатою наслѣдницею. Она похоронила дядю, Викарія, который оставилъ ей шестьдесятъ тысячъ франковъ; мнѣ пишетъ мой нотаріусъ, слѣдовательно, это дѣло вѣрное. Что скажете на это?

—Скажу, что дѣвицѣ Бешерень очень не мѣшаетъ богатство, потому, что красоты ей не пріобрѣсти.

—Такъ вы находите, что она ужасно дурна? спросилъ старикъ съ неудовольствіемъ.

—Помнится мнѣ, отвѣчалъ Деландъ, что мы съ вами на этотъ счетъ одного мнѣнія.

—Увѣряю васъ, что мы оба были къ ней слишкомъ строги, возразилъ эмигрантъ льстивымъ голосомъ; нельзя сказать, чтобы она была красавица, но между красавицею и уродомъ, еще много степеней; и наружность дѣвицы Бешерень, можно скорѣе назвать пріятною, нежели дурною. Она очень стройна, я намедни смотрѣлъ на нее, когда она выходила отъ обѣдни; у нея очень благородная осанка, она ловко ходитъ, стоило бы ей только побывать здѣсь мѣсяца на-три, поучиться здѣсь одѣваться и держать себя, и вы ее не узнаете. Къ тому же, что очень важно въ супружествѣ, у нея прекрасный нравъ, веселый, кроткій, ровный; она очень не глупа, что же касается ея правилъ, стоитъ только сказать, что она получила хорошее провинціяльное воспитаніе, безъ внѣшняго блеска, но за то прочное, а это для мужа гораздо дороже всей чепухи, которою набиваютъ головы дѣвицъ въ парижскихъ пансіонахъ.

—Право, вы говорите о дѣвицѣ Бешерень, прервалъ Деландъ съ принужденнымъ смѣхомъ, какъ будто бы желали уговорить меня на ней жениться.

—А кто вамъ сказалъ, что я этого не желаю! отвѣчалъ старикъ, пристально взглянувъ на собесѣдника, чтобы видѣть, какое дѣйствіе произведетъ на него это нечаянное объявленіе.

—Я никакъ немогу повѣрить, чтобы вы это говорили не въ шутку; позвольте мнѣ напомнить вамъ, что вы сами говорили мнѣ у себя въ гостинной, за нѣсколько дней передъ моимъ отъѣздомъ изъ Д***. Въ то время мысль объ этомъ бракѣ казалась вамъ....

—Въ то время, перебилъ Луазеле, дядя ея былъ еще живъ; вотъ обстоятельство, котораго никакъ не должно упускать изъ виду. Обстоятельства съ-тѣхъ-поръ измѣнились, почему же и мнѣ не измѣнить своего мнѣнія? Съ тѣмъ, что она получитъ послѣ отца, котораго того и смотри, ударъ положитъ въ могилу, дѣвица Бешерень—невѣста въ полтораста тысячъ

франковъ; такихъ невѣстъ немного найдется въ Парижѣ. Я не думаю, чтобы ваше богатство...

—И не доходитъ до него, отвѣчалъ Деландъ; но вы забываете, въ своемъ исчисленіи, какое поприще можетъ мнѣ предстоять, какія я могу питать надежды...

—Надежды, прервалъ старикъ, съ улыбкою, въ которой замѣтно было тайное сожалѣніе; это цѣнности, которымъ нѣтъ сбыта на биржѣ, любезный Деландъ. Что можетъ сравниться въ обманчивости, невѣрности и непостоянствѣ съ надеждами должностныхъ лицъ. Останемся лучше въ предѣлахъ положительнаго, чѣмъ тѣшить себя мечтами.

Уже нѣсколько дней Деландъ ломалъ голову, чтобы открыть причину перемѣны, произшедшей въ образѣ мыслей стараго его друга. Его поразилъ тонъ, которымъ онъ произнесъ послѣднія слова, и онъ рѣшилъ, что у него навѣрное была тайная, важная причина, побуждавшая его проповѣдовать суету благъ, за которыми гонятся всѣ искатели. Онъ опустилъ голову, задумался, и вдругъ его озарила одна изъ тѣхъ мыслей, которыя прорѣзаютъ мракъ ума, какъ молнія прорѣзаетъ тучи небесныя.

—Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, сказалъ онъ старому эмигранту, устремивъ на него проницательный взглядъ. Совѣты, которые вы даете мнѣ нынче, и которые такъ противорѣчатъ совѣтамъ, которые вы мнѣ давали нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, не результатъ-ли разговора вашего обо-мнѣ съ г-жею Піаръ?

Луазеле смутился; но открытый нравъ его побѣдилъ нерѣшимость, замедлявшую нѣсколько его отвѣтъ.

—Такъ, любезный Деландъ, сказалъ онъ, будто сбросивъ съ плечъ тяжелую ношу; вы угадали. И почему-бы мнѣ не сказать вамъ истины прямо, вмѣсто того, чтобы хитрить? Чортъ возьми, вѣдь вы не ребенокъ, я же знаю вашу твердость! Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Во-первыхъ, мой почтенный зять, г. Піаръ, и слышать о васъ не хочетъ. Чѣмъ вы его такъ озлобили, я незнаю. Какъ бы то ни было, но онъ васъ ненавидитъ отъ души. Это бы еще ничего; всего прискорбнѣе, что Изора въ этомъ отношеніи вполнѣ согласна съ мужемъ; это чуть-ли не единственный пунктъ, въ которомъ они согласны. Всѣ мои возраженія остались безполезны; и моя отеческая власть, потер-

нѣла совершенное пораженіе, пытаясь обезоружить справедливую или несправедливую ненависть, которую вы навлекли на себя. «Никогда я несоглашусь ходатайствовать за г. Деланда;» вотъ собственныя слова Изоры; а надо вамъ сказать, что когда она разъ скажетъ, то рѣшительно ничѣмъ ее не уломаешь, чтобы она отступила отъ рѣшенія.

—Я однако-же попытаюсь, сказалъ Деландъ, котораго мужество не только не пало отъ этого удара, но еще ободрилось.

—Отъ всей души желаю вамъ успѣха, возразилъ Луазеле; но я думаю, что легче бы поставить Пантеонъ на башню собора Богородицы. Въ этомъ положеніи дѣлъ, видя, что всѣ ваши виды должны рушиться, и тѣмъ болѣе соболѣзнуя, что я самъ довольно опрометчиво поддерживалъ ваши належды, я счелъ обязанностью стараться снова связать нити другаго дѣла, котораго выгода мнѣ кажется очевидною?... Если вы женитесь на дѣвицѣ Бешерень....

—Ради Бога, перебилъ Деландъ; я еще не осужденъ, а и осужденному дается отсрочка. Имя дѣвицы Бешерень разстроиваетъ мнѣ нервы, словно какъ-бы мнѣ въ другой разъ пилили пальцъ.

—Я говорю это для вашей же пользы, отвѣчалъ Луазеле, вставая; теперь вы знаете, чего вамъ ждать; подумайте серьезно о томъ, что я вамъ говорилъ, и если вамъ понадобится мое ходатайство у президента Бешерена, скажите только слово; вы знаете, что мои друзья всегда могутъ полагаться на мое усердіе. Я буду вашимъ свидѣтелемъ при вѣнчаніи еще съ большимъ удовольствіемъ, нежели съ какимъ я вызвался намедни быть вашимъ секундантомъ.

—Подавись ты собственнымъ словомъ, подумалъ Деландъ, въ которомъ каждый намекъ на несчастную его дуэль, возбуждалъ самое непріятное чувство.

Когда Луазеле вышелъ, Деландъ принялся одѣваться со всею поспѣшностію, какую допускала его рана.

—Пускай докторъ говоритъ себѣ, что угодно, подумалъ онъ, воздухъ и движеніе не могутъ быть мнѣ вреднѣе настоящаго моего безпокойства. Мнѣ непремѣнно надо сегодня-же видѣться съ г-жею Піаръ. Мнѣ надо дать рѣшительное сраженіе какой бы ни-былъ его результатъ, побѣда или пораженіе, но я узнаю все до наступленія вечера.

## XV.

Стоики, которыхъ нигдѣ не отыщешь, полагаютъ свое самолюбіе въ твердомъ перенесеніи несчастія; умные люди идутъ далѣе: они стараются извлечь пользу изъ самаго несчастія. Деландъ, болѣе гонявшійся за умомъ, нежели за философіею, нѣсколько уже дней размышлялъ почти исключительно о выгодѣ, какую думалъ получить отъ своей раны; по мѣрѣ того, какъ боль уменьшалась, мысль его, снявъ съ себя ярмо, которое тяжелое страданіе налагаетъ даже на самыя пылкія воображенія, сосредоточивала на отнятомъ пальцѣ.

—Послѣ того, какъ я стрѣлялся за Изору, она моя, твердилъ онъ съ воинственною самонадѣянностію; месть, надменность, осторожность, ханжество, ничто въ ней не можетъ устоять противъ власти, которую дастъ мнѣ надъ нею моя рана, если я только съумѣю ею воспользоваться. Всѣ женщины, даже и тѣ, которыя въ томъ не сознаются, падки къ приключеніямъ, и ослѣпляются всѣмъ, что хотя немного сбиваетъ на рыцарство. Благодаря моей дуэли, въ которой, какъ и во всемъ, есть своя хорошая сторона, я сдѣлался настоящимъ героемъ романа; почемужъ-бы не пользоваться мнѣ преимуществами своей роли, нравиться, очаровывать, побѣждать?

Хотя Деландъ старался дать этимъ мыслямъ видъ иронiи надъ самимъ собою, однако-же въ сущности онъ былъ убѣжденъ въ волшебной силѣ своей раны, и твердо намѣренъ пользоваться ею безъ зазрѣнія совѣсти для преодолѣнія прихотей и суровости г-жи Піаръ. Слова Луазеле безпокоили его, но не лишали бодрости. Онъ ни на-минуту не останавливался на мысли о пораженіи; онъ предвидѣлъ только борьбу, и, готовясь къ ней, не пренебрегалъ никакими средствами для обезпеченія себѣ побѣды. Одѣвшись со всевозможною тщательностію, онъ посмотрѣлся въ послѣдній разъ въ зеркало, и остался довольнымъ своею наружностію; его физіономія показалась ему еще привлекательнѣе обыкновеннаго; блѣдность лица и туманность глазъ, плодъ тяжелаго страданія, показались ему въ высшей степени обольстительными; наконецъ, геройскій видъ подвязанной руки, вполнѣ помирилъ его съ перенесенными имъ пытками. Онъ невольно сознался мыслею, что никакая женщина, если она только не тигрица, не можетъ остаться безчувственною передъ

такимъ интереснымъ молодымъ человѣкомъ. Это сознаніе собственнаго достоинства, снова укрѣпило увѣренность, которую нѣсколько поколебали слова стараго эмигранта.

Въ ту самую минуту, какъ Деландъ собирался идти къ г-жѣ Піаръ, его остановило внезапное размышленіе, внушенное почти совершенною пустотою ящика, изъ котораго онъ хотѣлъ взять денегъ.

—Едва хватитъ, чтобъ расчитаться съ врачемъ. Прежде всего, надо мнѣ видѣться съ Блондо; притомъ, еще нѣтъ часу, къ Изорѣ идти рано.

—Деландъ послалъ за извощикомъ, и отправился въ улицу Голо-Моруа; войдя въ домъ, гдѣ жилъ Блондо, онъ увидѣлъ въ воротахъ большую телѣгу, нагруженную мебелью; взглянувъ невольно на мебель, которую выносили изъ дому, онъ узналъ кресла, украшавшія гостиную его пріятеля.

—Я пріѣхалъ въ самую пору; подумалъ онъ; онъ съѣзжаетъ; и если онъ намѣренъ скрываться отъ меня, то мнѣ пожалуй, было-бы очень трудно отыскать новую его квартиру.

Онъ входитъ на лѣстницу и слышитъ ужасный шумъ въ третьемъ этажѣ; прибавляетъ шагу, и скоро достигаетъ квартиры Блондо, гдѣ его поразило неожиданное зрѣлище, передъ которымъ онъ остолбенѣлъ на порогѣ. Среди толпы работниковъ, обдиравшихъ обои и переносившихъ мебель, нѣсколько незнакомыхъ лицъ разсуждали, бѣсились, кричали, бранились, показывали другъ другу квадратные лоскутки бумаги, на которыхъ было болѣе чиселъ, чѣмъ словъ. Въ центрѣ этой безпокойной группы, стоялъ человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, довольно толстый, и держалъ въ рукѣ нѣсколько листовъ бумаги со штемпелями, съ помощію которыхъ онъ удачно отбивался отъ нападеній тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ.

—Что вы шумите? говорилъ онъ такимъ басомъ, что хоть бы дьякону. Я развѣ вамъ что долженъ? Развѣ я не обманутъ точно такъ-же, какъ и вы? Вѣдь, чтобы выручить свою мебель, я заплатилъ хозяину дома за текущій мѣсяцъ; не считая того, что попорчено. И всего полгода, какъ поставлена; хорошо ее отдѣлали! Посмотрите, волосъ на головѣ становится дыбомъ! продолжалъ онъ, указывая на штофныхъ занавѣсахъ и на диванѣ пятна и прожоги, оставленныя сигарами и пуншемъ.

—И вамъ будетъ убытокъ, не спорю, перебилъ своимъ пис-

кливымъ голоскомъ г. Бигаре, стоявшій въ первомъ ряду этой статьи кредиторовъ; но чтожъ это значитъ въ сравненіи съ 1830 франками, слѣдующими мнѣ за серебро, доставленное этому оборышу, и изъ которыхъ мнѣ можетъ-быть не видать ни копѣйки! Вотъ надулъ, мерзавецъ!

—А меня-то! подхватила г-жа Таверньe, махая въ негодованіи своимъ порожнимъ мѣшкомъ; для васъ, богачей, нѣсколько лишнихъ сотенъ,—вздоръ; но для меня, бѣдной старухи, живущей трудомъ! Когда подумаю, что я взяла изъ сберегательной кассы свои пятьдесятъ франковъ, затѣмъ, чтобы дать ихъ взаймы этому мошеннику! Послушались бы меня, и каждый взялъ бы что-нибудь отсюда. За что же обойщику все, а другимъ ничего?

—Правда, правда, повторили хоромъ нѣкоторые изъ присутствующихъ.

—Старуха, отправляйся ты съ своими разсужденіями на улицу, закричалъ обойщикъ, и обвелъ глазами окружающихъ, какъ собака, грызущая кость, оглядывается изъ-подлобья на подругъ, слишкомъ засматривающихся на ея обѣдъ. А вы, гогоспода, продолжалъ онъ, хоть бы вы стали кричать до завтрашняго утра, это ни къ-чему не поведетъ. Квартира взята на мое имя, вотъ и контрактъ мой; я здѣсь у себя дома, и если мнѣ вздумалось-бы съѣзжать, никому до этаго нѣтъ дѣла.

—Тш... сказала г-жа Таверньe, протянувъ обѣ руки; она замѣтила Деланда, стоявшаго на порогѣ.

Старуха просунула голову въ самую середину группы, поводила вправо и влѣво своими косыми глазами, и приложила руку ко рту Бигаре, собиравшагося что-то говорить.

—Тш... повторила она таинственно. Молчите и внимайте! Вы видите того господина, что сейчасъ вошелъ? это другъ г. Гюстана, человѣкъ ужасно богатый; мѣсяца два тому назадъ, онъ привезъ ему огромную пачку банковыхъ билетовъ; я сама видѣла. Я увѣрена, что онъ пришелъ сюда заплатить за своего друга.

—Всѣ взоры обратились на Деланда, который, непостигая, что значила происходившая передъ нимъ сцена, стоялъ неподвижно въ дверяхъ гостиной. Вдругъ вся труппа разомъ, какъ скаковыя лошади, по данному сигналу, бросилась къ нему; отступая въ изумленіи, онъ едва не упалъ навзничь. Въ то же

время, противуположныя претензіи кредиторовъ, посыпались въ безпорядочныхъ и оглушительныхъ требованіяхъ.

—Я уже цѣлый годъ жду уплаты моего счета! кричалъ одинъ, въ которомъ нетрудно было узнать портнаго по его ногамъ, согнувшимся коромыслами отъ безпрестаннаго сидѣнія съ поджатыми ногами.

—Я отецъ семейства, сударь... пятеро дѣтей... несчастныя обстоятельства,... твердилъ жалобнымъ голосомъ сапожникъ, который такъ-же давно обувалъ Блондо въ долгъ.

—Благодѣтель мой, я намедни приносила вамъ завтракать; помните? Не оставьте меня, не забудьте мои пятьдесятъ франковъ; слезливо напѣвала съ другой стороны г-жа Таверпье.

—Милостивый государь, кричалъ Бигаре, шумѣвшій одинъ болѣе всѣхъ прочихъ вмѣстѣ, позвольте мнѣ представить вашему милостивому вниманію, что если можетъ какая нибудь претензія заслуживать предпочтеніе, то я смѣю сказать, что это моя. Вы сами безъ труда въ томъ убѣдитесь, когда угодно вамъ будетъ взглянуть на этотъ документъ.

—Да убирайтесь вы всѣ къ чорту, вскричалъ въ свою очередь Деландъ, толкнувъ руку серебренныхъ дѣлъ мастера такъ, что бумага, которую онъ совалъ ему подъ-носъ, отлетѣла на самую середину комнаты. Что это за комедія? кто вы такіе? чего вы отъ меня хотите? за кого вы меня принимаете? Я пришелъ къ г. Гюстану. Зачѣмъ вы у него и почему его невидать самого?

—Развѣ вы не знаете, что г. Гюстанъ уже нѣсколько дней содержится въ тюрьмѣ за долги? отвѣчалъ обойщикъ съ изумленіемъ.

—Въ тюрьмѣ за-долги, повторилъ Деландъ въ волненіи. Гдѣ же? въ Сентъ-Пелажи?

—Въ Клиши, отвѣчалъ портной.

Деландъ, безъ дальнѣйшихъ распросовъ, бросился вонъ изъ комнаты.

—Выслушай-же насъ, сударь, кричали на всѣ голоса обманутые кредиторы, слѣдуя за нимъ на лѣстницу.

—Да оставите-ли вы меня въ покоѣ? вскричалъ Деландъ, обращаясь къ нимъ съ досадою; чего вамъ надо?

—Намъ сказали, что вы намѣрены уплатить долги своего

друга, отвѣчалъ Бигаре патетическимъ голосомъ, это было-бы прекрасное дѣло, достойное благороднаго человѣка, какъ вы.

Деландъ горько улыбнулся.

—Я выплачу долги моего друга, сказалъ онъ, иронически, останавливаясь на каждомъ словѣ, какъ скоро другъ мой отдастъ мнѣ мои восемнадцать тысячъ франковъ, за которыми я иду. Совѣтую вамъ терпѣливо дожидаться моего возвращенія.

Съ этими словами, Деландъ продолжалъ путь, несмотря на крики всего присутствія; онъ стрѣлою спустился съ лѣстницы; бросился въ свой фіакръ и сердито крикнулъ извощику:

—Въ тюремное заведеніе, въ улицѣ Клиши.

Нѣсколько словъ объяснятъ катастрофу, ввергнувшую Блондо де-Гюстана въ филантропическое убѣжище, доставляемое несостоятельнымъ должникамъ гостепріимствомъ ихъ кредиторовъ. Въ самый день дуэли, чтобы оправиться отъ волненій такого труднаго дня, Блондо вздумалъ дать новое сраженіе на зеленомъ столѣ, ожидая отъ него, по-игрецкому суевѣрію, самыхъ чудесныхъ результатовъ.

—Послѣ чуднаго моего выстрѣла, подумалъ онъ, нѣтъ сомнѣнія, что я сегодня въ ударѣ; почемъ знать? я можетъ-быть и сорву банкъ.

Но банка Блондо не сорвалъ, а напротивъ, самъ оборвался; пробившись до самаго вечера, побѣжденный, отчаянный игрокъ—принужденъ былъ отступить съ пустыми карманами и пустымъ желудкомъ; впрочемъ, онъ чувствовалъ голодъ въ однихъ карманахъ. Но какъ бѣда всегда накликаетъ другую бѣду, возвратясь домой, онъ нашелъ у себя рѣшеніе суда первой инстанціи Сенскаго департамента, подвергавшее его, Блондо де-Гюстана, лишенію свободы, вслѣдствіе подписаннаго имъ и протестованнаго по просрочкѣ векселя. При видѣ роковой бумаги, несчастный игрокъ схватился обѣими руками за-волосы.

—Издохнуть бы всѣмъ этимъ банкирамъ, и кредиторамъ и другимъ подобнымъ скотамъ, вскричалъ онъ. Я совсѣмъ забылъ этотъ дьявольскій вексель! Утромъ я могъ бы уплатить его; а теперь, послѣ того, какъ проклятые карты высосали изъ меня всю кровь, какъ мнѣ вывернуться изъ бѣды?

Отправляясь играть, Блондо взялъ съ собою всѣ свои деньга; но, какъ мы видѣли, это подражаніе Симониду, ему не уда-

лось. Хотя онъ не сомнѣвался въ томъ, что спустилъ все до полушки, однако-же перешарилъ всѣ ящики бюро, въ которомъ держалъ деньги, когда онѣ водились. Результатомъ этого поиска, сопровождавшагося энергическою бранью и проклятіями, было—отысканіе полуфранка, забившагося въ щель; онъ съ яростью бросилъ его на столъ.

—Кончено, вскричалъ онъ, сложивъ руки на груди съ мрачнымъ видомъ; вотъ послѣднее дѣйствіе мелодрамы, остается позаботиться о развязкѣ.

Блондо зарядилъ пистолеты, и съ какой-то могильной ироніею, вмѣсто пыжа, употребилъ полученную имъ повѣстку; потомъ взглянулъ на часы; было три четверти двѣнадцатаго.

—Застрѣлюсь въ полночъ, сказалъ онъ гробовымъ голосомъ. И въ ожиданіи роковаго часа, сталъ медленно и торжественно ходить по комнатѣ.

Когда пробило двѣнадцать, Блондо подошелъ къ столу, на которомъ лежали пистолеты; осмотрѣлъ ихъ, взвелъ курокъ, снова осмотрѣлъ, и наконецъ, положилъ опять на мѣсто.

—Застрѣлюсь ровно въ часъ, сказалъ онъ; если вру, то пускай меня обругаютъ хвастунишкою и трусомъ въ залахъ театра.

Однако-же пробилъ часъ, а Блондо, который, если бы вѣрить его мрачной физіономіи, ласкалъ въ душѣ мысль о самоубійствѣ, не приступалъ еще къ исполненію.

—Зачѣмъ тревожить людей среди ночи? подумалъ онъ, проникнутый внезапнымъ уваженіемъ къ покою сосѣдей; выстрѣлъ разбудитъ всѣхъ добрыхъ жильцовъ. Они пожалуй вообразятъ, что на улицѣ бунтъ и умрутъ со страху въ постеляхъ. Нехочу ихъ пугать; нехочу никого безпокоить своею смертью. И кчему мнѣ такъ спѣшить? успѣю застрѣлиться завтра утромъ.

Съ этимъ размышленіемъ, внушеннымъ тонкою внимательностію къ взаимнымъ обязанностямъ жильцовъ, Блондо легъ и даже заснулъ. Просыпаясь на слѣдующій день, онъ увидѣлъ подлѣ своей постели, хорошо одѣтаго человѣка, разбудившаго его сиповатымъ голосомъ, и кланявшагося ему съ вѣжливою улыбкою на устахъ.

—Милостивый государь, сказалъ незнакомецъ весьма почтительно, вы изволили спать такъ спокойно, что мнѣ право жаль

васъ будить; но лѣльцо, за которымъ я пришелъ, не терпитъ отлагательства; я торговый приставъ, и...

—Что это значитъ? вскричалъ Блондо, вскочивъ съ постели; по-какому праву вы вошли сюда? или вамъ хочется, чтобы я васъ выбросилъ въ окно?

Подобно всѣмъ должникамъ, принужденнымъ подписывать векселя, пріятель Деланда съ особеннымъ вниманіемъ изучилъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства главу «о лишеніи личной свободы;» поэтому онъ запальчиво сослался на неприкосновенность квартиры, привелъ статью закона, и въ заключеніе заговорилъ о палкѣ, подобно маркизамъ старыхъ французскихъ комедій.

—Если вы такой законникъ, отвѣчалъ полицейскій чиновникъ, не смущаясь, то я полагаю, что вы читали до-конца 5 параграфъ 781 статьи, на которую вы сейчасъ изволили сослаться. Позвольте мнѣ увѣрить васъ, что я знаю свои обязанности. Я, разумѣется, не позволилъ бы себѣ войти къ вамъ, если бы не-было со мною мирнаго судьи, который ждетъ васъ въ гостиной. Съ другой стороны, солнце уже взошло, и исполнились сутки съ времени объявленія вамъ рѣшенія суда; всѣ мои дѣйствія правильны. И такъ, вы видите, милостивый государь, что вамъ всего лучше вставать, и слѣдовать за-нами безъ сопротивленія.

Должникъ, захваченный въ расплохъ, видѣлъ, что всякое сопротивленіе и даже разсужденіе, будетъ безполезно. Онъ съ такимъ бѣшенствомъ вскочилъ съ постели, что торговый приставъ, принявъ это движеніе за нападеніе, бросился къ столу, на которомъ замѣтилъ пистолеты, приготовленные, думалъ онъ, для защиты противъ него; взялъ по пистолету въ каждую руку, и прицѣлилъ оба въ Блондо.

—Они заряжены, чортъ возьми; будьте осторожнѣе! вскричалъ Блондо, котораго видъ прицѣленныхъ въ него пистолетовъ совершенно излечилъ отъ желанія самоубійства.

—Если они заряжены, то я тѣмъ болѣе долженъ овладѣть ими, отвѣчалъ приставъ; вы видно не шутите. Слѣдовательно, вы замышляли убійство?

Должникъ улыбнулся съ гордымъ презрѣніемъ.

—Не бойтесь; не на вашу ничтожную особу умышлялъ я, а на себя. Если-бы вы пришли нѣсколькими минутами позднѣе,

вы бы нашли въ моей постели одинъ трупъ. Но такъ какъ судьба опредѣлила иначе, и я обезоруженъ, то ведите меня, куда вамъ угодно.

Черезъ часъ. Блондо де-Гюстанъ находился въ тюрьмѣ, въ улицѣ Клиши. Онъ уже содержался тамъ недѣли полторы, когда Деланнъ явился туда въ такомъ сложномъ настроеніи духа, что для объясненія его, слѣдовало бы его разложить анализомъ, подобнымъ химическому. Допустивъ возможность такого анализа, мы пришли бы къ слѣдующему результату:

| | |
|---|---|
| Памяти старой дружбы . . . . . | 0,2. |
| Желанія мести вслѣдствіе дуэли. . | 0.1. |
| Досады обиженнаго кредитора . . | 0,7. |

Изъ этого исчисленія видно, что непріятныя чувства въ сердцѣ Деланда, значительно перевѣшивали въ это время дружеское соболѣзнованіе. Если бы Блондо изъ нумера своего могъ видѣть, съ какимъ движеніемъ досады онъ стучался въ ворота тюрьмы, то вѣроятно проспалъ бы сторожей, какъ милости, избавить его отъ посѣщенія стараго друга. —

## XVI.

Первымъ дѣломъ Блондо, по арестованіи его, было—написать трогательное циркулярное посланіе къ товарищамъ своихъ прежнихъ пирушекъ, приглашавшее ихъ, по его выраженію, на пиръ несчастія. Въ другихъ словахъ, чтобы уплатить долгъ, лишившій его свободы, онъ пытался заключить новый заемъ; но это средство не удалось. Изъ всѣхъ пріятелей бѣднаго узника, пріятелей по клубамъ, по театру, по пирушкамъ, ни одинъ не отвѣчалъ на его воззваніе; нѣкоторые нашли даже эту мысль нелѣпою и смѣшною; и дѣйствительно, какъ могъ онъ надѣяться, чтобы хоть одинъ карманъ открылся ему въ такихъ обстоятельствахъ? Это значило, забывать законы благоразумія, повелѣвающіе прежде всего позаботиться о себѣ, и которые, если бы и были согнаны съ лица земли, все-таки остались бы въ сердцахъ.

Оставленный всѣми, еще наканунѣ пожимавшими ему руку, и несмѣя писать къ Деланду, котораго такъ нагло обманывалъ, Блондо, несмотря на свой беззаботный нравъ, впалъ въ глубокое уныніе, изъ котораго скоро извлекла его сострадательная

женская рука. Когда прекрасный цвѣтокъ распустится среди грязи, неужели мы станемъ доводить брюзгливость до-того, что не рѣшимся сорвать его. Надо сознаться, это неоспоримый фактъ, повторяющійся чуть-ли не каждый день, что въ нѣкоторыхъ, по-справедливости осуждаемыхъ связяхъ, является преданность и великодушіе, весьма рѣдкія въ самыхъ чистыхъ союзахъ. Узнавъ о несчастіи, постигшемъ того, кого она предпочитала всѣмъ своимъ безчисленнымъ поклонникамъ, г-жа Марманкуръ, оставивъ всѣ интриги, стала помышлять объ одномъ, какъ бы доставить ему скорую и дѣйствительную помощь; поссорившись окончательно съ Піаромъ, главнымъ откупщикомъ своей красоты, она наложила чрезвычайный налогъ, въ видѣ займа, на прочихъ. Этотъ всеобщій налогъ, доставилъ немедленный сборъ, который г-жа Марманкуръ положила въ портфель и отнесла въ тюрьму, гдѣ Блондо, въ знакъ горести третій день не брилъ бороды.

При видѣ благодѣтельнаго существа, входившаго въ его нумеръ легкою поступью и съ улыбкою на устахъ, Гюставъ вскочилъ, и бросивъ сигару, которою убивалъ время и развлекалъ скуку, воскликнулъ патетически: О, Ѳеодосія, я зналъ, что ты не оставишь меня!

—Оставить тебя, Гюставъ, когда ты стрѣлялся за меня! отвѣчала г-жа Марманкуръ съ нѣжною живостью; возможно ли? Нѣтъ, тебѣ не-зачѣмъ было и писать ко мнѣ, я только о тебѣ одномъ и думала. Барбейракъ разсказалъ мнѣ твою дуэль. Ты, кажется, проучилъ порядкомъ своего Деланда; это тѣмъ болѣе меня тронуло, что онъ тебѣ пріятель.

—Хотя бы онъ былъ мнѣ родной братъ, возразилъ Блондо, принимая драматическую позу, какъ скоро онъ обидѣлъ тебя, я долженъ былъ наказать его. Только, изъ уваженія къ нашей давнишней дружбѣ, вмѣсто того, чтобы всадить пулю въ лобъ, я довольствовался нанесеніемъ ему раны.

—Будетъ и того; я не требую смерти грѣшника. Но поговоримъ о проклятомъ векселѣ: въ какую сумму?

—Въ тысячу двѣсти франковъ, отвѣчалъ узникъ, вздыхая.

—Только? такъ ты свободенъ, возразила г-жа Марманкуръ, съ торжествомъ вынимая изъ портфеля три банковые билета, въ тысячу франковъ каждый, и положивъ ихъ на столикъ передъ своимъ любовникомъ.

Блондо вскочилъ, какъ левъ, передъ которымъ отворилась дверь клѣтки; но тотчасъ же печально опустился на стулъ.

—Объ этомъ и думать нечего, сказалъ онъ жалобнымъ голосомъ, когда кого постигнетъ бѣда, тогда все соединяется противъ него. Со-вчерашняго дня, кредиторы ростутъ вокругъ меня, какъ грибы. Независимо отъ этого проклятаго векселя, я еще отмѣченъ въ семи или восьми тысячахъ франковъ.

—Какъ, отмѣченъ? спросила съ удивленіемъ г-жа Марманкуръ.

—Это значитъ на ихъ языкѣ, что я не выйду отсюда, пока не зажму рта всѣмъ хищнымъ звѣрямъ, имѣющимъ право посадить меня въ тюрьму. Эти три банковые билета только разлакомятъ ихъ, а не удовлетворятъ. Не такъ глупъ! Ничего имъ не давать, такъ они можетъ-быть, станутъ посговорчивѣе. А между-тѣмъ, эти деньги облегчатъ мое заключеніе; и пора; третій день уже, какъ меня кормитъ кредиторъ, я похудѣлъ по-крайней-мѣрѣ, фунтовъ на десять.

—Бѣдный Гюставъ, сказала г-жа Марманкуръ, и выслушавъ со страданіемъ жалобы узника на плохой столъ, послала заказать въ трактирѣ такой обѣдъ, отъ котораго не отказался бы и самый строгій гастрономъ.

Съ этого дня, тюрьма стала для Блондо тѣмъ же, чѣмъ ее находятъ многіе должники, у которыхъ нѣтъ денегъ, только на то, чтобы платить долги. За исключеніемъ свободы, которую впрочемъ слишкомъ славятъ, и отъ которой очень можно отвыкнуть, онъ пользовался всѣми мелочами, въ которыхъ для многихъ заключается счастіе; вкусный столъ, превосходныя сигары, богатые халаты, по-утрамъ—журналы, по-вечерамъ—карты, весь день восточная лѣнь и нѣга, чего же ему недоставало?

Разсудить хорошенько, глупо бы я сдѣлалъ, если бы застрѣлился, подумалъ онъ, вкусивъ покойной жизни.

Деландъ до-тѣхъ-поръ видалъ только городскую тюрьму въ Д***, куда неразъ призывали его обязанности по службѣ, и коей мрачность и гнусность, вполнѣ согласовались съ злодѣями низшаго сословія, для коихъ она была назначена. Видъ роскошнаго дома, назначеннаго для содержащихся за долги, возбудилъ въ немъ удивленіе, которое перешло почти въ недоумѣніе, когда ключарь отперъ ему, въ концѣ длиннаго коридора, во

второмъ этажѣ, комнату, гдѣ содержался Блондо. Разумѣется, онъ зналъ, что тюрьма для содержащихся по гражданскимъ дѣламъ, не мрачная и душная темница, съ связкою соломы и кувшиномъ воды; онъ очень хорошо понималъ, что нравы настоящаго времени уже не допускаютъ этихъ живописныхъ принадлежностей, придававшихъ прежде столько поэзіи заключенію; но его судейскій разсудокъ принималъ въ строгомъ смыслѣ наказаніе, опредѣленное закономъ несостоятельнымъ должникамъ, и онъ никакъ-бы не ожидалъ, чтобы тюрьма могла быть иногда весьма пріятнымъ мѣстопребываніемъ. Поэтому, онъ невольно остановился отъ изумленія, передъ картиною, представившеюся его глазамъ.

Среди довольно просторной комнаты, меблированной гораздо богаче собственной его квартиры, за столикомъ, на которомъ дымились еще остатки вкуснаго завтрака, сидѣли Блондо и г-жа Марманкуръ, первый съ сигарою въ зубахъ, вторая—съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ. При нѣжномъ свѣтѣ солнца, улыбавшагося сквозь полузадернутые занавѣсы, узникъ и его утѣшительница смѣялись враждебной судьбѣ, и сопровождали каждый бокалъ заздравнымъ тостомъ въ честь всей семьи кредиторовъ. Услышавъ скрипъ отворившейся двери, собесѣдники обернули головы, и изумились не менѣе самого Деланда, стоявшаго неподвижно на порогѣ. За тѣмъ послѣдовало минутное молчаніе и взаимное обозрѣніе, сторожъ тѣмъ временемъ вышелъ и заперъ дверь. Пока Деландъ водилъ изумленные взоры по роскошнымъ остаткамъ завтрака и пустымъ бутылкамъ, а г-жа Марманкуръ принимала величественную позу въ своихъ креслахъ, Блондо отчаяннымъ усиліемъ преодолѣлъ смущеніе, лишившее его на-минуту обыкновенной его дерзости.

—Другъ мой! вскричалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, бросясь въ объятія Деланду.

Бѣдный Деландъ вскрикнулъ; раненая его рука приняла первый натискъ этой черезъ-чуръ горячей любезности.

—Я ушибъ тебя? сказалъ Гюстанъ, принимая видъ нѣжнаго безпокойства; прости меня! Я такъ радъ твоему посѣщенію, что немогъ сдержать перваго движенія. О, я былъ увѣренъ, что ты навѣстишь меня!

—Въ самомъ дѣлѣ, ты долженъ былъ ожидать моего посѣ-

щенія, отвѣчалъ Деландъ сурово, стараясь прекратить обрушившіяся на него трогательныя обниманія.

—И какъ еще ждалъ! возразилъ Блондо съ возрастающимъ жаромъ; спроси г-жу... спроси мою Ѳеодосію... зачѣмъ мнѣ еще скрывать отъ тебя свое счастіе?... Мы только-что говорили о тебѣ; я говорилъ ей: Деландъ придетъ; онъ не изъ тѣхъ вѣроломныхъ друзей, которые удаляются въ день несчастія; это благородная душа; да, безъ всякаго сомнѣнія, онъ придетъ... и я былъ правъ, ты пришелъ. Спасибо, Викторъ, спасибо. Блаженство такой минуты заглаживаетъ много часовъ страданія.

Блондо снова схватилъ руку посѣтителя, и несмотря на его сопротивленія, жалъ ее изо всей мочи.

—Меня привело сюда, началъ Деландъ такимъ же суровымъ голосомъ...

—Прежде всего, скажи мнѣ, завтракалъ ли ты? перебилъ узникъ. Мы еще не кончили, а въ случаѣ нужды, я пожалуй позавтракаю во второй разъ, съ тобою.

—Не въ томъ дѣло! отвѣчалъ Деландъ съ нетерпѣніемъ. Мнѣ надо поговорить съ тобою безъ свидѣтелей.

Г-жа Марманкуръ встала, словно оскорбленная царица.

—Видно, милостивый государь, сказала она, обращаясь къ гостю, урокъ, полученный вами намедни, не научилъ васъ вѣжливости.

Ѳеодосія!... Викторъ! воскликнулъ Блондо, поспѣшно становясь между ними, неужели вы хотите возобновить эту сцену, стоившую уже такой драгоцѣнной крови? Умоляю васъ, ради вашей превязанности ко мнѣ, забудьте прошедшее! Не отравляйте счастія, которое я ощущаю, видя около себя два существа, которыя я люблю болѣе всего въ мірѣ... Ѳеодосія, я ручаюсь за Деланда; я увѣренъ, что онъ нисколько не желалъ тебя оскорбить. Не отказывай же ему въ прощеніи... Полно, Деландъ; видишь, она улыбается, готова съ тобою помириться. На твоемъ мѣстѣ, я палъ-бы передъ нею на колѣна.

Несмотря на свою досаду, Деландъ, гонявшійся за неизмѣнною вѣжливостью къ прекрасному полу, непосмѣлъ отказаться поднести къ губамъ руку, поданную ему г-жею Марманкуръ. Исполнивъ этотъ долгъ съ холодною церемонностью, онъ обратился къ Блондо.

—Теперь, сказалъ онъ, позволь мнѣ объяснить цѣль моего посѣщенія?

—Или ты думаешь, что я не угадалъ ее уже давно! отвѣчалъ Блондо съ дружескою улыбкою. Повѣрь, благородныя души понимаютъ другъ друга безъ словъ.

—Что-же ты понялъ? спросилъ Деландъ, не постигая, что такъ растрогивало его должника.

—Добрый мой Викторъ! отвѣчалъ Блондо, еще болѣе растроганный; твоя роль прекрасна; но ты такъ достоинъ ея, что она не возбуждаетъ во мнѣ ни зависти, ни чувства униженія. И почему-бы мнѣ стыдиться помощи такого друга? Услуга, даже благодѣяніе, нисколько не оскорбительны, когда подающая рука достойна пріемлющей. Ты видишь, что мы понимаемъ другъ друга.

—Ничуть, рѣзко перебилъ Деландъ; ты не говорилъ мнѣ еще ни-слова о деньгахъ, которыя я далъ тебѣ на сохраненіе, а это для меня главный вопросъ, потому что мнѣ нужны деньги.

Блондо отступилъ на шагъ, какъ будто змѣя, внезапно выползла изъ-подъ-полу и уставила на него свое ядовитое жало.

—И ты также, Деландъ! воскликнулъ онъ съ выраженіемъ горестнаго разочарованія, ты, мой другъ съ дѣтства, мой школьный товарищъ, ты, котораго я считалъ исключеніемъ изъ числа моихъ друзей; я въ бѣдѣ, а ты, вмѣсто того, чтобы подать мнѣ руку помощи, добиваешь меня!

—Изъ всего этого я еще не вижу, куда дѣвались мои восемнадцать тысячъ франковъ, отвѣчалъ Деландъ голосомъ, въ которомъ жестокость заимодавца заглушала состраданіе друга.

—Ты ни гроша не потеряешь, отвѣчалъ Блондо съ увѣренностью, мое трудное положеніе только временно, дай только срокъ.

—Дай срокъ! повторилъ Деландъ сурово; легко тебѣ сказать: дай срокъ! Мнѣ необходимо нужны деньги, и я незнаю, откуда ихъ взять. Ты подло воспользовался моимъ довѣріемъ; ибо большая часть этихъ денегъ была тебѣ дана не взаймы, а на сохраненіе; а что дано на сохраненіе, то свято, неприкосновенно. Куда ты дѣвалъ эти деньги? Проигралъ, не такъ-ли?

—Брани меня, ругай меня! отвѣчалъ Гюставъ съ покорностью; приписывай безпорядочности и распутству несчастіе, про-

исшедшее единственно отъ неудачной спекуляціи, я не стану доказывать неосновательности твоего обвиненія. Я твой должникъ, и немогу удовлетворить тебя; ты имѣешь надо-мною всевозможныя права, даже право—быть жестокимъ и безжалостнымъ. Но не того я ждалъ отъ тебя!.. И вотъ люди! продолжалъ онъ, обращаясь къ г-жѣ Марманкуръ; добрая Феодосія, этотъ примѣръ еще болѣе показываетъ мнѣ благородство твоего поступка! Ты видишь, какъ обходится со-мною лучшій другъ мой, а ты хочешь продать свои бриліянты, чтобы выручить меня изъ тюрьмы. Какая противуположность! Покажи ему свои бриліянты, онъ пожалуй не повѣритъ.

Г-жа Марманкуръ вынула изъ кармана нѣсколько коробочекъ съ бриліянтами, которые дѣйствительно собиралась продать для освобожденія любовника; но вмѣсто того, чтобы показать ихъ Деланду, она выбрала одну овальную коробку, содержавшую, повидимому медальонъ; открыла ее, и не позволяя собесѣдникамъ приближаться къ ней, смотрѣла нѣкоторое время въ нее съ хитрою и злобною улыбкою.

—Сколько вамъ долженъ Гюставъ? спросила она Деланда.

—Восемнадцать тысячъ франковъ, отвѣчалъ онъ, немало удивленный внезапностію вопроса.

—Я немогу полагать, чтобы вы серіозно требовали уплаты въ настоящее время, возразила г-жа Марманкуръ, спокойнымъ и насмѣшливымъ тономъ; намъ должно сначала удовлетворить претензіи поважнѣе вашей. Къ тому-же, несмотря на ваше стараніе разыгрывать безжалостнаго заимодавца, у васъ доброе сердце, и вы не рѣшитесь огорчить Гюстава, еслибъ даже и могли. И такъ вы, волею или неволею, потерпите и подождете своихъ денегъ; одно, что я могу для васъ сдѣлать,—дать вамъ въ залогъ до времени уплаты, то, что у меня теперь въ рукѣ.

—Какой нибудь уборъ, не стоющій трехъ-сотъ франковъ, подумалъ Деландъ; къ чему это меня поведетъ!

—Дайте мнѣ слово, что не будете безпокоить Гюстава до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ состояніи отдать вамъ деньги, и этотъ медальонъ вашъ. Не презирайте его такъ, это истинный талисманъ.

—Знаю, воскликнулъ Блондо; повѣрь мнѣ, Деландъ; соглашайся, незадумываясь. Въ этой коробкѣ заключается твое счастіе. Если ты человѣкъ добросовѣстный, ты скажешь, что самъ

у меня въ долгу, и для круглоты счета, дашь мнѣ взаймы еще двѣ тысячи франковъ.

—Покажи талисманъ, сказалъ Деландъ, протягивая руку съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

—А согласны ли вы на мои условія? спросила г–жа Марманкуръ съ прежнею вѣроломною улыбкою.

—Нечего дѣлать, сказалъ Деландъ, будто–бы разсуждая про себя; когда у него нѣтъ денегъ, придется ждать по–неволѣ, да и что я выиграю, подавъ ко взысканію?

—Вотъ дѣло! возразила г–жа Марманкуръ; теперь откройте глаза и любуйтесь. Давича, цѣлуя мнѣ руку, вы не соизволили преклонить колѣнъ; на–этотъ разъ я увѣрена, что васъ не нужно будетъ и просить.

Живо и ловко обернула она руку; въ которой держала медальонъ, и удивленнымъ взорамъ Деланда предсталъ внезапно портретъ г–жи Піаръ.

—Изора! воскликнулъ онъ, съ восторгомъ схвативъ медальонъ.

—Изора! повторила г–жа Марманкуръ, насмѣшливо перемигнувшись съ Блондо; право, онъ съ такимъ выраженіемъ произноситъ это гадкое имя, что можно пожалуй полюбить его.

—Какимъ образомъ попалъ этотъ портретъ въ ваши руки? спросилъ Деландъ, долго смотрѣвъ на портретъ, и будто не довѣряя собственнымъ глазамъ.

—А вотъ я вамъ разскажу, отвѣчала г–жа Марманкуръ, и ѣдкая иронія ея голоса изобличала смертельную вражду, которую могла утолить одна месть.

## XVII.

До благотворительнаго бала, г–жа Марманкуръ чувствовала къ г–жѣ Піаръ только непріязнь, которую вообще женщины сомнительной добродѣтели питаютъ къ женщинамъ неукоризненнаго поведенія. Оскорбленіе, нанесенное ей въ этотъ памятный вечеръ, превратило эту простую непріязнь въ жестокую ненависть, распространившуюся и на Піара и на Деланда. Эти три лица, мужъ, жена и тотъ, кого нельзя безъ клеветы назвать любовникомъ, стали предметомъ мести, которая должна была разразиться при первомъ случаѣ. Въ эту минуту, г–жа

Марманкуръ рѣшила, что насталъ часъ мести, и безъ жалости, безъ угрызенія совѣсти, приняла на себя роль, которую въ дѣтскихъ сказкахъ разыгрываютъ злыя волшебницы, не приглашенныя на крестины новорожденнаго царевича. Съ помощью портрета Изоры, попавшаго ей въ руки по какому-то необъяснимому случаю, она хотѣла поселить между ними раздоръ, который долженъ былъ доставить ей громкую месть.

—Это старина, сказала она, глядя на Деланда съ змѣиною улыбкою; я могу вамъ разсказать ее при Гюставѣ, потому-что онъ не ревнивъ. Въ то время г. Піаръ нарядился-бы пожалуй въ паяцца, если бы я того потребовала. Однажды, онъ показалъ мнѣ этотъ портретъ, который несъ къ бриліантщику перемѣнить оправу; мнѣ пришла прихоть, которой я не стану оправдывать (вы знаете, что такое прихоти, преимущество женщинъ), мнѣ пришла прихоть, взять этотъ портретъ, и не отдавать его г. Піару, несмотря на всѣ его просьбы. Я увѣряла, что это будетъ для него потерею нечувствительною, и дѣйствительно, пока онъ поступалъ въ отношеніи ко мнѣ, какъ должно, онъ не имѣлъ никакого повода сожалѣть о своей слабости. Мнѣ извѣстно даже, что онъ очень ловко уладилъ дѣла дома, увѣривъ жену, что потерялъ медаліонъ. Но теперь, я увѣрена, онъ готовъ бы отдать за него половину своего годоваго оклада.

—Отдалъ бы весь, подхватилъ Блондо. А что въ глазахъ мужа стоитъ пятнадцати тысячъ Франковъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Деланду, то для влюбленнаго вѣрно стоитъ восемнадцати тысячъ. Такимъ образомъ, мы могли бы считать расчетъ нашъ конченнымъ; но мы не жиды, не хотимъ тебя общипывать; портретъ пойдетъ въ счетъ процентовъ, которые причтутся съ твоего капитала до уплаты, которой ты еще долго подождешь, не скрываю отъ тебя. Понимаешь ли теперь, что это за золотое дѣло для тебя.

—Куда мнѣ дѣваться съ этимъ портретомъ? сказалъ Деландъ съ притворнымъ равнодушіемъ.

—Ты корчишь Кромвеля, воскликнулъ Блондо съ видомъ торжествующей проницательности; но я не ребенокъ, и г-жа Марманкуръ еще менѣе. Куда тебѣ дѣваться съ портретомъ, волокита? Отдашь его г-жѣ Піаръ, и если въ награду не получишь мѣсто рекетмейстера, ты не достоинъ открывающагося тебѣ счастія и ожидающихъ тебя почестей.

Мысль, которую Блондо высказывалъ съ такою смѣшною торжественностью, и которую г-жа Марманкуръ одобряла злобною улыбкою, давно уже представилась уму Деланда.

—Теперь, думалъ онъ, сжимая въ рукѣ портретъ, побѣда въ моихъ рукахъ, а это преимущество можетъ вознаградить меня за опасность, которой подвержены мои деньги.

—Но со всѣми этими дурачествами, сказалъ онъ смягченнымъ голосомъ, я было забылъ, что уже нерано, и что я еще не завтракалъ; у васъ на столѣ такія вкусныя вещи, что мнѣ хочется безъ церемоніи подѣлиться съ вами.

Кто садится за столъ своего должника, уже тѣмъ однимъ лишается права быть взыскательнымъ; возможно ли вкусить у человѣка его хлѣба, и потомъ требовать съ него денегъ! Блондо поспѣшилъ удовлетворить желаніе своего кредитора, чтобы связать его гостепріимствомъ; онъ самъ подалъ ему приборъ, отрѣзалъ огромный кусокъ паштета и положилъ ему на тарелку, налилъ ему за-разъ въ одинъ стаканъ бургонскаго вина, а въ другой шампанскаго, сѣлъ противъ него, и сталъ завтракать во второй разъ такъ же усердно, какъ будто-бы съутра ничего не ѣлъ. Г-жа Марманкуръ, повинуясь знаку Гюстава, приступила къ этой корыстной пирушкѣ, и стала наливать вино молодымъ людямъ, которые за второю бутылкою, повидимому, совсѣмъ забыли денежный вопросъ, разлѣлявшій ихъ за минуту.

—Видишь, любезный Викторъ, сказалъ Блондо, умѣвшій ѣсть и говорить въ одно и то же время, ты на превосходномъ пути, если съумѣешь воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Если-бы я былъ Богъ, далъ бы тебѣ одну четвертую долю моей учености и моихъ талантовъ, я непремѣнно добился бы черезъ мѣсяцъ должности рекетмейстера, а черезъ два года—статскаго совѣтника. Это было бы гораздо лучше, чѣмъ убивать душу и тѣло въ промышленныхъ предпріятіяхъ, которыя одинъ день улаются, и на слѣдующій день—пустятъ по міру, да еще упрячутъ въ тюрьму.

—Скажи по-совѣсти, перебилъ Деландъ, глядя пристально въ глаза хозяину, точно ли спекуляціи довели тебя до тюрьмы, а не карты?

—Карты, вскричалъ Блондо, тономъ обиженнаго; потому-что ты видѣлъ, какъ я спускалъ въ карты по нѣскольку франковъ, такъ и вбилъ себѣ въ голову, что я игрокъ! Меня надулъ по-

децъ Луи Реймаръ, своею покупкою земель. Если я когда вырвусь отсюда, совѣтую ему не выходить изъ дому. Но оставимъ это; меня бѣситъ одно воспоминаніе. Лучше поговоримъ о предстоящихъ тебѣ успѣхахъ, которые я почти считаю своими, потому, что между друзьями, все должно быть общее. Ей-Богу, тебѣ везетъ, ты долженъ быть доволенъ.

—Мнѣ еще остается преодолѣть множество препятствій, отвѣчалъ Деландъ задумчиво; нельзя напередъ отвѣчать за успѣхъ.

—Ба! возразилъ Блондо, срѣзая пробку съ другой бутылки шампанскаго, или ты лицемѣришь, или ты слишкомъ скроменъ. Вотъ твое положеніе въ двухъ словахъ: г-жа Піаръ можетъ сдѣлать все, что захочетъ; съ этимъ ты согласенъ?

—Такъ, съ этимъ спорить нельзя.

—Слѣдовательно, дѣло все въ томъ, чтобы заставить ее хотѣть того, чего ты хочешь. А съ волшебнымъ средствомъ, которое у тебя въ карманѣ, это такъ легко и просто, что съ нимъ справится каждый школьникъ.

—Не то-бы ты заговорилъ, если-бы зналъ г-жу Піаръ, отвѣчалъ Деландъ, качая головою; это женщина, которою нетакъ легко овладѣть, какъ ты воображаешь.

—Полно; она то-же самое, что и всѣ женщины, сказалъ Блондо, такъ же бойко, какъ если-бы слушателями его были одни мужчины.

—Не совсѣмъ то же, возразилъ Деландъ, улыбаясь; она женщина тверлыхъ правилъ, благоразумная, холодная, осторожная, чрезвычайно строгая и величавая. Словомъ, женщина добродѣтельная.

—И вы всему этому вѣрите? перебила г-жа Марманкуръ, вперивъ въ молодаго чиновника насмѣшливый, чуть не презрительный взоръ.

Этотъ вопросъ, въ которомъ высказывалась досада, возбуждаемая всегда хвалою честной женщины въ тѣхъ изъ дочерей Еввы, которыя болѣе отличаются красотою, чѣмъ добродѣтелью, невольно смутилъ Деланда; согласиться съ безстыднымъ скептицизмомъ, изъявленнымъ одною изъ милыхъ грѣшницъ, о которыхъ идетъ рѣчь, онъ считалъ слабостью, которой не извиняли даже требованія вѣжливости; съ другой стороны, онъ пробѣгалъ глазами комнату, бутылки, покрывавшія столъ, дымъ сигары Блондо, шаль г-жи Марманкуръ, повѣшенную на оконную зад-

вижку, и принужденъ былъ внутренно сознаться, что тутъ было не мѣсто и не время читать похвальное слово морали. Вмѣсто того, чтобы немедленно отвѣчать, онъ призадумался, а Блондо воспользовался этимъ, и снова заговорилъ.

—Г-жа Марманкуръ права; сказалъ онъ рѣзко; не глупо ли вѣрить всѣмъ сказкамъ этихъ притворщицъ, которыхъ ты величаешь добродѣтельными женщинами? Я не думалъ, чтобы ты былъ еще такъ неопытенъ. Возможно-ли, чтобы ты, съ твоимъ умомъ, давался въ обманъ лицемѣрной болтовнѣ, имѣющей цѣлью придать цѣну малѣйшей малости, посредствомъ мнимой трудности? Я готовъ разоблачать тебѣ подобныя добродѣтели по одной каждую недѣлю, и увѣренъ, что могъ бы почить отъ труда, не ожидая седьмаго дня.

Блондо нѣкоторое время продолжалъ косить съ плеча поле женской добродѣтели, называя чистую пшеницу вреднымъ плевеломъ, а невинные васильки—репейникомъ. Скосивъ все, поругавъ все, поправъ все ногами, онъ налилъ себѣ стаканъ вина.

—Доливайте стаканы, сказалъ онъ; предлагаю преждевременный тостъ, но который, надѣюсь, въ скоромъ времени осуществится. За-здоровье нашего любезнаго Виктора, ректмейстера, милостію г-жи Піаръ, отставной добродѣтельной женщины, исправившейся богомолки, и возведенной, вслѣдствіе того, на степень любезной женщины!

Г-жа Марманкуръ, слушавшая съ явнымъ удовольствіемъ безумную пасквиль своего любовника, отвѣчала на его наглый тостъ такимъ же наглымъ хохотомъ. Несмотря на досаду, которую возбуждало въ немъ это ироническое поруганіе предмета его честолюбивой любви, Деландъ, однакоже, не совсѣмъ нечувствительный къ лестнымъ предреченіямъ своего друга, наконецъ, даже улыбнулся, и сказалъ, опорожнивая въ свою очередь стаканъ.

—Пожалуй, я принимаю твое желаніе, хотя и немѣшало бы его высказать въ болѣе пристойныхъ выраженіяхъ. И такъ, за мое здоровье, но сперва за здоровье г-жи Марманкуръ и за твое. Себѣ я желаю исполненія всѣхъ твоихъ пророчествъ, а тебѣ—скораго поправленія дѣлъ и свободы; ибо хотя здѣсь можно жить очень весело, однако-же, это все-таки тюрьма!

Блондо наклонился надъ столомъ, и взглянувъ на гостя съ

нѣжностью, происходившею отъ дѣйствія вина столько же, сколько отъ корыстной пріязни, сказалъ ему:

—Мой добрый Викторъ, если-бы ты только прибавилъ еще тысячки три франковъ къ тѣмъ деньгамъ, которыя моя бѣдная Ѳеодосія родила ужъ изъ земли, я бы могъ быть завтра-же свободенъ.

—Шутишь ты? отвѣчалъ Деландъ, вставая съ сердцемъ: если г-жѣ Марманкуръ стоитъ только топнуть ногою, чтобы деньги являлись изъ-подъ земли, то я не одаренъ этою властью. Знаешь-ли, что у меня остается, благодаря тебѣ, изъ двадцати тысячъ франковъ, съ которыми я пріѣхалъ въ Парижъ? едва четыреста франковъ! Мнѣ придется скоро обратиться къ помощи Луазеле.

—Ты можешь достать денегъ въ займы, и еще смѣешь жаловаться, вскричалъ Гюставъ съ неголованіемъ, скрестивъ руки.

Не желая завязывать разсужденія, въ-которомъ побѣда вѣроятно осталась бы на сторонѣ должника, благодаря его давнишнему спеціяльному изученію спорнаго предмета, добродушный кредиторъ вынулъ изъ кармана часы.

—Пятый часъ, сказалъ онъ съ удивленіемъ; мнѣ еще предстоитъ нѣсколько визитовъ, я долженъ проститься съ вами.

—Надѣюсь, что ты будешь навѣщать меня, сказалъ Блондо, льстиво; для тебя всегда будетъ приборъ на столѣ.

—Спасибо, отвѣчалъ Деландъ; благоразумнѣе было бы впрочемъ, не кормить такъ хорошо пріятелей, а подумать о долгахъ.

—Видно, что только-что изъ-за стола; возразилъ Блондо, смѣясь; на тощахъ ты не бранилъ бы меня за завтракъ.

Деландъ пожалъ руку своему пріятелю, или вѣрнѣе, далъ ему пожать свою руку, вѣжливо поклонился г-жѣ Марманкуръ, и вышелъ.

—Этотъ бѣсенокъ Блондо, умѣетъ всему посмѣяться, подумалъ онъ, выходя изъ тюрьмы; веселость его заразительна. Я пришелъ сюда взбѣшеный, а теперь, я почти утѣшился въ немаловажной потерѣ, которую онъ мнѣ готовитъ. Впрочемъ, что мнѣ слишкомъ горевать? Въ моемъ положеніи, такая денежная утрата не разорительна, если я успѣю въ другомъ дѣлѣ, то несчастіе будетъ вознаграждено съ избыткомъ.

—Благородная душа! говорилъ въ тоже время Гюставъ, ос-

татокъ золотаго вѣка, патріархальной простоты! Я увѣренъ, что еслибъ я сталъ настаивать, онъ принесъ бы мнѣ къ вечеру послѣдніе свои четыреста франковъ, но съ моей стороны, это значило бы, употреблять во зло его дружбу. Я поступилъ съ такимъ благородствомъ, съ какимъ не всякій бы поступилъ на моемъ мѣстѣ.

—Только бы онъ успѣлъ въ конецъ разрушить миръ между этою лицемѣркою и болваномъ Жюлемъ! отвѣчала г—жа Марманкуръ, вспомнивъ добролушіе Деланда, и боясь, что ввѣрила мщеніе, которое замышляла уже нѣсколько дней слишкомъ неискуснымъ рукамъ.

Выходя изъ тюрьмы, Деландъ, рѣшившійся немедленно идти къ побѣдѣ, которую считалъ несомнѣнною, поѣхалъ къ г—жѣ Піаръ.

Еще не било пяти часовъ; женщина—политикъ, по обыкновенію своему, сидѣла въ гостиной, бесѣдуя съ нѣсколькими мужчинами, между которыми былъ и знакомый намъ старый полковникъ. При видѣ помощника прокурора, нарушившаго отданное на счетъ его приказаніе, Изора нахмурила брови и невольно ущипнула ушко хорошенькой собачкѣ, которой длинная мордочка лежала у нея на колѣнахъ. Это, едва примѣтное движеніе, не имѣло другихъ послѣдствій, кромѣ жалобнаго стона невиннаго животнаго, и никто его даже не замѣтилъ. Оправившись отъ минутнаго волненія, г—жа Піаръ приняла Деланда съ холодною учтивостію, въ которой равно можно было видѣть притворство, которое налагаетъ на любящее сердце присутствіе лишнихъ свидѣтелей, или осторожность оскорбленной женщины, ожидающей, но не вынужлающей оправданія любимаго человѣка. Пока сидѣли гости, предупредившіе его, время казалось безконечностію для Деланда; онъ принималъ мало участія въ разговорѣ, ограничиваясь короткими, обрывочными фразами, сопровождаемыми разсѣяніемъ, на которомъ обыкновенно выѣзжаютъ влюбленные. Всѣ его усилія нравиться хозяйкѣ принадлежали въ это время болѣе къ сферѣ мимики, нежели къ сферѣ краснорѣчія. Въ особенности, старался онъ извлечь пользу изъ подвязанной руки и блѣднаго лица, которое могъ видѣть украдкою въ зеркалѣ, висѣвшемъ надъ каминомъ.

Приготовивъ такимъ образомъ успѣхъ своей рѣчи меланхолическою позою, задумчивою улыбкою и болѣзненною медлен-

ностію выгоды, онъ не терялъ времени въ придумываніи другаго приступа, когда остался на-единѣ съ своею покровительницею. Нервическое раздраженіе отъ раны, хорошій завтракъ, твердая рѣшимость добиться развязки, возмутительное ученіе Блондо въ дѣлѣ волокитства, всѣ эти различныя и повидимому противорѣчащія обстоятельства, внушили ему небывалую смѣлость, къ которой онъ еще на-канунѣ счелъ бы себя неспособнымъ.

—Въ старину, началъ онъ скромно, но твердо, показывая на-руку, подвязанную черною шелковою перевязью, прекрасныя обитательницы замковъ удостоивали своихъ попеченій рыцарей, получившихъ рану, сражаясь за нихъ; я не потому напоминаю вамъ этотъ примѣръ, что воображаю, что онъ можетъ возобновиться въ отношеніи ко мнѣ; но, неужели, несмотря на мою вѣрность и преданность, достойную былыхъ временъ, моя почтительная любовь не удостоится другой награды, кромѣ немилости, въ несправедливости которой вы сами убѣдитесь сегодня?

Говоря это, Деланъ стоялъ, облокотившись на каминъ, стараясь придать своему положенію поэтическую свободу, отличающую героевъ-романовъ на англійскихъ виньеткахъ. Г-жа Піаръ, сидя противъ него, слушала его равнодушно, играя лорнетомъ передъ глазами собачки, тщетно слѣдившей вострою мордочкою за прихотливыми извилинами черепаховаго кольца; эта забава, повидимому гораздо болѣе занимала Изору, нежели страстныя рѣчи собесѣдника, однако-же, когда онъ остановился, будто въ ожиданіи отвѣта, она сказала съ намѣреннымъ легкомыслiемъ:

—Мнѣ говорили, что вы стрѣлялись; отецъ разсказывалъ мнѣ о вашей дуэли; вамъ кажется, оцарапали ноготь?

—Это ироническое униженіе—дѣла, которое Деланъ находилъ очень важнымъ, и которое онъ считалъ прекраснѣйшимъ своимъ подвигомъ, обидѣло его и щеки его покрылись яркою краскою гнѣва.

—Мнѣ весьма прискорбно, отвѣчалъ онъ, стараясь сдержать негодованіе, что пуля поразила меня въ руку, а не въ сердце. Мертваго, вы можетъ-быть не стали бы осыпать насмѣшками, которыя внушаетъ вамъ раненый.

—Ради Бога, прервала Изора, снова принявшись играть лорнетомъ, что вамъ за охота приплетать могилу, когда идетъ дѣ-

ло о царапинѣ на пальцѣ? Вы знаете, что я не охотница до такихъ мрачныхъ разговоровъ. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Отецъ мой ѣдетъ на дняхъ въ Д***; не думаете ли вы ѣхать съ нимъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Деландъ, взбѣшенный этими словами, въ которыхъ видѣлъ рѣшительный отказъ; нѣтъ, я остаюсь въ Парижѣ, хотя бы этимъ еще болѣе возбудилъ вашъ гнѣвъ. Сначала я, можетъ быть, повиновался бы вамъ и рѣшился васъ болѣе не видать; но теперь, несмотря на ваше суровое обращеніе, очарованіе, удерживающее меня здѣсь, слишкомъ сильно, чтобы я могъ его разрушить.

—Въ такомъ случаѣ, я беру на себя разрушить его, возразила Изора равнодушно; на это мнѣ довольно будетъ двухъ словъ. Для васъ, милостивый государь, мой домъ ничто иное, какъ передняя Государственнаго Совѣта... Не перебивайте меня. Я, къ несчастію, слишкомъ хорошо знаю человѣческое сердце, и самыя пышныя фразы, ничуть не обманываютъ меня... Повторяю, волшебная сила, удерживающая васъ въ Парижѣ, заключается въ Государственномъ Совѣтѣ, а не въ моемъ домѣ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, что это очарованіе обманчиво; что оно поведетъ васъ не къ почестямъ и знатности, какъ вы надѣетесь, а къ утесу, о который разбивались уже многіе до васъ; воспользуйтесь ихъ примѣромъ. Повѣрьте, поѣзжайте въ Д***, не ожидая, чтобы васъ оттуда требовали назадъ, или, чтобы отрѣшеніе отъ должности лишило васъ плодовъ прошедшихъ вашихъ трудовъ. Совѣтъ мой—совѣтъ друга, желающаго вамъ добра, продолжала Изора съ двусмысленною улыбкою, ибо я даю его другу моего отца, а не другу г-жи Марманкуръ.

Послѣднее слово оживило всѣ надежды просителя. Не вѣря совершенному равнодушію г-жи Піаръ, онъ приписывалъ суровость ея поступковъ и словъ желанію мести, предполагающему необходимо привязанность къ тому, на кого оно обращается, и обращаемуся наконецъ, по большой части, въ его же пользу.

—Все это одна ревность, думалъ онъ, ловко наклоняясь надъ г-жею Піаръ; болѣе благопріятнаго въ ней расположенія я не дождусь; да и самъ я нынче въ духѣ, попытаемся нанести послѣдній ударъ.

—Отъ васъ, сказалъ онъ вполголоса, устремивъ на Изору нѣжный, преданный взоръ; отъ васъ я жду не совѣта, а при-

казанія, ибо я принадлежу вамъ. Если вы мнѣ прикажете ѣхать, я повинуюсь, но съ тѣмъ условіемъ, что вы позволите мнѣ увезти на память въ свое изгнаніе залогъ, который будетъ услаждать мою горестную участь.

Несмотря на свою обычную суровость, Изора не совсѣмъ еще отказалась отъ женскаго кокетства, любящаго отъ времени до времени послушать стоновъ несчастной любви. Не сомнѣваясь въ себѣ и будучи увѣрена, что искоренила изъ своего воображенія до послѣдняго слѣда симпатію, которую молодой провинціялъ возбудилъ въ ней сначала, она полагала, что можетъ безопасно потѣшить нѣсколько минутъ свое самолюбіе созерцаніемъ страсти, изливавшейся у ногъ ея. Поэтому она не только не оскорбилась смѣлостью Деланда, а напротивъ сказала ему почти съ обольстительною улыбкою:

—Залогъ на память! Развѣ лать вамъ Эсмеральду?—и бѣлая нѣжная ея ручка, шутливо сжала черную мордочку собаки.

—Мнѣ нравится Эсмеральда, отвѣчалъ Деландъ, наклонившись, чтобы поласкать собаку, и коснувшись при этомъ случаѣ прелестныхъ пальцевъ Изоры; Эсмеральда чудесное животное, но оно все-таки не удовлетворитъ моего желанія.

—Чего же вы хотите? спросила г-жа Піаръ, отдернувъ руку и стараясь принять насмѣшливый видъ. Что дается въ такихъ случаяхъ въ романахъ? цвѣтокъ! будетъ съ васъ?

—Нѣтъ, этого мало, отвѣчалъ Деландъ, улыбаясь.

—Мало? васъ нелегко удовлетворить, возразила Изора еще съ большею ироніею, что же вамъ дать... постойте... а! локонъ? сказала она, будто вспомнивъ, и коснулась рукою одной изъ шелковистыхъ черныхъ кистей, окружавшихъ прекрасное ея лицо. Помнится мнѣ, что въ подобныхъ случаяхъ дается и локонъ!

—А за локонъ можно бы отдать жизнь, воскликнулъ Деландъ страстнымъ голосомъ; но... вы удивитесь моему честолюбію, я желаю чего-то еще лучшаго.

—Я уже не берусь отгадать, отвѣчала г-жа Піаръ, принявъ вдругъ обычную свою суровую и величавую физіономію

—Однако же отгадать теперь не трудно, возразилъ Деландъ, нисколько не смущаясь; одинъ только предметъ, можетъ быть для влюбленнаго дороже локона любимой женщины.

— Что же это такое?

— Портретъ.

— Такъ вотъ чего вы хотите! вскричала Изора, расхохотавшись, такъ ей это требованіе казалось нелѣпымъ и невѣроятнымъ.

Деландъ спокойно дождался конца этого гордаго смѣха; потомъ, вперивъ на свою покровительницу серьезный, проницательный взглядъ, сказалъ ей:

— Вы меня непоняли; я конечно никогда бы не дерзнулъ просить у васъ портрета; я только прошу позволенія удержать вашъ портретъ; какъ видите, это совсѣмъ другое дѣло.

Г-жа Піаръ посмотрѣла на гостя такими глазами, какъ будто хотѣла увѣриться, не рехнулся ли онъ.

— Вы обыкновенно говорите разумно, сказала она наконецъ; что вы этимъ разумѣете? Не можетъ быть, чтобы вы заказали съ меня портретъ.

—Но я могъ его достать, возразилъ Деландъ съ хитрою усмѣшкою.

Вмѣсто отвѣта, г-жа Піаръ пожала только плечами.

— Если я вамъ его представлю, обѣщаете ли вы мнѣ его оставить? продолжалъ Деландъ.

— Охотно; въ такомъ обѣщаніи большой опасности нѣтъ, потому, что это невозможно.

Деландъ, съ таинственностью вынулъ изъ кармана коробку, полученную имъ отъ г-жи Марманкуръ, открылъ ее, и представилъ г-жѣ Піаръ; которая въ изумленіи смотрѣла на него нѣкоторое время молча и неподвижно; но вдругъ, движеніемъ столь же быстрымъ, какъ мысль, она вырвала портретъ изъ рукъ молодаго человѣка, тщетно старавшагося удержать его.

— Кто вамъ далъ его? спросила она отрывистымъ, измѣнившимся голосомъ; не обманывайте меня, или, вы можете потомъ раскаяться. Я хочу знать правду, всю правду.

— Это предупрежденіе было совершенно лишнее. Деландъ видѣлъ, что великодушная ложь ему неудавалась, и рѣшился говорить правду. Однако-же онъ не посовѣстился прибавить къ своему разсказу кой-какія украшенія, которыя могли бы возвысить его въ глазахъ его покровительницы.

— Я купилъ его цѣною своей крови, сказалъ онъ съ чувствомъ; это вамъ объясняетъ, почему я такъ цѣню дуэль, надъ которою вы изволили за нѣсколько минутъ посмѣиваться. Изъ рукъ

особы, которой вы его отдали, онъ перешелъ въ руки женщины, которой я передъ вами и не назову; она же отдала его человѣку, съ которымъ я стрѣлялся, и который изъ хвастовства, могъ бы употребить его-самымъ недостойнымъ образомъ. Узнавъ объ этомъ поступкѣ, подъ которымъ я подозрѣвалъ подлый замыселъ, я немогъ его стерпѣть. Балъ, на которомъ вы такъ на меня сердились, подалъ мнѣ поводъ вызвать того, въ чьихъ рукахъ былъ портретъ, я принудилъ его стрѣляться со мною, и однимъ изъ условій дуэли, положилъ отдачу мнѣ драгоцѣннаго портрета. Я былъ раненъ; но я былъ доволенъ и счастливъ, потому-что получилъ рану за васъ... Вотъ моя исповѣдь... Изора!... И послѣ-того, какъ я открылъ вамъ всю истину, неужели вы отречетесь отъ своего обѣщанія? Неужели не дадите мнѣ прижать еще разъ къ устамъ этотъ портретъ, о которомъ я никогда не сказалъ бы вамъ ни слова, который я берегъ бы, какъ скупецъ бережетъ свое золото, если-бы совѣстливость была неразлучна съ истинною любовью.

По обычаю, еще не вышедшему изъ употребленія у провинціяльныхъ волокитъ, Деландъ сгибалъ колѣна по мѣрѣ возвышенія голоса. При послѣднемъ слогѣ своего періода, весьма удачно кончившагося словомъ — *любовь*, онъ стоялъ на колѣнахъ передъ г-жею Піаръ, схватилъ ея руку, а она, строгій, непоколебимый образецъ добродѣтели, вслѣдствіе ли удивленія или волненія, и не думала отнимать ее.

Въ эту минуту дверь комнаты быстро отворилась.

— Это что за дерзость! вскричалъ г. Піаръ, остолбенѣвъ на порогѣ.

## XVIII

Изъ числа несчастныхъ случаевъ, смущающихъ самаго смѣлаго и бойкаго человѣка, самое ужасное для влюбленнаго, стоящаго на колѣнахъ передъ предметомъ своей любви, разумѣется— внезапное появленіе мужа. При видѣ г. Піара, окаменѣвшаго повидимому, отъ изумленія и ярости, Деландъ также растерялся; онъ поспѣшно вскочилъ, отступилъ на два шага, схватилъ на столѣ книгу и сталъ ее перелистывать, по какому-то нелѣпому внушенію, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Въ

этомъ положеніи, сталъ онъ ждать въ смущеніи и съ трепетомъ, разраженія супружеской грозы.

— Но гроза не разразилась; отъ одного взгляда г–жи Піаръ, замерла она на устахъ ея мужа въ ту самую минуту, какъ готова была разразиться. Будто очарованный этимъ могучимъ взглядомъ, онъ все стоялъ въ дверяхъ гостиной; наконецъ, однакожъ преодолѣлъ эту слабость и подошелъ къ камину, стараясь придать своимъ нахмуреннымъ бровямъ грозное, юпитерское величіе, которое вселило бы въ Изору почтеніе, даже еслибъ она была невинна.

— Не угодно ли вамъ будетъ объяснить мнѣ, что значитъ это явленіе? сказалъ онъ женѣ, отрывистымъ голосомъ, надменно оборачиваясь къ Деланду спиною.

Г-жа Піаръ взглянула поочередно на мужа и на влюбленнаго, взоромъ, проникшимъ въ самыя ихъ сердца, и обнажившимъ каждое ихъ біеніе; обоихъ нашла она равно достойными своего презрѣнія, но немогла рѣшить, что было для нея отвратительнѣе, смѣшное ли смущеніе Деланда, или усилія мужа разыграть ревниваго тирана. Сравнивая себя съ нами, она почувствовала въ себѣ столько спокойствія, силы, твердости и равнодушія, что она нѣсколько минутъ съ наслажденіемъ упивалась своимъ превосходствомъ. Вмѣсто того, чтобы дать немедленный отвѣтъ, она нѣкоторое время благоговѣла передъ собою, гордо закинувъ голову, съ спокойствіемъ въ глазахъ и улыбкою на устахъ. Рѣшившись наконецъ заговорить, она наклонила голову, какъ будто мужъ ея былъ слишкомъ малъ, чтобы ей смотрѣть на него не наклоняясь.

— Вы требуете объясненія? я готова исполнить ваше желаніе; сказала она голосомъ, въ которомъ незамѣтно было никакого выраженія, кромѣ торжествующей иронія. Вы застали Деланда у ногъ моихъ, и изъ этого положенія, вамъ вѣроятно не совсѣмъ чуждаго, вы безъ сомнѣнія заключаете, что дѣло шло о любовномъ объясненіи. Вы не ошиблись. Въ ту самую минуту, какъ вы вошли съ такою торопливостью, (къ чему, между прочимъ, прошу васъ не приучаться), я выслушивала ясное и краснорѣчивое признаніе въ любви.

— Она съ–ума сошла! подумалъ Деландъ, на котораго г. Піаръ бросалъ изъ подлобья яростные взгляды.

— Я нестану пересказывать всѣхъ милыхъ словъ, которыя

мнѣ были сказаны, проложжала Изора тѣмъ же тономъ; они слишкомъ много утратили бы, переходя черезъ мои уста, и заняли бы слишкомъ много времени. Но такъ-какъ каждую хорошую рѣчь можно привести къ одной фразѣ, то я сообщу вамъ главное ея содержаніе, опуская все постороннее. Г. Деландъ желаетъ имѣть мой портретъ; совѣтуете ли вы мнѣ удовлетворить его желаніе? Такъ какъ вы здѣсь, я весьма бы желала знать ваше мнѣніе.

— Я немогу вѣрить, чтобы вы говорили не шутя! вскричалъ г. Піаръ, между тѣмъ, какъ Деландъ кусалъ себѣ губы въ кровь.

— Я говорю сущую правду, отвѣчала г-жа Піаръ съ видомъ простодушнаго удивленія, если вы не вѣрите, спросите у г. Деланда, я увѣрена, что онъ подтвердитъ мои слова.

Піаръ и Деландъ, взглянули другъ на друга словно два быка, готовые распороть другъ друга рогами; но ни тотъ, ни другой, не говорили ни слова, смущенные глупою ролею, наложенною на обоихъ, и не видя никакихъ средствъ сбросить ее съ себя. Безпокойная физіономія Піара немогла прояснить лица Деланда; но Піаръ, всмотрѣвшись внимательно въ молодаго чиновника, наконецъ успокоился.

—Я напрасно испугался, подумалъ онъ; этотъ провинціялъ слишкомъ растерялся, чтобы можно его считать опаснымъ человѣкомъ. Жена моя очевидно смѣется надъ нимъ; и даже для большей забавы хочетъ, чтобы и я пристадъ къ ней.

И принявъ свой обычный самонадѣянный видъ, онъ обратился къ Изорѣ и сказалъ, принужденно оскаливъ зубы:

—Если г. Деланду угодно имѣть вашъ портретъ, то я не вижу, почему бы вамъ ему отказывать. Но, чтобы изъявить г. Деланду участіе, которое я въ немъ принимаю я желалъ бы участвовать въ этомъ дарѣ, и самъ вручить ему портретъ. Это послужитъ ему двойнымъ доказательствомъ нашего къ нему уваженія и нашей дружбы.

—Ваша мысль прекрасна, сказала Изора съ непоколебимымъ хладнокровіемъ; исполнимъ ее теперь же. Вотъ мой портретъ; я надѣюсь, что г. Деланду угодно будетъ принять его на колѣнахъ.

Съ этими словами, г-жа Піаръ медленно и торжественно

подала мужу медальонъ, врученный ей передъ тѣмъ Деландомъ. Узнавъ портретъ, оставленный имъ противъ воли въ рукахъ г-жи Марманкуръ, Піаръ покраснѣлъ, и мгновенно убавился въ ростѣ на два или на три вершка; казалось, онъ старался съежиться и уйти подъ коверъ, чтобы скорѣе скрыться изъ глазъ жены.

—Вотъ что, подумалъ Деландъ; все, что она говорила до сихъ поръ, клонилось только къ этому пораженію. Правда, что и мнѣ досталось; да какое дѣло; ему за то прямо въ сердце.

Г-жа Піаръ наслаждалась смущеніемъ мужа, но въ тоже время отъ ея насмѣшливыхъ взоровъ не скрылась надежда, снова возродившаяся въ глазахъ ея поклонника. Пользуясь съ истинно женскою злобою преимуществомъ, которое эта сцена дала ей надъ обоими, она продолжала повелительнымъ голосомъ, не позволявшимъ слушателямъ ни перебивать ее, ни возражать ей.

—Милостивый государь, сказала она Деланду, съ холодною учтивостію, сначала скажу два слова вамъ. Позвольте мнѣ повторить вамъ въ присутствіи моего мужа то, что я уже говорила вамъ безъ него. Продолженіе вашего пребыванія въ Парижѣ, кажется мнѣ предосудительнымъ для вашихъ выгодъ, ибо подвергаетъ васъ опасности лишиться занимаемаго вами мѣста, не представляя вамъ надежды получить другое. Это совѣтъ безкорыстный; вотъ другой совѣтъ, съ нѣкоторою примѣсью корысти. Обстоятельство, подавшее поводъ къ настоящему объясненію, лишаетъ меня удовольствія впредь видѣть васъ у себя. Я, къ несчастію не терплю, чтобы человѣкъ становился на колѣна въ иномъ мѣстѣ, кромѣ церкви; это конечно очень смѣшная слабость, но я не могу ея переспилить и очень буду вамъ обязана, если вы ее уважите. Вы говорили мнѣ, что покоритесь тому, что называете своимъ изгнаніемъ, съ тѣмъ, чтобы я вамъ дала залогъ на память. Какъ вы сами видѣли, я отдала г. Піару свой портретъ для врученія вамъ; и такъ извольте обратиться къ нему; пусть онъ вамъ отдастъ его, я согласна.

Высказавъ свое нравоученіе Деланду, который въ концѣ растерялся отъ этой суровой рѣчи, г-жа Піаръ обратилась къ мужу.

—Мнѣ желательно, сказала она еще съ большею торжественностію, чтобы никогда между нами не упоминалось о про-

шелшемъ. Я вамъ не дѣлаю упрековъ и не требую отъ васъ никакого оправданія. Каково бы ни было ваше поведеніе, будьте увѣрены, что оно ни будетъ имѣть никакого вліянія на мое. Я знаю свои обязанности, и буду исполнять ихъ, несмотря на то, помните ли вы, или забываете свои. Я всегда вѣрила, что должно быть добродѣтельнымъ, ради самой добродѣтели, и не ожидая за то награды на землѣ. Держась этого простаго правила, женщина всегда найдетъ въ себѣ довольно силы противъ обольщенія и противъ оскорбленій; первое она отразитъ невниманіемъ, второе же чистая совѣсть дастъ ей право презирать.

И г-жа Піаръ бросила на обоихъ многозначительный взглядъ, которому суровый блескъ ея глазъ, черныхъ какъ у испанки, придавалъ торжествующее, энергическое выраженіе; и въ этомъ взглядѣ послала она каждому по стрѣлѣ, поклоннику пренебреженіе, а мужу—презрѣніе; за тѣмъ она вышла изъ комнаты твердымъ, величественнымъ шагомъ.

По выходѣ ея, Піаръ и Деландъ съ минуту стояли неподвижно другъ противъ друга, словно люди, оглушенные громомъ и слушающіе еще, когда громъ давно уже прогремѣлъ. Піаръ первый заговорилъ.

—Милостивый государь, сказалъ онъ Деланду, съ трудомъ удерживая свою ярость, одинъ только человѣкъ могъ дать этотъ портретъ моей женѣ, и этотъ человѣкъ — вы!

—Я самъ; что жъ изъ этого? отвѣчалъ Деландъ, также взбѣшеный окончательнымъ разрушеніемъ своихъ надеждъ.

—Этотъ поступокъ недостоинъ благороднаго человѣка; если-бы вы не-были ранены, я потребовалъ бы васъ къ расправѣ.

—Сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь моею раною; у меня еще свободна къ вашимъ услугамъ лѣвая рука!

—Какъ, сударь, вы меня вызываете?

—Нѣтъ, я только отвѣчаю на вашъ вызовъ!

—Вы, помощникъ прокурора, вызываете меня; вы забываете, что я статскій совѣтникъ!

—Вы сами забываете, что въ настоящее время, всѣ люди равны, когда дѣло идетъ о дуэли.

—Вспомните по-крайней-мѣрѣ, что вы въ моемъ домѣ; я приказываю вамъ выдти.

—А я приказываю вамъ идти за мною.

Деландъ надѣлъ шляпу и поспѣшно вышелъ изъ комнаты,

показывая знакомъ совѣтнику, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ. Полумавъ немного, г. Піаръ пошелъ за нимъ; они поспѣшно прошли по покоямъ, сбѣжали съ лѣстницы, сами незная толкомъ, куда шли. Подъ воротами встрѣтили они г. Луазеле, только-что вышедшаго изъ наемной кареты, стоявшей еще у воротъ.

—Что съ вами? спросилъ старикъ, замѣчая безпокойство зятя; ужъ не больна ли Изора?

—Нѣтъ, отвѣчалъ Піаръ сердито; мнѣ надо расчитаться съ г. Деландомъ.

—Я ѣду съ вами, сказалъ Луазеле, понявшій, по странному виду обоихъ, что межлу ними произошла ссора.

По знаку старика, извощикъ отворилъ карету; Деландъ и Піаръ сѣли въ нее, ничего не помня.

—Къ Елисейскимъ полямъ, сказалъ Луазеле извощику, устремивъ испытующій взглядъ на спутниковъ.

—Здѣсь намъ можно поговорить въ покоѣ, сказалъ онъ имъ, посмотримъ же, въ чемъ дѣло?

Хотя довольно неловко было Піару объяснить тестю причину своей ссоры съ Деландомъ, онъ однако же началъ разсказъ, въ которомъ сквозь умолчаній, иносказаній, и прочихъ ораторскихъ уловокъ, все таки болѣе или менѣе проглядывала истина; къ тому же Деландъ, которому не изъ чего было такъ церемониться, принялъ на себя трудъ дополнить пробѣлы, исправить неточности, и довольно ясно представилъ ссору, надъ которою старикъ самовольно присвоилъ себѣ право суда.

—Вы оба поступаете, какъ дѣти, сказалъ Луазеле, окончивъ изслѣдованіе; дочь моя посмѣялась надъ вами, и по-дѣломъ. За что вы сердитесь, Піаръ? за то, что застали этого молодаго человѣка у ногъ жены? Вы должны бы, напротивъ, благодарить его, за то, что онъ далъ вамъ случай оцѣнить добродѣтель Изоры. Притомъ, стараясь приобрѣсть ея доброе расположеніе, онъ исполнялъ свое дѣло. Самая исторія портрета позволительное средство, въ отношеніи къ подобному вамъ негодяю; вамъ должно бы стыдиться своего поведенія, а не осуждать поведеніе другихъ. Вспомните, что вы счастливѣе, чѣмъ того стоите, и что многія женщины на мѣстѣ Изоры, примѣрно отплатили бы вамъ за ваши поступки... А вы, Деландъ, сошли съума, когда хотите стрѣляться съ моимъ зятемъ за то,

что дочь моя подшутила надъ вами. Въ такихъ дѣлахъ, если не успѣлъ, такъ надо ретироваться, какъ можно ловче, и искать счастія въ другомъ мѣстѣ; но на что похоже, мстить мужу за суровость его жены? Васъ обоихъ проучили, умѣйте пользоваться уроками; говорить нечего, что я не позволю вамъ стрѣляться, вы оба знаете судейское дѣло. Вотъ мой приговоръ: «По неосновательности иска, обѣимъ сторонамъ отказать отъ суда, съ общею уплатою судебныхъ пошлинъ.» Теперь, любезный Піаръ, оставьте насъ однихъ, мнѣ надо съ Деландомъ кой-о-чемъ переговорить.

Это разсужденіе не растравило вражды противниковъ, какъ бываетъ по большой части, а напротивъ, значительно усмирило ее. Въ сущности, ни тотъ, ни другой, не имѣлъ сильнаго желанія стрѣляться. Когда первый порывъ досады стихъ, оба противника поразмыслили о непріятностяхъ дуэли, которая не могла имъ доставить никакой пользы. Отеческое, нецеремонное нравоученіе Луазеле окончательно возвратило ихъ къ обычному ихъ миролюбивому образу мыслей. Они, наконецъ, оба признали безполезность своей ссоры, согласились не давать ей дальнѣйшаго хода, и разстались съ холодною учтивостью и взаимною непріязнью въ сердцѣ.

—Теперь, сказалъ Луазеле, оставшись наединѣ съ Деландомъ, я примусь за васъ. Въ присутствіи Піара, я заступался за васъ, но между нами, я считаю страшною дерзостію съ вашей стороны—волочиться за моею дочерью.

—Не сами ли вы совѣтовали мнѣ стараться угождать ей? отвѣчалъ Деландъ со вздохомъ.

—Угождать, да не такъ; вы употребили во зло мой совѣтъ. Если бы вы сколько-нибудь успѣли, хорошую бы я роль разъигрывалъ въ этомъ дѣлѣ, самъ того незная. Ксчастію, это было невозможно, потому-что умъ Изоры ставитъ ее выше опасности. Кажется, жестоко вы обожглись, любезный Деландъ. Послѣ вашей ссоры съ моимъ зятемъ и моею дочерью, что ваши надежды?

—Мои надежды! повторилъ Деландъ съ выраженіемъ глубокаго уныній; одна моя надежда, вырваться поскорѣе изъ этого подлаго города, гдѣ встрѣчаешь однихъ эгоистовъ, пользующихся твоими талантами, вѣроломныхъ друзей, употребляющихъ во зло твое довѣріе, кокетокъ, обирающихъ тебя, и...

—И честныхъ женщинъ, отказывающихъ тебѣ въ любви, прервалъ Луазеле смѣясь; право, Парижъ сталъ самымъ сквернымъ городомъ; въ наше время, т. е. во времена консульства, молодой человѣкъ могъ еще найти здѣсь занятіе, но нынче, это ремесло никуда не годится.

—Если вы говорите о ремеслѣ просителя, то это самое неблагодарное, самое смѣшное, самое отвратительное изъ всѣхъ ремеслъ, на которыя можетъ человѣкъ наткнуться въ недобрый часъ.

—Полно, Деландъ, досада и уныніе ни къ чему не ведутъ, а намъ надо дойти до заключенія. На что-же вы рѣшаетесь? Я послѣ завтра ѣду въ Д***; не ѣдете ли вы со мною?

—Ѣду, если до-тѣхъ-поръ не утоплюсь, отвѣчалъ онъ мрачно.

Если бы Деландъ, въ самомъ дѣлѣ имѣлъ расположеніе къ той горькой, праздной и вредной меланхоліи, въ которую впадаютъ при первой неудачѣ столько молодыхъ людей, мучимыхъ честолюбіемъ безъ энергіи, настоящее испытаніе доставило бы ему чудесный предлогъ не топиться, это нынче не въ модѣ, а записаться въ непонятые геніи и непризванные таланты; несчастная толпа этихъ жертвъ самолюбія, открыла бы ему свои ряды, и онъ, подобно всѣмъ жертвамъ общественнаго равнодушія, въ ознаменованіе своего негодованія, отпустилъ бы себѣ волосы, ходилъ-бы въ истертомъ платьѣ, таскался по трактирамъ, писалъ въ мелкихъ журналахъ, корчилъ бы республиканца. Но его честный, воздержный нравъ, его превосходное воспитаніе, его прямой взглядъ на вещи, только на короткое время увлеченные честолюбивыми замыслами, удержали его на краю бездны, болѣе смѣшной, нежели опасной. Посердившись своей неудачѣ, онъ понялъ необходимость покориться судьбѣ, и ободрился.

Спустя два дни, Луазеле и Деландъ сидѣли рядомъ въ Д*** скомъ дилижансѣ, лицомъ къ скромному городишку, откуда началъ свой полетъ нашъ новый Икаръ, и куда онъ возвращался, повѣся носъ, растопивъ свои восковыя крылья на Парижскомъ солнцѣ. Старый эмигрантъ принималъ живое участіе въ грусти своего спутника, и изъ уваженія къ ней, не говорилъ ни слова о собственныхъ своихъ успѣхахъ во время консульства. По-мѣрѣ удаленія отъ города, въ которомъ похоронилъ свое честолюбіе,

и которому при отъѣздѣ послалъ ужаснѣйшее проклятіе, Деландъ чувствовалъ въ душѣ возвращеніе спокойствія; отъ времени до времени, онъ просовывалъ голову въ окно, любовался обширными полями и вдыхалъ блаженство яснаго весенняго дня.

—Въ Парижѣ не найдешь такого воздуха и такой чудесной зелени, сказалъ онъ сосѣду, показывая на густую зелень рощицы, тянувшейся по дорогѣ. Вотъ оно что, подумалъ г. Луазеле; но онъ не сообщилъ своего размышленія спутнику, а отвѣчалъ ему съ улыбкою пренебреженія:

—Парижъ—городъ грязи, шума и дыма! Что касается до меня, я съ восторгомъ оставляю Парижъ, и ѣду къ своимъ мирнымъ пенатамъ. Я собираюсь завтра важно поколотить васъ въ шахматы. Я чувствую себя въ такомъ ударѣ, что если вамъ угодно, отдамъ вамъ ладью за коня.

При мысли объ удовольствіяхъ, ожидавшихъ его въ Д***, Деландъ вздохнулъ вмѣсто отвѣта, и склонивъ голову въ уголъ кареты, притворился спящимъ, чтобы свободно предаться своимъ грустнымъ размышленіямъ.

Подъ-вечеръ, когда они стали подъѣзжать къ Д***, при видѣ столба, означавшаго городскую черту, уныніе Деланда еще удвоилось.

Вотъ моя могила, подумалъ онъ; опять возвратиться въ нее, и предаться точащему червю однообразной и пошлой жизни! О Парижъ, кажется, если бы враги пришли въ другой разъ поить лошадей въ Сенѣ, я изъ своей могилы сталъ бы рукоплескать отъ восторга.

Вступивъ въ свои скромные покои, Деландъ съ суровымъ нетерпѣніемъ отвѣчалъ на угожденія и ухаживанія старой своей домоправительницы, которая заключила изъ того, что Парижъ избаловалъ ея барина. Онъ легъ не поужинавъ, жаловался на жесткость постели, между-тѣмъ, какъ она была несравненно мягче той, на которой онъ спалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ; не могъ заснуть, и наконецъ всталъ. Походивъ нѣкоторое время по комнатѣ, онъ отворилъ окно и облокотился на него.

Ночь была тихая и теплая. Сквозь чистый воздухъ, виднѣлась во всемъ своемъ величіи темная лазурь неба, усѣяннаго звѣздами, какъ царица осыпанная бриліантами въ торжественный день. Свѣтлые лучи луны слабо освѣщали черный соборъ; самое видное мѣсто, среди освѣщенной площади, занимало бро-

зовое изображеніе великаго человѣка. Фонтанъ издавалъ самое очаровательное журчаніе: отъ времени до времени слабое дыханіе вѣтра, который шелестилъ между густыхъ липъ и разносилъ духъ ароматныхъ цвѣтовъ; всѣ эти предметы, небо, готическій соборъ, журчащая вода, душистыя деревья, казалось, торжествовали возвращеніе блуднаго сына и съ нѣжностью укоряли его: Неблагодарный, зачѣмъ ты покидалъ насъ?

Деландъ небылъ безчувственъ къ этому зрѣлищу, и мало-по-малу онъ почувствовалъ въ своей душѣ отраженіе всеобщаго спокойствія, окружавшаго его.

—Прекрасна природа, подумалъ онъ; и въ красотѣ ея нѣтъ обмана. Кто изберетъ ее предметомъ своей любви, тотъ не встрѣтитъ смертельныхъ разочарованій, которыя являются въ обществѣ на каждомъ шагу. Какъ мелки передъ этимъ величественнымъ небомъ высокія палаты честолюбія, какъ ничтожны заботы, которыя я вчера еще считалъ столь важными.

Послѣ долгаго размышленія о суетности земныхъ благъ, Деландъ легъ, но тщетно старался заснуть.

На слѣдующій день, Деландъ явился въ судъ, и снова вступилъ въ исправленіе своей должности. Онъ старался переносить съ твердостью насмѣшки сослуживцевъ, которые, не зная подробностей его поѣздки, подозрѣвали, что цѣлью ея было выхлопотать себѣ повышеніе, въ чемъ онъ вѣроятно не успѣлъ; рану на рукѣ онъ объяснялъ случайнымъ паденіемъ изъ экипажа, ибо настоящая причина навлекла бы на него осужденіе всего судейскаго сословія, гнушающагося кровью, не менѣе духовенства.

Между тѣмъ, какъ Деландъ, поневолѣ впрягшись снова въ свою соху, (такъ называлъ онъ свою судейскую работу), пошелъ чертить узкую и однообразную борозду, которой надѣялся–было уже не возобновлять, Луазеле дѣятельно хлопоталъ надъ дѣломъ, которое совѣсть повелѣвала ему привести къ успѣшному окончанію.

— Я отчасти былъ виною неудачи бѣднаго Деланда, думалъ онъ, неумѣвъ внушить ему практическую расторопность, которой онъ никогда не имѣлъ, я напрасно совѣтовалъ ему ѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ надѣлалъ столько глупостей, какъ школьникъ; я непремѣнно долженъ поправить дѣло, выгодно женить его.

Немного недѣль спустя по возвращеніи ихъ въ Д***, въ

воскресенье, старый эмигрантъ и его пріятель, выходили вмѣстѣ изъ собора.

— Посмотрите на дѣвицу Бешеренъ, сказалъ вдругъ Луазеле, толкнувъ своего спутника подъ локоть, и показалъ ему богатую невѣсту, шедшую съ матерью въ нѣсколькихъ шагахъ передъ ними.

Несмотря на отвращеніе, которое онъ чувствовалъ къ дѣвицѣ Бешеренъ, Деландъ посмотрѣлъ на нее съ любопытствомъ, и даже съ чѣмъ-то похожимъ на неравнодушіе. Въ траурномъ платьѣ она показалась ему гораздо лучше, чѣмъ была до его поѣздки.

— Она пополнѣла, и цвѣтъ лица сталъ свѣжѣе, замѣтилъ онъ старому эмигранту одобрительнымъ тономъ.

— То есть, она просто ангелъ, возразилъ Луазеле съ жаромъ. Вамъ не нравятся красныя пятна на лицѣ; да это вздоръ; всѣ молодыя дѣвушки таковы, выйдетъ замужъ, все пройдетъ, и я увѣренъ, что лицо ея будетъ бѣлѣе лилей, румянѣе розы.

— Пожалуй, что и такъ; это распукольки, изъ которыхъ разовьются цвѣты, подхватилъ Деландъ насмѣшливо.

— Молчите, не клевещите на свою будущую жену; да, любезный Деландъ, вы должны непремѣнно жениться на ней, я вбилъ себѣ въ голову, что этому быть, и право сдѣлаете самое благоразумное дѣло. Что-же? поговорить объ этомъ съ президентомъ!

Деландъ обратилъ предложеніе въ шутку; но, недавая ни какого отвѣта, онъ между тѣмъ сталъ размышлять о немъ серьёзно. Наконецъ онъ убѣдился, что въ его положеніи презирать такую выгодную партію, было бы непростительнымъ легкомыслiемъ, и что онъ въ послѣдствіи будетъ о томъ сожалѣть.

— Если-бы я любилъ другую, *я*, разумѣется не отдалъ бы своей свободы, разсуждалъ онъ; но можно ли назвать любовью мое чувство къ г-жѣ Піаръ? Въ немъ сердце мое не участвовало ни на грошъ; зачѣмъ же мнѣ еще откладывать жениться? Почему знать, можетъ быть тоска, которую я приписываю провинціяльному житью, происходитъ только отъ слишкомъ долгой холостой жизни.

Когда разочарованіе, непріятности и неудачи, доведутъ холостяка до такихъ размышленій, можно побиться объ за-

кладъ, что онъ женится ранѣе году. Луазеле, приступивъ снова къ аттакѣ черезъ нѣсколько дней, нашелъ въ чувствахъ Деланда огромную перемѣну; онъ даже сказалъ ему наконецъ, съ видомъ человѣка, уступающаго докучливымъ настояніямъ, отъ которыхъ не знаетъ, какъ отвязаться.

— Такъ и быть! когда вы непремѣнно хотите меня женить, пожалуй жените, я согласенъ.

Старый эмигрантъ немедленно воспользовался даннымъ ему полномочіемъ. Хотя несостоятельность Блондо и поѣздка въ Парижъ, и убавили тысячь двадцать изъ имѣнія Деланда, приданое же дѣвицы Бешерень, смертью дяди, генеральнаго викарія, увеличилось шестидесятью тысячами, однакожъ между ихъ состояніями было слишкомъ мало разницы, чтобы президенту, давно желавшему пристроить дочь, отказать партію, которой незадолго искалъ самъ. Дѣвица Бешерень, недорожившая дѣвическою свободою болѣе, нежели сколько слѣдуетъ совершеннолѣтней дѣвушкѣ, и которой притомъ Деландъ былъ непротивенъ, очень охотно согласилась. Одинъ только недостатокъ нашла она въ женихѣ, изувѣченный палецъ, который замѣтила однажды, когда онъ игралъ на скрипкѣ, въ концертѣ, устроенномъ г-мъ Луазеле во время брачныхъ переговоровъ. Старикъ замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на богатую невѣсту раною своего друга, ловко разсѣялъ это непріятное впечатлѣніе.

— Деландъ, сказалъ онъ ей, отведя ее въ сторону, обыкновенно приписываетъ увѣчье пальца, которое вы вѣроятно замѣтили, случайному паденію изъ экипажа; но такъ-какъ онъ на васъ женится, и свадьбу эту отчасти ускорилъ я, то я считаю обязанностію открыть вамъ истину. Прошу васъ только, чтобы она осталась между нами. Деландъ получилъ рану на дуэли, произшедшей изъ политическаго спора, дѣлающею ему честь. Я предупреждаю васъ объ этомъ, чтобы вы старались пріобрѣсти надъ нимъ вліяніе, и сдерживать его горячность, онъ исполненъ прекраснѣйшихъ качествъ, но когда дѣло коснется чести, онъ настоящій левъ.

Какой женщинѣ не лестно, выходить за человѣка, достойнаго громкаго прозванія льва; ловкое объясненіе г. Луазеле, отвратило единственное препятствіе, которое можно было ожидать со стороны невѣсты; благодаря дѣятельному вмѣшательству стараго эмигранта, черезъ два мѣсяца по возвращеніи изъ

Парижа, Деландъ шелъ къ вѣнцу съ дѣвицею Бешерель; бракъ ихъ благословилъ Д*** скій епископъ, желавшій этимъ почтить судейское сословіе, къ которому принадлежали женихъ и его тесть.

Въ настоящее время, всѣ дѣйствующія лица нашей повѣсти продолжаютъ свой путь по прежнему, кто въ Парижѣ, кто въ Д***; годъ, протекшій послѣ разсказанныхъ нами событій, весьма мало измѣнилъ ихъ образъ жизни. Закулисная хроника разсказываетъ, что г. Піаръ, оставшись вѣренъ своей невѣрности, усердно ухаживаетъ за молоденькою танцовщицею, которая, говоря языкомъ Блондо, не перешла еще изъ разряда *крысъ* въ разрядъ *тигровъ*. По безмолвному взаимному уговору, г. статскій совѣтникъ, въ вознагражденіе за свободу, которую женѣ его угодно предоставлять ему, и которую онъ употребляетъ во зло, принужденъ былъ отречься отъ послѣднихъ остатковъ супружеской власти, какіе еще удерживалъ. Г-жа Піаръ, по прежнему прекрасная и добродѣтельная, пользуется еще большимъ противъ прежняго могуществомъ и господствуетъ въ своемъ домѣ.

Блондо де-Гюстанъ вышелъ изъ тюрьмы, благодаря великодушію и преданности г-жи Марманкуръ, этой грѣшницы Магдалины, для которой не наступилъ еще часъ покаянія; но должно полагать, что ему въ тюрьмѣ было весьма спокойно и весело, ибо онъ болѣе, чѣмъ когда-либо пустился въ займы, подъ незаконные проценты.

Викторъ Деландъ, съ годъ уже получившій титулъ супруга, а на дняхъ—титулъ отца (я только-что получилъ о томъ извѣстіе) наслаждается покойною, скромною, однообразною жизнью, которая правда, не есть счастіе (да и гдѣ его искать), но по-крайней-мѣрѣ, приближается къ нему, сколько дано человѣку приблизиться къ счастію. Чрезъ присоединеніе къ своему состоянію имѣнія жены, онъ сталъ богатъ для своего небольшаго городишка, и постоянное спокойствіе начинаетъ вознаграждать въ его глазахъ отсутствіе болѣе живыхъ и утонченныхъ наслажденій, которыхъ не можетъ доставить ему провинція онъ исполняетъ обязанности своей должности безъ любви, но и безъ отвращенія, ибо женитьба, создавъ ему новыя обязанности, привязала и къ старымъ. Деландъ любитъ жену, въ которой внѣшняя красота замѣняется добротою сердца, и иногда да-

же находитъ ее недурною, Къ тому же онъ теперь отецъ румянаго, здороваго сына, черноглазаго, какъ отецъ, и долженствующаго продолжить его родъ; словомъ, Деландъ считаетъ себя истинно счастливымъ. Да и чего же ему недостаетъ къ истинному счастію? Если подчасъ въ припадкѣ тоски и отвращенія, отъ которыхъ не освобождаютъ и самыя счастливыя положенія, вспыхиваютъ прежнія честолюбивыя мысли, не совсѣмъ еще искорененныя опытомъ, но въ самомъ этомъ раздраженіи, онъ находитъ болѣе сладости, нежели горечи; ибо удовольствіе самолюбія принадлежитъ не къ послѣднимъ наслажденіямъ души; довольно пріятно считать себя выше своей судьбы, и думать въ счастіи:—Я не могу жаловаться на свою участь; однако-же, я былъ рожденъ для чего-то высшаго!

# ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

## ТРИ СЦЕНЫ ИЗЪ «ФАУСТА»

### ГЕТЕ.

*(Переводъ Н. П. Грекова).*

### I.

### САДЪ.

*Маргарита съ Фаустомъ, Марта съ Мефистофелемъ, прогуливаются по саду.*

МАРГАРИТА.

Я вижу, унижаясь предо мной,
Меня, бѣдняжку, вы щадите,
Иль пристыдить меня хотите.
Конечно, путешественникъ такой
Довольствуется всѣмъ изъ снисхожденья;

Но васъ ли, съ вашимъ ли высокимъ просвѣщеньемъ,
Займетъ мой несмышленный разговоръ.

ФАУСТЪ.

Мнѣ слово лишь твое, одинъ твой взоръ —
Дороже, чѣмъ вся мудрость свѣта.

*(цѣлуетъ ея руку).*

МАРГАРИТА.

Ахъ, что вы, что вы! можно ль это?
Вамъ цѣловать ее? смотрите, какъ она
И загрубѣла, и черна;
Вѣдь дома, знаете: всегдашнія заботы,
А маменька глядитъ за каждою работой.

*(Проходятъ мимо).*

МАРТА.

И такъ, вы въ путешествіи всегда?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Чтожъ дѣлать? Въ этомъ наше назначенье.
Иное мѣсто, право, иногда
Съ великимъ оставляешь сожалѣньемъ,
А дѣлать нечего.

МАРТА.

Да, молоды пока,
Такъ можно по-свѣту скитаться;
Но вѣдь придетъ пора и старика,
А холостымъ въ могилу отправляться
Невесело....

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Къ несчастью моему
Все это въ перспективѣ я имѣю.

МАРТА.

Но можете помочь вы горю своему,
Занявшись ранѣе здѣсь участью своею.

*(Проходятъ мимо).*

МАРГАРИТА.

Э, полноте! долой лишь только съ глазъ
Такъ и забудете; любезнымъ быть для васъ,
Нестоитъ ничего. Гдѣ мной вамъ заниматься?
У васъ такъ много и знакомыхъ, и друзей,
Которые меня и лучше и умнѣй,—
Могу ли съ ними я равняться?

ФАУСТЪ.

О милая! повѣрь, что здѣсь зовутъ умомъ,
Нерѣдко блескъ пустой съ безсмыслицей вдвоемъ.

МАРГАРИТА.

Возможно-ли?

ФАУСТЪ.

Увы! душа простая
Въ смиреніи своемъ не сознаетъ
Своихъ достоинствъ и красотъ,
Которыя въ нее природа изливая.....

МАРГАРИТА.

Хотя-бъ подумали минутку обо мнѣ,
Объ васъ же думать я, всю жизнь мою готова!

ФАУСТЪ.

Неправдаль, вы всегда бываете однѣ?

МАРГАРИТА.

Да; хоть хозяйства нѣтъ у насъ большаго,
Но все же надо поддержать...

У насъ служанки нѣтъ, – и вымыть, и прибрать,
И комнату подместь, и съ кухней управляться,
И повязать чулокъ, потомъ туда – сюда
Бѣжать — всѣмъ этимъ я должна заняться.
А маменька моя во-всемъ, всегда
Такъ аккуратна... Вѣдь не то, чтобъ средства
Не доставало намъ жить лучше, – нѣтъ! отцомъ
Порядочное намъ оставлено наслѣдство:
Хоть маленькій, а есть у насъ и домъ
За городской заставою — и съ садомъ.
Но для меня теперь свободнѣй жизнь пошла:
Мой братъ теперь солдатомъ,
Сестра малютка умерла.
Ужъ сколько горя мнѣ съ ней было;
Но я его опять охотно бы взяла:
Такъ я малюточку любила!..

ФАУСТЪ.

И вѣрно ангелъ красотой она была,
Когда на васъ хоть мало походила?

МАРГАРИТА.

Ее сама воспитывала я.
Она, малюточка моя,
Ужъ безъ отца, сироткою родилась.
Тутъ маменька вдругъ сдѣлалась больна,
И ей болѣзнь такая приключилась,
Что чуть не умерла она.
Самой кормить ей невозможно было!
И гдѣ-бы нянчиться ей съ этимъ червячкомъ!
Тутъ я взялась, и все поила
Ее водицей съ молочкомъ.
И только на рукахъ моихъ бывало
Ребенокъ бѣдный и здоровъ,
И веселъ, и смѣется, и рѣзовъ, —
И такъ онъ росъ.

ФАУСТЪ.

И ты навѣрно ощущала
Блаженство чистое тогда?

МАРГАРИТА.

За то перенесла я много и труда:
Подъ часъ и рукъ отъ колыбели
Не отведешь – бывало прочь;
Бывало, колыбель ея всю ночь
Такъ и держу я у постели:
Пошевельнется ли она,
Или заплачетъ, иль случится,
Что такъ ребенку не поспится,
Или бѣдняжка голодна:
Тутъ поневолѣ просыпаюсь,
И хоть не хочется, встаю,
То накормлю, то напою,
То положу къ себѣ, то съ ней таскаюсь.
А ночь идетъ, а тамъ стоишь
Ты у корыта на разсвѣтѣ;
Потомъ на рынокъ побѣжишь,
Хлопочешь въ кухнѣ объ обѣдѣ.
И каждый Божій день одно —
Не очень весело оно!
За то и радости тогда бывали чаще,
И ѣлось, и спалось мнѣ слаще.

*(Проходятъ мимо).*

МАРТА.

Мы въ этомъ случаѣ несчастливы, увы!
Холостяка нѣтъ средства ужъ исправить.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

О, еслибъ это были вы,
На путь вы истинный могли – бъ меня поставить.

МАРТА.

Послушайте: хочу спросить я васъ,
Но откровенно чуръ признаться —
Встрѣчалось ли вамъ что нибудь подъ часъ.
Къ чему – бъ могли вы сердцемъ привязаться?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вѣдь есть пословица: что добрая жена,
Да собственная хата —
Дороже жемчуга и злата.

МАРТА.

Такъ къ этому у васъ душа была склонна?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Меня вездѣ учтиво принимали.

МАРТА.

Я не о томъ хотѣла васъ спросить, —
Любовь горячую вы сердцемъ испытали?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

О, позволять себѣ шутить
Намъ сь женщиной всегда опасно.

МАРТА.

Ахъ, вы непоняли меня.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Душевно сожалѣю я;
Но все же понимаю очень ясно,
Что вы добры, и милы, и прекрасны.

*(Проходятъ мимо).*

ФАУСТЪ.

И такъ, когда взошелъ я въ этотъ садъ,
Меня узнала ты сейчасъ, мой ангелъ милый?

МАРГАРИТА.

Вы незамѣтили: потупила я взглядъ!

ФАУСТЪ.

И ты, неправда-ль, мнѣ простила
Поступокъ своевольный мой,
Какъ-помнишь шла изъ церкви ты домой?

МАРГАРИТА.

Остолбенѣла я: вѣдь случая такого
Со-мною небывало никогда.
Не можетъ обо мнѣ никто сказать дурнаго —
За чтожъ, я думала, такая вдругъ бѣда?
Богъ знаетъ-чѣмъ ему могла я показаться!
И что-же вздумалось ему
Со мной такъ нагло обращаться?
Но, нехочу скрывать: незнаю почему,
А въ тотъ-же мигъ я къ вамъ душой расположилась,
И, правду коль сказать, я на себя сердилась
За то, что я на васъ сердиться не могла.

ФАУСТЪ.

О какъ, мой ангелъ, ты мила!

МАРГАРИТА. *(срывая цвѣтокъ)*

Позвольте на-минутку.

ФАУСТЪ.

Что такое?
Связать букетъ ты хочешь?

МАРГАРИТА.

Такъ, пустое....
Игра....

ФАУСТЪ.

Что?

МАРГАРИТА.

Будете смѣяться надо мной!
Подите! *(обрываетъ листки и лепечетъ про себя)*

ФАУСТЪ.

Что-же ты лепечешь, ангелъ мой?

МАРГАРИТА. *(Въ полголоса)*

Любитъ — не любитъ.

ФАУСТЪ.

О милое, чистѣйшее созданье!

МАРГАРИТА. *(Продолжая)*

Любитъ—нѣтъ—любитъ—нѣтъ. *(Вырывая послѣдній листокъ, съ радостью:)* любитъ!

ФАУСТЪ.

О ангелъ мой! пусть это слово будетъ
Тебѣ отвѣтомъ неба! да, онъ любитъ!
Ты понимаешь ли, что значитъ это: любитъ.

*(Онъ беретъ ее за обѣ руки.)*

МАРГАРИТА.

Мнѣ что-то страшно стало вдругъ!

ФАУСТЪ.

Небойся, небойся, мой другъ!
Дай выразить этому взору,
Пожатью горячему рукъ
Все то, что невыразишь словомъ!
Позволь мнѣ предаться блаженству вполнѣ,
Блаженству, о другъ мой сердечный,
Котораго съ смертью конецъ былъ-бы мнѣ,

Которое быть должно вѣчно здѣсь, вѣчно!

*(Маргарита, вырвавшись, убѣгаетъ. Онъ стоитъ нѣсколько времени въ размышленіи, потомъ уходитъ за нею.)*

МАРТА.

Ужъ наступаетъ ночь!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да, время отправляться!

МАРТА.

Еще немного – бъ я просила васъ остаться.
Да; видете-ль, такія здѣсь мѣста,
Что каждому до ближняго нужда.
Одно лишь дѣло здѣсь сосѣдамъ:
Подсматривать за каждымъ вашимъ слѣдомъ.
Изволь себя хоть ангеломъ держать,
А пересудовъ вамъ не избѣжать.
Куда-же наши – то изволили дѣваться?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Какъ птички вѣшнія, вспорхнули и рѣзвятся!

МАРТА.

Мнѣ кажется влюбиться онъ готовъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Равно, какъ и она; ужъ видно свѣтъ таковъ.

—

## II.

## БЕСѢДКА.

*(Маргарита, прибѣжавъ въ нее, становится за дверь и, приложивъ палецъ къ губамъ, смотритъ въ щель.)*

МАРГАРИТА.

Идетъ.

ФАУСТЪ.

Плутовка! ты смѣешься надо-мной —
Такъ вотъ!... *(цѣлуетъ ее.)*

МАРГАРИТА.

Люблю тебя я, милый, всей душой.

МЕФИСТОФЕЛЬ *(стучится въ дверь)*
ФАУСТЪ, *(топая ногою)*

Кто тамъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Пріятель!

ФАУСТЪ.

Звѣрь!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Разстаться не пора ли?

МАРТА. *(Приходитъ также.)*

Да, поздно ужъ, пора.

ФАУСТЪ.

Нельзя ли
Мнѣ васъ до дома проводить?

МАРГАРИТА.

Но маменька..... нѣтъ, нѣтъ, прощайте!

ФАУСТЪ.

Чтожъ, оставаться мнѣ, иль уходить?
Прощайте же!

МАРТА.

Адье!

МАРГАРИТА.

Вы насъ не забывайте.

*(Мефистофель и Фаустъ, уходятъ.)*

МАРГАРИТА. *(Про себя.)*

Ахъ, Боже мой! Подумаешь, чего
Не знаетъ онъ! Ну право, вѣдь порою,
Развѣся уши, слушаешь его,
И передъ нимъ стоишь ты дурочкой нѣмою...
Ну, что я значу?-И съ его умомъ,
Что онъ во мнѣ хорошаго находитъ?
Я часто, какъ раздумаюсь о томъ —
Такъ у меня и умъ за-разумъ тутъ заходитъ.

III.

## ГОРОДСКАЯ ОГРАДА.

*(Въ углубленіи стѣны образъ Всескорбящей Божіей Матери. (Передъ образомъ цвѣты въ сосудахъ.*

МАРГАРИТА, *(ставя свѣжіе цвѣты)*

Склони
О Всескорбящая!
Божественный взоръ свой на скорби мои!

Ты, въ сердцѣ съ мечемъ, горько зрящая
Смертъ Сына Твоего —
Ты взоры къ небу устремляешь
Къ отцу ты вздохи возсылаешь
О всѣхъ страданіяхъ его,
О скорби сердца своего.

Никто непоймет ъ здѣсь, какою
Все тѣло мое изнываетъ тоскою,
Какою печалью душа вся полна,
Какое въ груди замиранье,
Какое волнуетъ желанье,
Ты только знаешь одна.

Куда-бъ ни пошла я —
Тоска все, тоска гробовая —
Вездѣ я встрѣчаю ее.

Одна-ль остаюсь я порою:
Изъ глазъ моихъ льется слеза за слезою
И сердце все рвется мое.

Вотъ здѣсь сосуды съ цвѣтами....
Когда поутру для тебя ихъ рвала,
Я прежде слезами
Ихъ всѣ облила.

И первый лучь солнца меня
Засталъ ужъ не спящей —
Засталъ на постели сидящей:
Душа тосковала моя.

Спаси же! мнѣ страшенъ позоръ!
Ужасна мнѣ смерть предстоящая
О всескорбящая!
Ко мнѣ обрати свой божественный взоръ!

—

# ЮМОРИСТИКА.

—

## ТОЛСТЯКЪ И ТОЩІЙ.

—

### *Шуточная сцена*

Ѳ. А. КОНИ.

—

*(Написана для комиковъ Мартынова и Мора и читана въ первый разъ, на сценѣ Александринскаго Театра, въ бенефисъ послѣдняго, 26-го Апрѣля).*

—

**ТОЩІЙ.**

Ахъ, Карлъ Иванычъ! Здравствуй братъ!
Тфу пропасть! какъ взгляну я,
Куда-какъ сталъ ты слоноватъ!...
Живешь, какъ видно, не тоскуя.
Какая дивная краса!
Въ лѣсу такъ принялъ бы за буку;
Вѣдь это, просто, чудеса,
Какую отпустилъ ты штуку:

Вотъ такъ брюшко! Ни дать, ни взять,
Какъ чанъ, иль ревельская фура;
Смотри-ка, просто, не обнять...
Вотъ это подлинно фигура!

### ТОЛСТЯКЪ.

Ну, что смѣешься, суета,
Надъ тѣмъ, что вовсе не постыдно?
Вѣдь брюхо, братецъ, не мечта...
Оно и видно, и солидно!
Ты толстоту не ставишь въ грошъ,
Она-жъ краса дѣльцу, герою...
И брюхомъ часто то возмешь,
Что не достанешь головою.
Мы видимъ множество людей,
Что кое-какъ протерлись въ люди:
Одинъ—дежурилъ у дверей,
Тотъ—не жалѣлъ спины и груди,
Тотъ вышелъ—бойкимъ языкомъ,
Тотъ вышелъ—прыткими ногами,
Иные—изрѣдка—умомъ,
А чаще — длинными руками.

Но самый вѣрный талисманъ —
Подняться выше, выдти сухо:
Просторный, съ деньгами, карманъ
И — помѣстительное брюхо!

### ТОЩІЙ.

Карманъ, положимъ; это такъ!
Въ немъ положительная сила.
Но, что-же въ брюхѣ? Тутъ никакъ
Ума не приложу, мой милой!

Карманомъ можно путь прорыть,
Добыть мѣстечко, даже ласку,

Грѣшки и пятнушки прикрыть
И свой талантъ пустить въ огласку.
Карманъ превыше всякихъ думъ
И философіи туманной:
И въ свѣтѣ самый лучшій умъ —
Всегда бываетъ — *умъ карманный.*
Онъ въ книгахъ, въ службѣ и въ дѣлахъ
Почтенную играетъ ролю:
Тотъ вѣрно въ славѣ и въ чинахъ,
Кому достался онъ на долю.
Вотъ это логика моя. —
Тебя я этимъ не обижу —
Но извини, а только я
Въ брюшкѣ ума никакъ не вижу.

## ТОЛСТЯКЪ.

Ну, такъ прибѣгни, братъ, къ очкамъ!
А я наставлю твой разсудокъ.
Въ замѣнъ ума, намъ — толстякамъ
Богъ далъ укладистый желудокъ.
Гдѣ худерьба ползетъ ужомъ,
Лакея корчитъ по недѣли,
Тамъ мы идемъ прямымъ путемъ
И брюхомъ достигаемъ цѣли.

Я человѣчество кормлю,
Пою шампанскимъ и ликеромъ,
И самъ исправно ѣмъ и пью,
Чтобы завлечь другихъ примѣромъ.
За то насъ ставятъ въ образецъ,
Твердятъ: «*вотъ голова-то! вотъ дѣлецъ!*»
Глядишь — и вышелъ наконецъ —
Вотъ этакимъ манеромъ!

## ТОЩІЙ.

Теперь я понялъ! Вотъ оно

Въ чёмъ обстоятельство! Нѣтъ спору,
Обѣды, ужины, вино —
Людей выводятъ часто въ гору.
Обѣды — зажимаютъ ротъ,
Вино — источникъ произвола....
И развѣ что Искаріотъ
Предатель будетъ хлѣбосола!

Съ виномъ достоинство растетъ,
Оно въ глазахъ все удвояетъ,
Какъ человѣка разберётъ —
Такъ онъ людей не разбираетъ.

Кто ищетъ *истину* въ винѣ,
Тотъ жертва древняго обмана:
Искать ее — такъ ужъ по мнѣ,
Искать скорѣй на днѣ кармана.

А все – таки, сознайся въ томъ
Худой почтеннѣй, чѣмъ дородной:
Онъ дѣйствуетъ своимъ умомъ,
Идетъ дорогой благородной;
Худой не давитъ никого,
Онъ точно тѣнь вездѣ протрется....
«*Вотъ тонокъ!*» — Скажутъ про него....

**ТОЛСТЯКЪ.**

Да вѣдь гдѣ тонко, тамъ и рвется!

**ТОЩІЙ.**

Но въ тонкости есть также прокъ.
Пускай худой не Чудо-Юдо,
Да худоба, братъ, не порокъ —
И быть худымъ не такъ-то худо.
Хоть лѣтомъ, на-примѣръ: худой
Какъ быкъ не прѣетъ то и дѣло —

## ТОЛСТЯКЪ.

За то, не дрогнемъ мы зимой:
Намъ шуба — собственное тѣло.
Хоть я, возьми: кто поглядитъ,
Меня смѣшаетъ тотчасъ съ знатью;
Я подлинно вельможный видъ
Имѣю съ этой благодатью!

Довѣренность внушаетъ къ намъ
Прибавочка въ четыре пуда;
Насъ отличаютъ взоры дамъ,
Что-жъ любятъ женщины — *не худо.*

Вѣдь брюхо, сударь мой, хлѣбъ-соль,
Его я съ графствомъ не смѣняю;
Чтожъ до ѣды — такъ ужъ позволь —
За четверыхъ я уплетаю!

## ТОЩІЙ.

Съ чѣмъ васъ усердно поздравляю!
Нашъ братъ всегда ѣдокъ плохой:
Живетъ онъ умственною пищей —
И бережетъ желудокъ свой;
Онъ духомъ — царь, хоть тѣломъ — нищій.
Вы обращаетесь во тьмѣ,
Онъ гонитъ мракъ и предразсудокъ;
Что онъ состряпаетъ въ умѣ —
Не переваритъ вашъ желудокъ.

За то, кто взглянетъ, говоритъ:
*«Вотъ въ этомъ, чай, ума палата;*
*«Надъ дѣломъ вѣрно все корпитъ*
*«И не выходитъ изъ халата.»*

Вотъ, мой любезный, эту честь
Пріятно заслужить въ народѣ.
А вамъ-бы только пить, да ѣсть,
Да долгъ свой отдавать природѣ.

Толстякъ лишь пузо на-показъ
Умѣетъ выставить народу,
Чтобъ въ немъ народъ призналъ тотчасъ —
Не человѣка — такъ породу.

**ТОЛСТЯКЪ.**

Ну, ну, пошёлъ!... Ужъ ты признать
Не хочешь въ насъ и человѣка.
Знать не умѣешь понимать
Ты духъ промышленнаго вѣка.

Въ нашъ вѣкъ — что *полно*, то въ ходу,
Что *осязательно* — почтенно!
Толстякъ всегда ужъ на-виду
И всѣмъ замѣтенъ непремѣнно.
Онъ не изъ жиденькихъ колѣкъ,
Его не примутъ за повѣсу;
Притомъ, чѣмъ толще человѣкъ,
Тѣмъ больше онъ имѣетъ вѣсу.
Пускай на черта онъ похожъ;
Сравненья эти не обидны —
И сколько видимъ мы вельможъ,
Которые — лишь брюхомъ видны!

**ТОЩІЙ.**

Все это такъ, согласенъ въ томъ, —
Такіе есть и между нами,
Что размышляютъ — животомъ,
А дѣйствуютъ — лишь языками.
Но это, братецъ, не резонъ!...
Что цользы въ брюхѣ для народа?
Иной изъ кожи лезетъ вонъ —
А все — *Крыловскій воевода.*

**ТОЛСТЯКЪ.**

Да что за польза въ худобѣ?
Все та-жъ, что въ высохшемъ цвѣточкѣ:

Ни аромата нѣтъ въ тебѣ,
Ни благовидной оболочки!

Худой — вѣдь это кто такой?
Онъ долженъ быть иль тощій скряга,
Или художникъ испитой,
Иль журналистъ, или сутяга!

Онъ не растѣніе, а — мохъ!
Отъ желчи — высунулъ всѣ кости,
Отъ честолюбія — изсохъ,
Или скоробился — отъ злости.
На-вѣкъ отверженный судьбой,
Онъ не лицо, а.... просто.... пряникъ!

Не отличались худобой
Ни Крассъ, ни Цесарь, ни Британикъ,
А толстота играетъ роль
Въ исторіи всемірной — шутка!
*Карлъ Толстый*, братецъ, былъ король,
А укажи-ка тонкаго-то, — нутка!

## ТОЩІЙ.

Да что исторія — пустякъ!
Вѣдь это сказка малолѣтнымъ....
*Кащей* — былъ то-же не толстякъ,
А прозвали-жъ его — *безсмертнымъ*.
Нѣтъ, тонина — на всѣхъ пошлюсь,
Для человѣка украшенье,
И тонкій умъ и тонкій вкусъ
Пріятны всѣмъ безъ исключенья.
Взгляни на женщинъ — вотъ урокъ:
Межъ ними разница какая?
Какъ съ тонкой тальей: — ангелокъ,
А съ толстой: — бочка полнивная.

Въ примѣръ возмемъ мы хоть вино:
Ты скажешь, расхваля иное:
«Какое тонкое оно!...»

**ТОЛСТЯКЪ.**

Да, *тонкое*, но не *худое*.

**ТОЩІЙ.**

Ну вотъ, опять свое занёсъ!
Не все-ль равно, что *худо*, *тонко*?...
Не въ словѣ братецъ мой вопросъ...
*Худой* — незвучно, *тонкій* — звонко....
Все дѣло въ разницѣ.

Худой.

Въ сравненьи съ толстымъ — единица,
А толстый просто нуль пустой,
Да и въ нули-то не годится.

**ТОЛСТЯКЪ.**

Не отливай ты этихъ пуль!
Все это — вздорное сравненье:
При сотняхъ тысячъ, даже *нуль*
Имѣетъ важное значенье.

Толстякъ эмблема красоты:
Въ немъ *кругло* все, шарообразно,
Не угловатъ онъ, такъ-какъ ты,
И не изломанъ безобразно.
Все *круглое* къ себѣ влечетъ;
О кругломъ только всѣ мечтаютъ:
Всѣ людя любятъ круглый счетъ,
И всѣ они весь круглый годъ
Свои доходы округляютъ.

**ТОЩІЙ.**

Ну вотъ нашелъ въ чемъ красоту!
Вишь дрожки хуже тарантаса!

Толстякъ — дипломъ на простоту,
Кусокъ откормленнаго мяса.

Меня удобнѣе согнуть,
Я меньше мѣста занимаю,
Не заграждаю людямъ путь,
Другихъ собой не заслоняю.
Во всемъ я выду молодцомъ:
Нужна затяжка — затянуся,
Поклоны нужны — я кольцомъ,
Нужна развязность — развернуся,
И не ударюсь въ грязь лицомъ.
А ну-ка, толстый, ты попробуй
Такъ повертѣть своей особой!
Нѣтъ, съ полновѣсною утробой,
Ты запоешь, братъ, пѣтухомъ.

## ТОЛСТЯКЪ.

Да, братецъ, дѣло-то не въ томъ:
На-счетъ красы, а не вертѣнья,
У насъ съ тобой различны мнѣнья.

Какъ эта разница проста
Поймешь ты безъ усилій мозга:
Я — въ мірѣ — *точка*, ты — *черта*;
Толстякъ есть—*дубъ* [redacted] а тонкій—*розга*.
У васъ лощина на груди,
Мы — носимъ грудь, какъ словно гору,
Объ васъ уколешься — гляди;
На насъ хоть выспись въ ту-же пору.
Мы гаркнемъ — стѣны задрожатъ,
Пищите вы, какъ канарейки;
Нашъ братъ, положимъ, автоматъ,
Вы-жъ — маятникъ судьбы злодѣйки.

## ТОЩІЙ.

Живемъ на *тонкой* мы ногѣ.

**ТОЛСТЯКЪ.**

Мы ходимъ *твердою* ногою.

**ТОЩІЙ.**

Вы—точно тыква въ творогѣ.

**ТОЛСТЯКЪ.**

А вы — какъ точка съ запятою.

**ТОЩІЙ.**

Ужъ насъ портной не обочтетъ....

**ТОЛСТЯКЪ.**

Намъ онъ все дѣлаетъ съ запасомъ.

**ТОЩІЙ.**

Народъ насъ въ давкѣ не сожметъ....

**ТОЛСТЯКЪ.**

Чернь раздвигаемъ мы баркасомъ.

**ТОЩІЙ.**

Намъ мягче стелютъ, слаще спимъ....

**ТОЛСТЯКЪ.**

А мы храпимъ и безъ перины.

**ТОЩІЙ.**

Мы за Европою слѣдимъ....

**ТОЛСТЯКЪ.**

А мы живемъ, какъ мандарины.

ТОЩІЙ.

Извощикъ каждый насъ везетъ,....

ТОЛСТЯКЪ.

Нашъ братъ пѣшечкомъ маршируетъ.

ТОЩІЙ.

Ужъ насъ ударъ не пришибетъ...

ТОЛСТЯКЪ.

А насъ горою не раздуетъ!

ТОЩІЙ.

Такъ значитъ, споръ-то нашъ пустой?

ТОЛСТЯКЪ.

Да я такъ думаю, любезный!
Хорошъ и *толстый* и *худой*,
Когда они другимъ полезны.
Нужна намъ ближняго рука,
Чтобъ жить и цѣло и здорово:
Худой поддержитъ толстяка,
А толстый защититъ худаго.

ТОЩІЙ.

Ну, такъ ударимъ по рукамъ!
Я предъ тобой благоговѣю,
И не поднямъ, а по часамъ,
Готовъ толстѣть подобно вамъ....

ТОЛСТЯКЪ.

А я, пожалуй, — похудѣю!

## ТОЩІЙ.

Брюшко и худоба не грѣхъ,
Все это свѣтъ считаетъ вздоромъ,
Но въ свѣтѣ, чтобъ имѣть успѣхъ
Хорошимъ надо быть актеромъ.

# ТЕАТРАЛЬНАЯ

# ЛѢТОПИСЬ.

—

## АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

—

Монте-Кристо. Драма въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ.

Приключеніе въ Палюстровѣ. Оригинальная шутка-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Акселя.*

*(Бенефисъ г-жи Сосницкой.)*

Чтобъ передѣлывать романы въ драмы надо имѣть большое искусство. Многіе критики утверждали, что это дѣло рѣшительно невозможное. Но такой рѣзкій приговоръ весьма неоснователенъ. Почему не можетъ быть выставлено на сценѣ событіе, которое развивается передъ читателемъ въ живомъ

разсказѣ? Если въ этомъ разсказѣ есть движеніе, если лица его имѣютъ опредѣленные характеры, если въ дѣйствіяхъ ихъ есть драматическое начало, то почему же не перевести его на языкъ сценическій, почему не перелить въ форму драмы?

Но, повторяемъ, для этого надо имѣть большое искусство. Нельзя брать сцены цѣликомъ изъ многосложнаго романа и переносить ихъ на театральные помосты безъ внутренней связи, безъ идеи, которая служила бы зрителю путеводною нитью, замѣняя собою особу разсказчика въ романѣ. Потомъ, самый выборъ сценъ—есть дѣло великое. Въ романѣ допускаются пояснительные эпизоды, на сценѣ они невозможны, безъ явнаго нарушенія единства дѣйствія. Зритель не долженъ быть развлекаемъ побочными дѣйствіями, которыя охлаждаютъ возрастающій интересъ главнаго происшествія или темы драмы.

Три необходимыя достоинства требуются отъ передѣлывателя романовъ въ драмы: *драматическій тактъ* или умѣнье выбирать впопадъ, совершенное *знаніе сцены* и *талантъ воссозданія*, или иначе — творчество. Безъ этихъ качествъ, онъ никогда не можетъ имѣть успѣха.

Романъ развиваетъ жизнь и характеры своихъ дѣйствующихъ лицъ во всей ихъ подробности, съ мельчайшими оттѣнками. Если нельзя выразить ихъ вполнѣ въ самыхъ дѣйствіяхъ героевъ, онъ пополняетъ ихъ разсказами другихъ, побочныхъ лицъ, или описаніями самаго автора, который, какъ разсказчикъ, бесѣдующій съ читателемъ, всегда главное лице въ романѣ. Авторъ выступаетъ на сцену, въ промежуткахъ дѣйствія, и какъ режиссеры во времена Шекспира, объясняетъ мѣстность и пружины, приводящія его лица въ движеніе.

Въ драмѣ авторъ исчезаетъ: мысль и намѣреніе его воплощаются въ герояхъ, которыхъ онъ выводитъ передъ зрителемъ; характеры должны быть сосредоточены и полны; жесты и мимика лицедѣя замѣняютъ здѣсь слово романиста, декораціи и костюмы — его описанія. Въ развитіи сценическаго характера нельзя допустить мелочей и подробностей, надо, чтобъ онъ обозначался рѣзкими чертами, по которымъ зритель могъ-бы легко угадать мелкія тѣни и переходы: это живопись альфреско. Нельзя провести по сценѣ цѣлую жизнь человѣка, потому, что жизнь—не есть безпрерывная борьба, она имѣетъ

и спокойныя минуты, не принадлежащія драмѣ. Въ сценическомъ произведеніи можно схватить одинъ только моментъ изъ этой жизни, моментъ, когда всѣ силы души пробуждены, когда воля и разумъ подчинены одной господствующей идеи, подъ гнетомъ одной, неотразимой страсти. Будь эта идея — истина или гипотеза, все равно; когда она естественна, когда источникъ ея сердце человѣческое, когда она слѣдствіе внутренняго побужденія, когда проникнута искреннимъ убѣжденіемъ — она всегда будетъ въ высшей степени драматическою и возбудитъ участіе зрителя. Тактъ драматурга состоитъ именно въ умѣньи подмѣтить и схватить этотъ моментъ въ романѣ, сдѣлать его основною точкою драмы, и изъ нея уже выводить всѣ послѣдствія, соразмѣряя ихъ съ кругомъ дѣйствія, который начертываетъ основная идея и не увлекаясь за рубежъ этаго круга.

Не все то можетъ быть занимательно на сценѣ, что интересуетъ въ романѣ. Въ романѣ читатель за-одно съ авторомъ, воображеніе его работаетъ и дополняетъ собственными красками картины недорисованныя. Зритель видитъ на сценѣ олицетвореніе, осязаемые образы, которые прямо должны дѣйствовать на его чувства, безъ всякихъ внутреннихъ усилій съ его стороны. Въ романѣ читатель прибавляетъ къ разсказу событія — свои образы, движенія, выраженіе чувства. На сценѣ эти разсказы должны превращаться въ дѣйствіе и производить впечатлѣніе готовыми образами. Искусство переливать описанія въ личности, превращать разсказъ въ дѣйствіе, придавать всему этому правильный ходъ, силу и выпуклость, устранять все, что вредитъ ясности и послѣдовательности дѣйствія—называется въ драматургѣ *знаніемъ сцены.*

Но и этаго еще мало для драматурга: ему нужно творчество. Драма не эпосъ, которому вся природа, со всѣми ея явленіями и подробностями, служитъ основою. Романистъ пишетъ размашистой кистью, потому-что ему данъ широкій разгулъ. Онъ хватаетъ всѣ средства, которыя у него подъ рукою и могутъ служить для его цѣли; онъ рисуетъ цѣлое общество, чтобы обрисовать одного человѣка; выводитъ на сцену цѣлое поколѣніе, чтобы передъ нимъ въ рельефѣ выставить одно лицо; его герой имѣетъ прошедшее и будущее, съ которыми читатель знакомъ коротко, потому, что вмѣстѣ съ

романистомъ переживаетъ всю жизнь его героя. Не то въ драмѣ. Это туго натянутое полотно на опредѣленную раму. Въ данномъ пространствѣ художнику предстоитъ изобразить все, и внѣшній и внутренній міръ; не время, не обстоятельства создаютъ и развиваютъ характеръ героя драмы: время и обстоятельства даны, характеръ его созданъ, задача въ томъ, чтобъ разыграть битву этого характера съ временемъ и обстоятельствами, привести въ столкновеніе міръ внутренній съ міромъ внѣшнимъ и вывести изъ того заключеніе. *Прошедшее* изчезаетъ, *будущее* должно оказаться въ развязкѣ, на сценѣ одно *настоящее*, одинъ господствующій моментъ жизни героя, моментъ рѣшительный, изъ котораго истекаютъ всѣ катастрофы и всѣ послѣдствія. Въ тѣсной рамѣ драмы невозможно выставить цѣлую фалангу лицъ, имѣющихъ косвенное или прямое вліяніе на судьбу героя, они заслонятъ другъ друга, это будетъ толпа съ сотней головъ и однимъ туловищемъ, нестройное чудище съ образомъ, но безъ личности, потому что для развитія такого множества характеровъ разомъ, надо написать драму въ сто актовъ, въ которой будетъ сто господствующихъ лицъ и не будетъ ни одного героя и за которой не въ состояніи прослѣдить никакое вниманіе.

Стало-быть, въ драмѣ надо выбрать нѣсколько лицъ, въ которыхъ выразились бы духъ вѣка, состояніе общества, временныя побужденія и страсти, изъ которыхъ создаются обстоятельства, съ которыми герой драмы, воплощеніе главной мысли автора, выступаетъ на битву. Герой этотъ, соединяя въ себѣ на сценѣ идею и лицо, устраняетъ романиста—истолкователя его ощущеній, и читателя—живописца его личности. Онъ высказывается самъ: въ немъ и жизнь и форма. Искусство сосредоточивать, такимъ образомъ, главную идею въ одинъ фокусъ, въ героя пьесы, выставлять время, общество и обстоятельства—въ немногихъ, но вѣрно начертанныхъ образахъ, давать событію естественный и сжатый ходъ, чуждый побочныхъ поясненій, выражать все дѣйствіемъ, а не разсказами—называется искусствомъ *воззданія*.

Такое искусство требуетъ большаго таланта и авторъ, составляющій хорошую драму изъ романа, можетъ смѣло почесться ея творцомъ, потому-что на аренѣ болѣе тѣсной, при средствахъ болѣе ограниченныхъ, съ условіями болѣе строги-

ми, вынесъ такую же побѣду, какую романистъ стяжалъ при нестѣсняемой свободѣ и безусловномъ произволѣ.

Вотъ все, что можно сказать о теоріи передѣлыванія романовъ въ драмы, но изъ этой теоріи видно, что такой литературный метаморфозъ возможенъ и дозволителенъ, при условіи, чтобы авторъ владѣлъ драматическимъ тактомъ, знаніемъ сцены и искусствомъ возсозданія.

Изъ всѣхъ современныхъ романистовъ, Александръ Дюма именно тотъ авторъ, котораго романы скорѣе всѣхъ укладываются въ драму, потому-что онъ по преимуществу драматиченъ. Драмы Дюма, по своей запутанности и многосложной завязкѣ, настоящіе драматизированные романы; романы его за то—истинные драмы. Какъ романиста-Дюма упрекаютъ въ недостаткѣ глубины, но никто не упрекнетъ его въ недостаткѣ занимательности. Это происходитъ именно оттого, что онъ, какъ драматургъ, прячется за кулисы и заставляетъ дѣйствовать своихъ героевъ, и полнотою ихъ дѣйствія, замѣняетъ философское и поэтическое развитіе подробностей ихъ характеровъ, не бросая въ ихъ души того пытливаго и проницательнаго взгляда, который, подобно тетоскопу, открываетъ жизненное движеніе въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ человѣческой организаціи. Жизнь кипитъ въ его романахъ, она разыгрывается передъ глазами такъ ярко и правдоподобно, что читатель завлеченъ невольно и самъ становится дѣйствующимъ лицомъ, принимая теплое участіе во всѣхъ интересахъ, которые навязываетъ ему авторъ. Въ этомъ состоитъ главная сила и могущество драматурга. Но Дюма любитъ разнообразить свой разсказъ эпизодами, которые мастерски соединяетъ между собою нитью главнаго событія; у него всѣ сцены изложены въ драматической формѣ, всѣ лица въ движеніи, но драматическая форма и движеніе въ романѣ—совсѣмъ не такого рода, какъ ихъ требуетъ сцена. Въ романѣ драматизмъ и движеніе внѣшніе, потому-что внутренное движеніе, по большей части, объясняется въ разсказѣ; сцена-же требуетъ, чтобъ внутренное и внѣшнее движеніе проявлялись вмѣстѣ и шли рука объ руку, чтобы послѣднее было слѣдствіемъ перваго, а первое было довольно сильно, чтобы придать жизнь и энергію послѣднему. Безъ этаго условія, движеніе на сценѣ—будетъ про-

сто суетою, а не дѣйствіемъ, и не произведетъ желаемаго впечатлѣнія.

Драматургъ, который потрудился для бенефиса г-жи Сосницкой, выбралъ для драмы самый эфектный и драматичный изъ романовъ Александра Дюма «Графа Монте-Кристо.» Но онъ не послѣдовалъ при передѣлкѣ его въ драму тѣмъ правиламъ, которыя мы изложили выше: ему хотѣлось весь романъ, состоящій изъ шестнадцати томовъ, втискать въ одну пьесу, со всѣми выведенными въ немъ лицами, со всѣми эпизодами и разсказами, однимъ словомъ, ему хотѣлось сдѣлать то, что рѣшительно невозможно. И отъ желанія занять у Дюма всѣ его *эфекты*, авторъ забылъ занять у него главное—*идею* романа, ту внутреннюю пружину, которая приводитъ все въ дѣйствіе и которая составляетъ господствующій элементъ характера героя.

Дюма взялъ молодаго человѣка, съ душой теплой и сильной, съ характеромъ добродушнымъ, но энергическимъ, съ умомъ необразованнымъ, но свѣтлымъ; въ низкой сферѣ, въ которой онъ обращается, авторъ доводитъ его до вершины возможнаго счастія: изъ бѣдняка и простаго судовщика, онъ дѣлается капитаномъ купеческаго корабля и готовъ жениться на дѣвушкѣ, для которой трудился всю жизнь и которую любитъ больше жизни. Въ этотъ самый моментъ верховнаго его блаженства, зависть и злоба людей лишаетъ его всего. Посредствомъ подлой клеветы, доноса и самой преступной интриги—онъ очутился въ темницѣ, изъ которой ему никогда не суждено выйти, и гдѣ онъ въ самомъ разгарѣ жизни и силъ, погребенъ заживо. Здѣсь, въ этомъ незаслуженномъ испытаніи—характеръ его закаляется въ сталь. Судьба посылаетъ ему товарища, въ особѣ аббата Фарія, человѣка, въ которомъ осуществился восьмнадцатый вѣкъ, со всѣми его свѣдѣніями и заблужденіями, человѣка, который могъ бы сдѣлаться свѣтильникомъ міра по своему уму и познаніямъ, и который гаснетъ въ безвѣстности, въ душной атмосферѣ темницы: этотъ товарищъ становится его наставникомъ и образователемъ. Освободившись чудеснымъ образомъ изъ темницы, бѣднякъ Дантесъ, вслѣдствіе тайны, открытой ему Фаріемъ, находитъ неисчерпаемый кладъ и спѣшитъ на-родину, чтобы обнять всѣхъ дорогихъ его

сердцу. Что-же онъ узнаетъ? Тѣ самые, кого онъ такъ любилъ, о комъ мечталъ въ своемъ заточеніи, были его клеветниками и доносчиками; одинъ—его предалъ, другой увѣрилъ невѣсту—въ его смерти и самъ на ней женился; и всѣ эти негодяи на вершинѣ счастія, въ чинахъ, и почестяхъ, утопаютъ въ изобиліи, между тѣмъ, какъ отецъ его умеръ отъ голоду, и благодѣтель его, разоренный ими, готовъ застрѣлиться, чтобы не сдѣлаться безчестнымъ должникомъ. Этотъ ударъ для Дантеса хуже самаго заключенія, тамъ его еще одушевляла надежда освободиться, найдти честныхъ друзей, любящія сердца; здѣсь весь міръ для него разрушенъ, всякая вѣра гаснетъ въ его сердцѣ. Провидѣніе пощадило преступниковъ, но деньги дѣлаютъ все на свѣтѣ, а онъ владѣетъ ими въ избыткѣ, и вотъ все, что доставилъ ему слѣпой случай, онъ хочетъ употребить на то, чтобы быть ихъ судьею на землѣ, чтобы разрушить ихъ счастіе, какъ они разрушили его жизнь, и, наконецъ, пробудить въ нихъ совѣсть самыми тяжкими страданіями. Съ этой минуты, всѣ его поступки клонятся къ этой цѣли, мысль о мщеніи—становится его маніею, и въ то время, какъ его всѣ прославляютъ, когда повсюду ему завидуютъ, онъ страдаетъ невыразимо. Достигнувъ своей цѣли, уничтоживъ враговъ своихъ нравственно, сорвавъ съ нихъ личины передъ свѣтомъ, онъ немногихъ честныхъ людей, которыхъ встрѣтилъ въ этомъ испорченномъ обществѣ, даритъ счастіемъ, а самъ исчезаетъ, какъ мечта, какъ замогильный призракъ, который, исполнивъ свое назначеніе, опять скрывается въ землю.

Вотъ мысль и сюжетъ романа Дюма, вотъ основа характера его главнаго героя. Нельзя не сознаться, что въ этой мысли есть всѣ данныя для хорошей драмы, что въ этомъ лицѣ кроется глубокая человѣчественная идея; въ немъ есть что-то Гамлетовское! Борьба сердца съ этой неотразимой мыслью о мщеніи, какъ будто возложенномъ на него свыше, дѣлаетъ Дантеса или Монте-Кристо въ высшей степени драматическимъ лицомъ.

Какъ-же воспользовался всѣмъ этимъ русскій драматургъ? Въ прологѣ, который долженъ знакомить зрителя съ дѣйствующими лицами драмы, онъ выводитъ ихъ по одиначкѣ, одно за другимъ, какъ въ волшебномъ фонарѣ, но не даетъ ни одному изъ нихъ оттѣнка, не рисуетъ ихъ характеровъ, страстей и побужденій. За что Дангляръ ненавидитъ Дантеса?—Неиз-

вѣстно. Какіе необузданные порывы страсти побуждаютъ Фернанда на низкій поступокъ, не свойственный его правиламъ? — Неизвѣстно. Въ немъ замѣтна только тихая грусть о томъ, что женщина, которую онъ такъ же любилъ, выходитъ за другаго. Но эта женщина, его двоюродная сестра, этотъ другой—другъ ея, взаимная любовь молодыхъ людей—залогъ ихъ счастія, которое должно быть дорого честному человѣку, а Фернандъ честный человѣкъ. Почему же онъ вдругъ дѣлается извергомъ?—Неизвѣстно. Причины, почему Вильфордъ губитъ Дантеса, темны, загадочны, не довольно объяснены зрителю. Проглядѣвъ прологъ, зритель остается равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ лицамъ, потому что авторъ не возбудилъ въ немъ участія ни къ одному изъ нихъ. За что ему любить Дантеса?—онъ невидалъ ни одной благородной черты его характера; за что жалѣть его?—онъ не оправданъ въ его глазахъ въ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ. За что зрителю ненавидѣть Данглара? Онъ видитъ въ немъ политическаго фанатика, который преданъ своимъ убѣжденіямъ и на ихъ основаніи дѣйствуетъ честно. Авторъ не выставилъ на видъ его черствой, завистливой и корыстной души. Въ Морелѣ зритель видитъ только толстаго господина въ синемъ фракѣ, съ свѣтлыми пуговицами; а между тѣмъ, это доблестнѣйшее лицо всего романа, съ глубокимъ и сильнымъ характеромъ. Лицо невѣсты Дантеса, рыбачки Мерседы, нарисованное Дюма такими трогательными и благородными чертами, въ драмѣ ничтожное, плаксивое созданіе. Когда вы впослѣдствіи узнаете, что она вышла за другаго, это васъ нисколько не удивляетъ. Авторъ не открылъ вамъ, что Дантесъ ея воспитатель, что она, сиротка, съ-тѣхъ-поръ, какъ стала сознавать себя, любила его, какъ своего благодѣтеля, что эта любовь росла вмѣстѣ съ нею и обратилась ей въ жизнь, что весь міръ для нея сосредоточивался въ этомъ благородномъ молодомъ человѣкѣ, который жилъ и трудился только для того, чтобы утѣшать и счастливить этого милаго ребенка. Онъ не открылъ вамъ, что потерять Дантеса, для Мерседы тоже, что умереть, что обладаніе ею, была самая завѣтная мечта Дантеса, мечта, которой онъ не смѣлъ предаваться изъ боязни, что она можетъ быть не осуществится. И въ ту минуту, когда они оба достигаютъ до вершины вообразимаго для нихъ счастія, ихъ разлучаютъ.

Понимаете-ли, какъ сильно должна потрясти такая катастрофа зрителя, если онъ къ ней приготовленъ; какой эфектъ можетъ произвесть на сценѣ минута ихъ разлуки, если она хорошо развита!

Авторъ не сдѣлалъ изъ нея ничего и зритель остался холоднымъ. При такой важной ошибкѣ съ перваго шага, остальное дѣйствіе драмы прошло, какъ фантасмагорія, пестро, разнообразно, но безотчетно, загадочно, безъ всякаго внутренняго движенія. Изъ истинной драмы, вышелъ какой-то разнохарактерный дивертисманъ, въ разговорахъ, только безъ пляски.

Во второмъ актѣ вы въ темницѣ. Дантесъ разсыпается въ длинныхъ проклятіяхъ и сѣтованіяхъ и двадцать разъ повторяетъ, что онъ невиненъ. Но это долженъ бы уже знать зритель, еслибъ авторъ поступилъ, какъ слѣдуетъ, въ первомъ дѣйствіи или прологѣ. Теперь же, несмотря на всѣ увѣренія заключеннаго, зрителю все еще невѣрится и онъ почти готовъ сказать: *по-дѣломъ вору и мука.* Выползаетъ Фарія и широкоглаголиво разсказываетъ исторію среднихъ вѣковъ въ Италіи, исторію своихъ предковъ и все это для того, чтобъ открыть Дантесу тайну о кладахъ острова Монте-Кристо. Съ самаго своего появленія, онъ уже предупреждаетъ зрителя, что тотчасъ по окончаніи своего монолога, онъ намѣренъ умереть. Вѣроятно для того, чтобы подольше пожить, онъ тянетъ безконечно свой разсказъ, а когда, по окончаніи его, онъ ложится и преспокойно умираетъ, зритель зрезвычайно радъ, что избавился отъ этого скучнаго говоруна. Вотъ впечатлѣніе, которое производитъ аббатъ Фарія, это дивное лицо въ романѣ, которое занимаетъ и трогаетъ читателя съ перваго съ нимъ знакомства до послѣдней своей минуты, въ которомъ затаена глубокая идея могущества воли и ума человѣческаго и вся сила животной природы, и съ которымъ читатель разстается со слезами. Сцена кончины Фаріи и прощанія съ нимъ Дантеса, который снова осужденъ на одиночество,—въ романѣ поразительна, трогательна и въ высшей степени—художественна. Въ драмѣ ея вовсе нѣтъ. Здѣсь Фарія интересенъ только по своей бородѣ и служитъ опроверженіемъ словъ того глубокаго наблюдателя, который сказалъ, что передъ смертію у *мужчины* послѣ всего останавливается *сердце*, а у *женщины* послѣ

всего—*языкъ*. Освобожденіе Дантеса изъ темницы не довольно объяснено зрителю и остается загадочнымъ: въ романѣ оно въ дѣйствіи и заставляетъ трепетать читателя. Весь второй актъ, длинные два монолога, безъ всякаго внутренняго и внѣшняго движенія.

Третье дѣйствіе, въ которомъ Дантесъ является къ трактирщику Кадруссу за справками о лицахъ перваго акта, ничтожно и совершенно лишнее. Приведи авторъ Дантеса на родину, заставь его постепенно разочаровываться во всѣхъ своихъ мечтахъ и вѣрованіяхъ въ жизнь, людей и счастіе, представь ему людей, которымъ онъ не сдѣлалъ никакого зла, его палачами, во всей чернотѣ ихъ души и во всемъ блескѣ величія, которымъ они окружены въ свѣтѣ; представь Вильфора, королевскаго прокурора, которому поручена сульба людей, приносящимъ на жертву невинныхъ для своихъ личныхъ видовъ; представь страшную кончину отца голодной смертію; измѣну любимой женщины, облагодѣтельствованной имъ и вышедшей замужъ за его врага и доносчика— и тогда изъ этаго попранія правосудія, любви, человѣческаго чувства, всего святаго на землѣ — вышла бы драма потрясающая. При такихъ ударахъ, очень понятно разочарованіе человѣка, для котораго въ одинъ моментъ исчезаетъ все, что привязывало его къ міру, и прошедшее и будущее, и мысль сдѣлаться орудіемъ Провидѣнія на землѣ становится естественною и оправдываетъ всѣ его послѣдующіе поступки, нисколько не охлаждая къ нему участія зрителя, который видитъ въ немъ невольнаго злодѣя, дѣйствующаго, какъ судьба, для высшихъ цѣлей.

Но этаго нѣтъ въ романѣ, скажутъ намъ; справедливо; для того-то и требуется отъ драматурга талантъ возсозданія, чтобы онъ дополнялъ то, что необходимо въ драмѣ и безъ чего можетъ обойтись романъ, а не былъ бы простымъ перелагателемъ разсказа въ разговоры.

Къ третьему дѣйствію приклеенъ хвостъ, подъ названіемъ: *Дань благодарности*. Это превосходная семейная картина Морелей, которая такъ естественна, такъ трогательна въ романѣ, и которая въ драмѣ расцвѣчена какими-то мистическими красками. Морель выставленъ резонеромъ, дѣти его—туманные образы, безъ личности; несчастія, его постигшія, загадочны; памѣ-

реніе старика застрѣлиться непремѣнно въ извѣстный часъ и минуту — свидѣтельствуетъ, какъ бы о сумасшествіи; приходъ потонувшаго корабля необъясненъ зрителю; тайная записка къ его дочери, которою ее приглашаютъ въ какое-то захалустье, къ незнакомому мужчинѣ, для спасенія отца, придумана очень неловко и неправдоподобно и оставляетъ въ зрителѣ тайную догадку, хотя и оправдываемую дочернимъ самоотверженіемъ, но весьма невыгодную для молодой дѣвушки, составляющей украшеніе этого почти святаго семейства, котораго главная черта— *честь*. Картинное появленіе въ концѣ дѣйствія Дантеса — эффектъ балетный. Вотъ здѣсь, гдѣ бы автору слѣдовало слѣпо передать мысль романиста, онъ прибѣгнулъ къ передѣлкѣ — и весьма некстати. Почему-бы не вывести Дантеса подъ видомъ купца-англичанина, какъ онъ является у Дюма? Разговоръ его съ Морелемъ объяснилъ бы зрителю несчастія, постигшія честнаго негоціанта, и развернулъ бы ярко его характеръ; онъ пояснилъ бы также, что Дантесъ становится его спасителемъ — и дѣйствуя въ этомъ случаѣ по внутреннему побужденію, не ищетъ награды въ благодарности этого семейства, которое уважаетъ за его добродѣтели. Это раскрыло бы зрителю душу самаго Дантеса и возбудило бы къ нему еще болѣе участія; Юлію избавило бы отъ невыгодной для ея цѣломудрія — arrière pensée, а драму — отъ мелодраматической и вовсе неизящной послѣдней картины. Все это доказываетъ, что авторъ не вполнѣ владѣетъ драматическимъ тактомъ.

*Четвертое дѣйствіе* состоитъ изъ трехъ картинъ: первая представляетъ свиданіе двухъ галерныхъ бѣглецовъ; вторая— воровство въ загородномъ домѣ Монте-Кристо, и обѣ совершенно лишнія; третья — мщеніе Дантеса его врагамъ. Вотъ главный моментъ драмы — ея развязка. Но эта развязка на сценѣ представляетъ такую путаницу, что можно-бы, кажется, назначить премію тому, кто ее поймётъ. Что касается до насъ, мы откровенно сознаемся, что преміи не заслужили. Мы видѣли на сценѣ множество лицъ: какіе-то мальчики сильно хорохорились, говоря, что пострѣлятъ черезъ графу Монте-Кристо; какой-то журналистъ старался увѣрить всѣхъ, что статью въ его журналѣ писалъ не онъ, а его *помощникъ*, т. е. сотрудникъ; какой-то толстый господинъ хлопоталъ занять у Дантеса или Монте-Кристо денегъ; барыни суетились, болтая смутно о

какихъ-то отравленіяхъ и о чьихъ-то свадьбахъ; всѣ имена драмы летали на языкахъ дѣйствующихъ лицъ — безъ отчетливаго смысла. Наконецъ явился графъ Монте-Кристо при крикахъ и воплякъ, при какихъ ни одинъ порядочный человѣкъ не входитъ ни въ одно порядочное общество; за нимъ бѣжала толпа мужчинъ и женщинъ, какъ за заморскимъ звѣремъ, котораго ведутъ по улицѣ — на-показъ. Наконецъ, онъ говоритъ, съ какимъ-то забавнымъ молодечествомъ: «вотъ наступила рѣшительная минута моего мщенія,» и начинаетъ, въ чужомъ домѣ, на балѣ, честить хозяина и всѣхъ гостей его поочередно: одному онъ говоритъ, что онъ мошенникъ, другому, что онъ воръ, третьему, что онъ убійца, а всѣмъ вмѣстѣ, что они негодяи, достойные висѣлицы. Являѣтся какая-то женщина, одѣтая по-турецки, и тоже очень широко распространяется о злокачественности графа Морсерфа. Всѣ эти обруганные графы, князья и бароны сперва пѣтушатся, потомъ смиряются и сознаются, что они дѣйствительно негодяи. Монте-Кристо объявляетъ имъ, что онъ Дантесъ, и отправляется предать ихъ въ руки правосудія.

Не говоримъ уже о идеи, спрашиваемъ: есть-ли какой нибудь смыслъ во всемъ этомъ? Для тѣхъ, кто не читалъ романа, скажемъ, что Дюма ни одной іотой не виноватъ во всей этой галиматьѣ. Стоило-ли человѣку, убитому нравственно и такъ сказать, отрѣшенному уже душею отъ здѣшняго міра, жить столько лѣтъ, столько хлопотать и трудиться, потратить столько милліоновъ, для того только, чтобы имѣть дѣтское и въ высшей степени неприличное наслажденіе, обругать всѣхъ своихъ враговъ публично? Стоило-ли писать драму въ *восьми* дѣйствіяхъ, уклончиво названныхъ картинами, для того, чтобы увѣнчать ее такою неестественною и неизящною сценою? Автору хотѣлось сосредоточить все мщеніе Дантеса въ одинъ моментъ и обрушить его громовымъ ударомъ, но этотъ громовый ударъ разсыпался въ дребезги и не произвелъ никакого дѣйствія, потому-что наносящій его, явился самъ ничтожнымъ, бездушнымъ, смѣшнымъ и жалкимъ мстителемъ. Удивляемся только тому, какъ хозяинъ и гости, при первой его дерзости, не выкинули его въ окошко и тѣмъ не доказали автору все неправдоподобіе его сцены, потому-что въ дѣйствительной жизни, это непремѣнно бы случилось съ Дантесомъ.

А посмотрите, какъ Дантесъ исполняетъ свое назначеніе въ романѣ. Баронъ Дангляръ–банкиръ, который пользуется кредитомъ и славою честнаго человѣка: Дантесъ беретъ на него огромные кредитивы, и требуетъ денегъ въ самую критическую минуту одной изъ важнѣйшихъ операцій банкира; онъ разрушаетъ его честное имя, его кредитъ и изъ Креза—дѣлаетъ нищимъ, его–же собственною страстью къ деньгамъ и спекуляціямъ. Графа Морсерфа (Фернандо) онъ отдаетъ на позоръ общественному мнѣнію, открывъ преступные пути, по которымъ онъ возвысился, и заставляетъ его отъ стыда и угрызеній, застрѣлиться; а вдову его, Мерседу, обратиться въ прежнее состояніе. Барону Вильфору онъ мститъ еще ужаснѣе: онъ виновнѣе другихъ, потому что стоялъ выше другихъ по образованію и дѣйствовалъ низко съ нравственнымъ сознаніемъ. Жена Вильфора страстно любитъ своего сына, Дантесъ вноситъ адъ въ самое святое чувство ея души. Для обезпеченія наслѣдія любимаго сына, онъ дѣлаетъ ее отравительницею всѣхъ родныхъ ея мужа, и даже падчерицы, боготворимой отцемъ. Наконецъ, когда она сама и сынъ ея, падаютъ жертвами ея преступленій, когда чаша бѣдствія преисполнилась для Вильфора, когда оставленный всѣми, опозоренный, онъ остается одинъ и съ ужасомъ восклицаетъ: кто–же внесъ это бѣдствіе въ мое семейство? — является Монте–Кристо, какъ пробужденная совѣсть, и говоритъ: *я*—Дантесъ. Судья лишается разсудка.

Во всѣхъ этихъ родахъ мщенія, вы видите въ Дантесѣ человѣка, съ глубокозамышленной нравственною идеею. Враги лишили его того, что даруетъ въ обществѣ уваженіе и счастіе; онъ мститъ имъ тѣмъ–же, разрушая ихъ связь съ обществомъ, которое окружило ихъ счастіемъ и уваженіемъ. У банкира — онъ отнимаетъ кредитъ и честное имя; у выходца — мнимыя его заслуги и славу; у судьи неправеднаго — семейство, посредствомъ тѣхъ самыхъ преступленій, которыя онъ ежедневно немилосердо преслѣдуетъ въ уголовной палатѣ. Люди эти не преданы имъ въ руки правительства, какъ въ драмѣ, но надъ ними совершаетъ правосудіе другой, внутренній ихъ судья — *совѣсть;* они обречены не на галеры, а на глубокія нравственныя страданія, которыя жесточе всякой казни. Дантесъ собираетъ всѣ улики ихъ преступленій не для того, чтобы бросить ихъ потомъ публично въ лицо своимъ врагамъ; нѣтъ, онъ уз-

наетъ все, чтобы лучше убѣдиться въ необходимости и правосудіи своего мщенія; онъ самъ не разрушаетъ жизнь своихъ жертвъ, но только даетъ ей направленіе, создаетъ для нихъ обстоятельства, въ которыхъ они сами должны запутаться и погибнуть, вслѣдствіе своихъ собственныхъ стремленій и характеровъ. Поэтому-то именно Дантесъ и есть лицо высоко-драматическое, незапятнанное преступленіемъ даже въ самомъ своемъ мщеніи, а въ томъ видѣ, какъ его выставилъ драматургъ, онъ мелочной честолюбецъ и только.

Еслибъ авторъ принялъ на себя трудъ поглубже вникнуть въ идею романиста, онъ иначе расположилъ бы свою развязку; онъ послѣдовалъ бы въ этомъ случаѣ по стопамъ Александра Дюма, и вліяніе Дантеса на каждаго изъ его враговъ, представилъ бы въ отдѣльной картинѣ. Картины эти были бы полны истины и эфекта; въ нихъ можно бы выпукло показать характеры главныхъ лицъ пьесы, возвысить интересъ зрителя, растрогать и потрясти его. Картина семейства графа Морсерфа, со сценою дуэли его сына съ Монте-Кристо, сценою между Мерседою и Монте-Кристо, между матерью и сыномъ, сценою между Морсерфомъ и Дантесомъ, въ которой онъ ему открывается, и, наконецъ, сценою, гдѣ опозоренное Морсерфомъ семейство его покидаетъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ оно нарисовано у Дюма, произвело бы сильное и прекрасное впечатлѣніе. Картина семейства Данглара — въ противоположность къ первой — могла бы служить основою для прекрасной комедіи нравовъ и отдыхомъ для зрителя отъ вынесенныхъ потрясеній.—Картина семейства барона Вильфора, съ точностію скопированная съ Дюма, увѣнчала бы драму. Эта мать — преступница изъ любви къ сыну, этотъ неподкупный судья, на душѣ котораго лежатъ тяжкіе грѣхи, его сцена съ женою, которую онъ осуждаетъ допить ядъ, послужившій отравою для его любимой дочери, его сцена съ галернымъ бѣглецомъ, противъ котораго онъ гремитъ анаѳемой въ судѣ и который объявляетъ его своимъ отцемъ и самаго уличаетъ въ преступленіи, наконецъ, сцена свиданія его съ Монте-Кристо и помѣшательство,— все это полно трагическаго интереса; во всемъ этомъ столько глубокаго человѣческаго чувства, столько новыхъ и неожиданныхъ положеній, что не только этотъ актъ могъ бы выкупить всѣ недостатки пьесы, но, въ рукахъ хоро-

шаго драматурга, послужилъ бы даже сюжетомъ для особенной, прекрасной драмы.

Здѣсь дѣйствіе должно оканчиваться по естественному своему ходу. Можно-бы, и даже должно прибавить къ нему эпилогъ, для успокоенія возмущеннаго чувства зрителя и для окончательной черты характера героя; то есть, чтобы показать, что онъ былъ, такъ сказать, орудіемъ судьбы, перстомъ Провидѣнія, а не дѣйствовалъ по однимъ личнымъ побужденіямъ низкой страсти мщенія.

Но этотъ эпилогъ надлежало составить отнюдь не такъ, какъ составилъ его передѣлыватель. На русской сценѣ вы переноситесь въ вертепъ разбойниковъ-аристократовъ, у которыхъ превосходный поваръ, отличныя вина, вѣжливая прислуга, ни дать—ни взять, какъ въ Гамбургской или Берлинской гостинницѣ, и переноситесь для того только, чтобы посмотрѣть, какъ Данглара кормятъ обѣдомъ въ четыре милліона. Сцена эта, неимѣя ни цѣли, ни многозначительной развязки, которою она оканчивается у Дюма, становится совершенно лишнею и непонятною вставкою. Зритель послѣ нея убѣжденъ даже, что Монте-Кристо атаманъ шайки придорожныхъ грабителей. Но въ романѣ эти разбойники ничто иное, какъ люди, преданные Монте-Кристо, которые за хорошую плату берутся разыграть съ Данглaромъ комедію, потому-что Дантесъ не почитаетъ этого низкаго глупца достойнымъ болѣе важнаго наказанія.

Наконецъ, передѣлыватель заключаетъ свою драму самой странной, самой дикой и безсвязной развязкою. Въ какомъ-то подземномъ царствѣ, въ фантастическихъ чертогахъ, въ которыхъ ростутъ кораллы и золотыя яблоки, соединяются по волшебному мановенію всѣ дѣйствующія лица и гордый мститель, Монте-Кристо, употребившій всю жизнь и несмѣтныя сокровища на то, чтобы унизить и попрать эти гнусныя исчадія современнаго общества, говоритъ имъ: «забудемъ все прошлое; здѣсь, въ этомъ волшебномъ краю, мы будемъ жить всѣ вмѣстѣ, въ дружбѣ и любви, среди роскоши, изобилія и наслажденій!»

По этому образцу можно судить, въ какой степени авторъ владѣетъ талантомъ возсозданія и драматическимъ тактомъ. Заставя героя своего съ величайшимъ самоотверженіемъ, трудомъ и необычайными пожертвованіями, въ продолженіе полжизни

прорыскать по всему свѣту для отысканія уликъ на злодѣянія людей, которыхъ свѣтъ окружилъ уваженіемъ и славою; давъ ему возможность сорвать съ нихъ личины, показать, что они изверги предъ человѣчествомъ, преступники предъ законами, предатели предъ отчизною, опозорить ихъ предъ лицемъ общества, разрушить ихъ гражданское значеніе и семейное счастіе, онъ заставляетъ его, наконецъ, сказать имъ: отъ васъ страдали сотни людей, злодѣянія ваши превзошли всякую мѣру, въ васъ нѣтъ ни души, ни чести, ни Бога, вы заслужили достойную казнь и — *вслѣдствіе того* — будьте счастливы и благополучны!

Что касается до насъ, сознаемся: мы не понимаемъ такой логики. Здѣсь даже невидно обычнаго конька нашихъ классическихъ драматурговъ, *торжества добродѣтели*, конька, на которомъ они такъ любятъ волтижировать, потому-что здѣсь торжествуетъ порокъ, а добродѣтель, высуня языкъ, попусту суетится. Если принять Монте-Кристо за героя этой драмы, то въ силу послѣдней сцены.

*Герой исчезаетъ остается человѣкъ...*

и притомъ человѣкъ самый жалкій, пустой и ничтожный, который никогда не могъ быть героемъ, то есть, осуществленіемъ глубокой человѣческой идеи, и не стоилъ драматической апоѳеозы въ восемь актовъ.

А почему-бы не кончить драму тѣмъ-же, чѣмъ кончается романъ? Этой превосходной лирической сценой двухъ прекрасныхъ, любящихся существъ, которыхъ Монте-Кристо спасъ изъ всеобщаго кораблекрушенія мнимой смертью—и воззвалъ снова къ жизни, полной, свѣтлой и вдохновенной, для того, чтобы повершить свое призваніе этимъ добрымъ дѣломъ и исчезнуть, какъ волшебное видѣніе. Въ романѣ эта сцена безподобна: когда молодые любовники истощили всѣ восторги своей души, насытились разговоромъ и нѣжными взглядами, они вспоминаютъ о виновникѣ своего блаженства и спрашиваютъ: гдѣ онъ?—Слуга, вмѣсто отвѣта, указываетъ имъ на горизонтъ, гдѣ бѣлѣется парусъ уплывающаго корабля..... Монте-Кристо исчезаетъ отъ нихъ, какъ геній блага, тогда, какъ для виновныхъ

онъ былъ демономъ ада! Такимъ окончаніемъ вполнѣ поясняется идея автора романа.

Цѣль этого подробнаго разбора произведенія болѣе, чѣмъ слабаго, состоитъ въ томъ, чтобы показать возможность передѣлки романовъ и повѣстей въ драмы, при извѣстныхъ условіяхъ; и что искусная передѣлка можетъ принести столько же славы драматургу, какъ и романисту.

Но за нея не всякъ умѣетъ взяться...

Шекспиръ и Мольеръ большую часть своихъ твореній черпали изъ испанскихъ и итальянскихъ романовъ, но вносили въ свои передѣлки столько собственнаго творчества и высокихъ идей, что творенія ихъ живутъ до-нынѣ, тогда—какъ подлинники, изъ которыхъ они брали сюжеты, давнымъ-давно всѣми забыты. Но геній не всѣмъ дается на долю:

Non licet omnibus adire Corinthum!

Что касается до обстановки «Монте-Кристо»—Дирекція сдѣлала все, и даже больше, чѣмъ заслуживала эта пьеса, которую можно почесть скорѣе бенефисною *спекуляціею*, чѣмъ произведеніемъ, написаннымъ съ художественною цѣлію. Новыя декораціи, хорошіе костюмы, лучшіе артисты—все было дано для успѣха этой драмы, и несмотря на все, она пала,

Какъ могутъ падать *водевили!*

Въ балетѣ скудость содержанія можно замѣнить блестящей постановкой, потому-что балетъ говоритъ *глазу*; въ драмѣ—недостатка внутренней жизни, необходимой для сочувствія, нельзя прикрыть ничѣмъ: въ самой великолѣпной одеждѣ—она все-таки останется пустою.

За недостаткомъ хорошо нарисованныхъ и развитыхъ характеровъ, артистамъ не въ чемъ было высказать таланта и искусства. За игру ихъ упрекнуть нельзя, но можно упрекнуть за анохронизмъ въ костюмировкѣ: они мѣняли *платье* съ годами, и не мѣняли *физіогномій* съ возрастомъ; а между тѣмъ, въ продолженіе драмы, проходитъ слишкомъ двадцать пять лѣтъ. Одинъ г. Мартыновъ не воспользовался напиткомъ Каліостро и очевидно измѣнялся и лицомъ и характеромъ, за то онъ одинъ и вышелъ въ этой драмѣ изъ круга обыкновеннаго и не-

замѣчательнаго. А роль его была побочная; онъ игралъ трактирщика Кадруса.

—

Приключеніе въ Палюстровѣ—шутка, которая заставляетъ смѣяться и которой содержанія почти нельзя пересказать, потому-что его нѣтъ. Все дѣло въ трехъ словахъ: *чиновникъ даетъ балъ*. Гости наплясались, напились и улеглися спать въ повалку, до перваго дилижанса, который развезетъ ихъ изъ Палюстрова по Департаментамъ. Ночью приходятъ воры и овладѣваютъ ихъ гардеробомъ до послѣдней крайности. Поутру, хозяинъ принужденъ прикрыть ихъ наготу и они появляются на сцену, кто въ шубѣ, кто въ бекешѣ, кто въ юбкѣ и салопѣ столоначальницы. Смѣшно; чего-же больше,

Для шутки и того довольно,
Что слушаютъ ее безъ скуки, добровольно,
И можетъ иногда улыбку съ насъ сорвать.

Въ этой шуткѣ г. Мартыновъ является начальникомъ отдѣленія: это типъ, достойный карандаша Гранвиля и кисти Вилькіе. Натура поразительная, полная истины и тонкой наблюдательности! Онъ мало говоритъ и почти совсѣмъ не дѣйствуетъ, но въ этомъ немногомъ такая полнота красокъ, столько высокаго творчества, что оно составляетъ мастерское произведеніе въ своемъ родѣ. Благодаря этому лицу, водевиль имѣетъ огромный успѣхъ и долго удержится на репертуарѣ, но только въ Петербургѣ: въ другихъ мѣстахъ нѣтъ Мартынова и созданный имъ типъ—непонятенъ.

—

Жизнь и смерть Ричарда III. Трагическая хроника, въ пяти дѣйствіяхъ, *Шекспира*. Переводъ стихами *Я. Г. Брянскаго*.

Хлопчатая бумага или у страха глаза велики. Водевиль à propos (?!!) въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе автора водевиля: *Дѣвутка Морякъ*.

Толстякъ и тощій. Шуточная сцена, въ стихахъ, *Ѳ. Конн.*

*(Бенефисъ г. Третьякова.)*

Хроника, явившаяся въ бенефисъ г. Третьякова, давно извѣстна на русской сценѣ, она была только на время вытѣснена доморощенными драмами и переводными фарсами. Возобновленіе ея приноситъ честь бенефиціанту, какъ артисту, но едва-ли принесло ему выгоды: театръ былъ почти совершенно пустъ. Неужели нѣтъ у насъ публики для Шекспира?—Она есть, но, къ несчастію, *отвыкла отъ русскаго театра*, Впрочемъ, надо сказать, что историческая хроника о *Ричардѣ III*, находится въ тѣсной связи съ предшествовавшими хрониками Шекспира, и потому для неподготовленнаго зрителя не можетъ быть вполнѣ понятна, несмотря на рѣзко нарисованные характеры главныхъ лицъ. Это одинъ обломокъ изъ колоссальнаго историческаго зданія Шекспира, которому нельзя не удивляться, но который не можетъ быть достойно оцѣненъ безъ остальныхъ частей, находящихся съ нимъ въ связи. У Шекспира этой хроникѣ предшествуютъ: Life and Death of King Richard II (*Жизнь и смерть Ричарда II*), King Henry IV, (*Жизнь Генриха IV*, въ двухъ частяхъ), King Henry V, (*Король Генрихъ V*), King Henry VI, (*Генрихъ VI*), въ трехъ частяхъ и того *семь* драмъ, которыя должно изучить, прежде, чѣмъ приступить къ Ричарду III.

Несмотря на все это, въ драмѣ «Ричардъ III» есть своебытный интересъ, который сильно напрягаетъ вниманіе зрителя и привязываетъ его къ главному герою и лицамъ, около него сгруппированнымъ. Ричардъ III одинъ изъ самыхъ мастерскихъ и мощныхъ характеровъ, созданныхъ геніемъ британскаго драматурга. Въ немъ такая смѣсь человѣчности съ безчеловѣчнымъ, что зритель невольно содрагается передъ этимъ явленіемъ и боится заглянуть въ свою душу. Ему становится

За человѣка страшно.

Въ этомъ хромомъ и безобразномъ горбунѣ, отвратительномъ для людей по наружности, развиты въ одинакой степени: ненависть ко всему роду человѣческому и непомѣрное сластолюбіе. Какъ самое вѣрное средство къ удовлетворенію своихъ господствующихъ страстей, онъ избираетъ святѣйшій изъ уставовъ

человѣческихъ — верховную власть, и, какъ ураганъ, открываетъ себѣ путь къ престолу разрушеніемъ и кровью. Въ немъ гнѣздо всѣхъ пороковъ: онъ дурной сынъ, низкій братъ, льстецъ, предатель и убійца изъ-за угла, пока въ зависимости отъ другихъ, ненасытный тиранъ на тронѣ и трусъ въ битвѣ; онъ попираетъ ногами каждое чувство, и въ тоже время великъ — въ самомъ злодѣйствѣ и въ знаніи человѣческаго сердца. Это высокій идеалъ зла на землѣ.

Напрасно многіе упрекаютъ Шекспира въ неправдоподобіи нѣкоторыхъ сценъ, какъ, напримѣръ, въ сценѣ съ королевою Анной, которая послѣ проклятій убійцы своего мужа, выслушиваетъ любовное его признаніе и, предоставляя ему довершить похороны убитаго, отправляется въ его дворецъ ждать брачнаго вѣнца; въ сценѣ съ Лордомъ меромъ Лондона, котораго такъ легко убѣждаютъ въ необходимости казни Гастингса и избраніи въ короли Ричарда; въ сценѣ обмана Букингема, который изъ корыстныхъ видовъ дѣлается сообщникомъ и потомъ жертвою чудовища. Во всѣхъ этихъ сценахъ много глубины, много истины, почерпнутой прямо изъ природы человѣческой. Шекспиръ заставилъ Ричарда такъ дѣйствовать, потому-что хорошо зналъ, что на свѣтѣ всего легковѣрнѣе — тщеславіе, всего недовѣрчивѣе — зависть, всего равнодушнѣе — глупость. Для женщины живой обожатель всегда милѣе любимаго покойника, и сцена съ королевой Анной этимъ оправдывается. Шекспиръ вѣрно постигъ крайности, но слишкомъ круто ихъ сблизилъ: вотъ въ чемъ вся его ошибка, но этого сближенія требовала его драма, въ которой онъ хотѣлъ вылить цѣлую жизнь своего героя, а эта сцена составляла одинъ моментъ изъ этой жизни, одну только черту его характера. Изъ всѣхъ героевъ Шекспировскихъ драмъ, Ричардъ III по преимуществу человѣкъ, во всей безыскуственной наготѣ. Вотъ почему Байронъ, просмотрѣвъ эту драму, написалъ слѣдующія замѣчательныя строки: « Я видѣлъ Кина въ *Ричардѣ III*. Вотъ душа! Жизнь, натура, « истина — все, безъ преувеличенія и безъ недостатка. Кембль « превосходенъ въ *Гамлетѣ:* но Гамлетъ—не природа. Ричардъ— « *человѣкъ*, и Кинъ — *Ричардъ!* »

Лучше опредѣлить этого характера невозможно.

Но мы не намѣрены дѣлать подробнаго разбора творенію

Шекспира, давно оцѣненному и всѣмъ извѣстному, и который увлекъ бы насъ за предѣлы *театральной лѣтописи*.

Скажемъ только нѣсколько словъ о переводѣ Ричарда III, объ его обстановкѣ и выполненіи на русской сценѣ.

Переводъ, по большей части, близокъ, вѣренъ, но не вездѣ взященъ и выработанъ. Встрѣчаются стихи тяжелые, напыщенные и весьма неловкіе. Такъ, напримѣръ, въ монологѣ королевы Маргариты Анжуйской, стихи

Thou slander of thy mother's heavy womb;
Thou loathed issue of thy father's loins....
Ты срамота тебя родившаго и т. д.

переданы такъ, что ихъ даже нельзя рѣшиться повторить въ печати. Во многихъ мѣстахъ значительные пропуски, въ другихъ—недосмотры, но въ цѣломъ, переводъ этотъ нельзя назвать дурнымъ.

Обставлена пьеса по возможности прилично. Лучшія роли заняты лучшими артистами. Изъ нихъ особеннымъ усердіемъ и проникновеніемъ въ характеры, отличаются: г-жа *Вѣра Самойлова*, въ роли королевы *Анны*, выполняющая трудную сцену съ Ричардомъ въ первомъ актѣ, съ искусствомъ и обдуманностію, достойными всякой похвалы, и г-жа *Дюръ*, которая превосходна въ сценѣ проклятій королевы *Маргариты*. Здѣсь нужна страсть неистовая, почти безуміе: этой женщинѣ, отъ всего величія ея, остались въ удѣлъ одни только безсильныя проклятія и она пользуется ими, какъ послѣднимъ средствомъ—отмстить своимъ врагамъ. Шекспиръ вложилъ въ уста ея слова, свидѣтельствующія о всякомъ забвеніи не только высокаго сана, но даже цѣломудреннаго чувства женщины. Вся душа ея переходитъ въ языкъ и языкъ ея становится лезвіемъ, поражающимъ все безъ разбора. Это состояніе очень вѣрно и естественно, но оно не совсѣмъ соотвѣтствуетъ современному очищенному вкусу. Г-жа Дюръ въ этихъ мѣстахъ, оставаясь вполнѣ вѣрною мысли Шекспира, умѣла, силою таланта, примирить его съ требованіями эстетическаго чувства. *Г. Брянскій* занималъ главную роль — *Ричарда*. Это одно изъ лучшихъ его созданій на сценѣ. Но мы однакожъ рѣшимся побесѣдовать съ нимъ насчетъ этого характера, потому-что знаемъ г. Брянскаго, какъ художни-

ка, уважающаго свое званіе и искусство, а потому допускающаго всякое свободное мнѣніе о своемъ творчествѣ. Только люди ограниченные и невѣжественные, которые сами лишены всякаго художественнаго взгляда, полагаютъ, что,

Никто не долженъ смѣть
Объ нихъ свое сужденіе имѣть.

Но г. Брянскій далеко стоитъ выше этихъ карикатурныхъ деспотовъ искусства, и потому мы рѣшаемся высказать ему прямо наши замѣчанія. Отдавая артисту полную справедливость, какъ въ отношеніи внутренняго и внѣшняго колорита характера Ричарда III, такъ и въ отношеніи выдержаннаго и умно расчитаннаго его выполненія, мы скажемъ, однакожъ, что въ иныхъ мѣстахъ можно – бы пожелать поменьше трагической аффектаціи и патоса, въ другихъ—вмѣсто декламированія, простаго, натуральнаго разговора. Ричардъ — какъ вѣрно опредѣлилъ его Байронъ, — не герой трагическій, не идеальное лицо, а просто—*человѣкъ*, выхваченный прямо изъ жизни, человѣкъ съ страстями въ высшей степени—земными, нетерпѣливый, горячій, сластолюбивый, безъ всякихъ духовныхъ побужденій. Онъ никогда не можетъ возвыситься до трагическаго потоса, который есть слѣдствіе глубоко – потрясеннаго духа, воплощенія всего бытія человѣческаго въ идею; разговоръ его простъ, отрывистъ, иногда вкрадчивъ до нѣжности, иногда убійственно холоденъ. Его разговоръ съ королевой Анной—есть пламенная сцена любви, которая въ состояніи заставить женщину забыть даже безобразіе обожателя; его разговоръ съ матерью долженъ потрясать зрителя своимъ страшнымъ холодомъ, свидѣтельствующимъ, что въ этой душѣ погасла послѣдняя искра человѣческаго чувства. Сцена съ Букингемомъ—о убійствѣ дѣтей Эдуарда, отрывиста и бѣшена: злодѣй не ужасается своего кроваваго замысла, но стыдится признаться въ немъ; онъ выходитъ изъ себя, когда хотятъ заставить его высказать все, что у него на душѣ. Всѣ эти сцены требуютъ простоты, естественности и силы. Ихъ нельзя выразить декламаціею, ихъ надо сыграть: то-есть, передать прямовнутренное ощущеніе звукомъ, движеніемъ и выраженіемъ лица. Мы помнимъ въ этой послѣдней сценѣ Мочалова, во *времена оны*, въ счастливые годы его

славы: онъ былъ неподражаемо хорошъ и потрясалъ весь театръ. Эти отрывистые намеки о томъ, что дѣти Эдуарда еще живутъ... это нетерпѣніе, когда Букингемъ его не понимаетъ, или боится понять... его взглядъ на него, которымъ онъ кажется хотѣлъ просвирлить его до сокровеннѣйшихъ сгибовъ сердца, наконецъ, судорожное сжиманіе эфеса меча и нетерпѣливый топотъ ноги, при словахъ:

Давноль ты сталъ такъ безтолковъ?

заставляли невольно содрогнуться; этотъ топотъ и звукъ этихъ словъ, отзывались кровью. Въ нихъ можно было прочесть смертный приговоръ Букингема.

Въ сценѣ отреченія отъ короны, можно было пожелать поменьше умышленнаго притворства. Зритель уже предупрежденъ, что Ричардъ играетъ комедію съ лордомъ-меромъ: стало-быть, артистъ могъ-бы приложить побольше искренности и простоты къ своему мнимому смиренію, для того, чтобы обмануть самые пытливые взоры гражданъ. Это волкъ, прикинувшійся овечкой, но г. Брянскій недовольно искусно прячетъ его хвостъ и зубы. Притворство его изыскано и натянуто: надо полагать, что лорды очень несмышлены, если не отгадываютъ тотчасъ-же его намѣреній.

Послѣднія слова:

Коня! полцарства за коня!

г. Брянскій произноситъ какъ герой, которому нуженъ только конь, чтобъ снова ринуться въ битву и воротить побѣду; а не какъ трусъ, у котораго въ этихъ словахъ выразился бы весь предсмертный ужасъ и который отдалъ бы все, чтобъ только ускакать съ поля сраженія. Между-тѣмъ, Шекспиръ понималъ это мѣсто такъ, и оно имѣетъ связь съ вѣщимъ сномъ, который Ричардъ видитъ на-канунѣ. По англійскимъ театральнымъ хроникамъ, у Гаррика это было самое поразительное мѣсто во всей роли.

Сцена угрызенія совѣсти и страха смерти, послѣ сновидѣнія, прошла у г. Брянскаго незамѣтно. Притомъ-же эта сцена у насъ сокращена противъ подлинника, а это превосходнѣйшее мѣсто во всей хроникѣ. Во всемъ остальномъ созданіи роли, г. Брянскій отчетливъ и художественъ. Особенно много жару об-

наруживаетъ онъ въ ту минуту, когда одушевляетъ своихъ сподвижниковъ на битву, желательно бы, чтобы для довершенія эффекта этой сцены, онъ неприкрывалъ себя стыдливо отъ публики соллатами, во время своего вооруженія; герой возвышенъ, когда надѣваетъ доспѣхи брани за отчизну и всякое *галантерейство* въ такую торжественную минуту, дѣлаетъ ее комическою.

Г – жи Копылова и Валберхова прочли свои роли, хотя и по трагической методѣ, но съ сознаніемъ и толкомъ, у послѣдней особенно, вѣрно вылился стихъ:

Я много лѣтъ живу уже на свѣтѣ!

—

Отъ Шекспира перейдемъ къ автору водевиля: *Дѣвушка – морякъ*. Вы знаете автора водевиля: *Дѣвушка-морякъ*?—Нѣтъ.—Мы тоже! Но все равно, онъ долженъ быть знаменитость, потому–что прямо указываетъ на прежнее свое образцовое произведеніе. Вѣдь писалъ же Гёте на трагедіи своей «Гёцъ фонъ – Берлихингенъ» – сочиненіе автора *Страданій Вертера;* вѣдь называлъ же себя Жанъ - Жакъ Руссо на своихъ книгахъ авторомъ *Новой Элоизы*. Почему – же и русскому писателю не называть себя авторомъ водевиля *Дѣвушка–морякъ*. Оно – же, кстати и возбудитъ вниманіе къ этой *Дѣвушкѣ – морякъ*, съ которою не всѣ знакомы. Но что за дѣло до предшествовавшаго знаменитаго водевиля автора, у насъ теперь передъ глазами другой, который забавенъ до–нельзя, заставляетъ хохотать весь театръ, простъ по изложенію, не имѣетъ особенныхъ претензій на остроту, натураленъ, возможенъ, и написанъ *кстати*, (чтобъ не употребить некстати французское слово à propos.)

Провинціалъ, Антонъ Ивановичъ Странный, пріѣхалъ въ столицу съ своей нѣжной половиной и миленькой дочкой, чтобы выдать послѣднюю замужъ за довольно дороднаго чиновника Хлопчаткина. Пока маменька хлопочетъ о приданомъ и кроитъ дочкѣ салопъ на ватѣ; пока Весельчаковъ, влюбленный въ эту дочку, отпускаетъ ей нѣжныя фразы и дымныя облака папироски, папенька сидитъ въ кандитерской и читаетъ Иллюстрацію и разглядываетъ каррикатуры на огнестрѣльную вату. Убѣдясь, что вата—*порохъ*, и вспомня, что домашніе въ эту мину-

ту занимаются стеганіемъ ваты, чадолюбивый отецъ летитъ домой на крыльяхъ извощичьихъ дрожекъ. О ужасъ! что находитъ онъ, переступивъ порогъ своей прихожей? Маменька и дочка хлопочатъ около стола, на которомъ разостланъ ваточный салопъ, посрединѣ его стоитъ горящая свѣчка, а надъ нимъ Весельчаковъ съ папироскою въ зубахъ, изъ которой сыплются искры. Добродушный провинціалъ обнимаетъ семейство, благодаритъ Провидѣніе, что оно спасло его отъ несчастія, призываетъ съ улицы плотника, велитъ ему взять салопъ и даетъ еще за трудъ на водку, и, наконецъ, вздохнувъ свободно, объясняетъ изумленнымъ и плачущимъ—женѣ и дочери, что онѣ подбивали салопъ—*порохомъ*. Онъ разсказываетъ всѣ несчастныя случаи, которые уже произошли отъ ваты и которые онъ въ лицахъ видѣлъ въ журналѣ. Дамы въ ужасѣ—и бѣгутъ *переодѣваться*. Молодой любовникъ пользуется предубѣжденіемъ Страннаго къ ватѣ и увѣряетъ его, что избранный имъ женихъ, совсѣмъ не толстъ, а напротивъ, чрезвычайно худъ, а только, чтобы скрыть свой недостатокъ, прибѣгаетъ къ ватѣ. При появленіи Хлопчаткина, все семейство бѣжитъ отъ него въ разныя стороны, какъ отъ пороховой бочки: чиновникъ обижается этимъ пріемомъ и ссорится съ будущимъ тестемъ. Посредствомъ этой невинной хитрости, молодой Весельчаковъ получаетъ руку любимой имъ дѣвушки.

Довольно вамъ сказать, что роль провинціала играетъ Мартыновъ и вы поймете, что глядя на эту умную шутку, нельзя не хохотать до-упаду. Г-жа Жулева очень мила въ роли дочки. Въ этой актрисѣ, готовится кладъ для Александринской сцены: она умна, развязна, говоритъ съ толкомъ—не скороговоркою, держитъ себя очень благородно, веселость передаетъ добродушной и наивной выразительностію лица и голоса, не прыгаетъ, не суетится по сценѣ, и поетъ—безъ претензій, но съ чувствомъ и внутреннимъ участіемъ, идущими прямо къ душѣ. Это большое достоинство: Віардо хороша въ итальянской операѣ, въ водевилѣ-же, на Александринской сценѣ, нужна простота и выразительность, и ими г-жа Жулева владѣетъ въ высшей степени.

Толстякъ и Тощій—бездѣлушка, принадлежащая автору этой статьи. Говорить объ ей нельзя, да и не стоитъ. Читатели найдутъ ее въ этомъ *№ натурою*.

*Ѳ. Кони.*

# ОБОЗРѢНІЕ

## ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

—

### ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Наступилъ май мѣсяцъ. Рѣка и заливъ очистились отъ несноснаго льда, и вотъ толпы путешественниковъ спѣшатъ за границу, чтобы насладиться всѣми удовольствіями, пожить на волѣ, разгуляться! Большая часть несутся во Францію, въ Парижъ. Что же лучшаго въ Парижѣ, какъ не театры, какое разнообразіе, какой неисчерпаемый источникъ удовольствій! Спѣшу подѣлиться новостями, и разсказать, что теперь дѣлается новаго на лучшихъ парижскихъ театрахъ, чтобы путешественникъ пріѣхалъ какъ бы на готовое и зналъ заранѣе, что гдѣ посмотрѣть, на что обратить вниманіе, и что интереснѣе видѣть.

Самая интересная новость, безъ сомнѣнія—*Испанскій театръ*. По случаю женитьбы одного изъ принцевъ Орлеанскаго Дома на Испанской Инфантинѣ, испанскій театръ сдѣлался почти

необходимостью для Франціи, и вотъ въ Парижѣ явилась труппа актеровъ подъ дирекціею Ломбіа (Lombia), которая даетъ на сценѣ Итальянской Оперы драмы, комедіи и національные балеты съ очаровательными болеро, фанданго и даже пѣніемъ.

Въ первое представленіе собралась вся парижская знать, особенно же блистала передъ прочими Ексъ-королева Христина въ богатомъ испанскомъ нарядѣ; весь дворъ былъ также въ національной испанской одеждѣ. Всѣ ожидали знаменитыхъ твореній Лопе де Вега, Кальдерона, этихъ прародителей испанскаго, а можетъ быть и французскаго театра, этихъ геніевъ, которые своимъ могуществомъ преобразовали и возстановили народное представленіе;—но всеобщая надежда была обманута. Для перваго дебюта былъ предложенъ довольно скромный водевиль Бретона Гарреры — Me secretario y io. *(Я и мой секретарь)*. Сюжетъ этой пьесы довольно забавный:

Богатый негоціантъ, донъ Фабриціо, чувствуетъ особенное влеченіе къ дѣвушкѣ хорошей фамиліи, и желаетъ извѣстить ее объ этомъ, потому-что иначе любовь его останется непонятою и не оцѣненною. Нужно написать къ ней письмо. Онъ возлагаетъ эту любовную корреспонденцію на секретаря своего, дона Еженіо. Тотъ пишетъ для него посланіе полу-любезное, полудѣловое, но все-таки довольно ясное, чтобы воспламенить сердце Изабеллы, (имя предмета обожанія). Но въ Испаніи, какъ извѣстно, одного письма недостаточно, надо подчивать свою любезную еще серенадою. У дона Фабриціо есть деньги, но нѣтъ голоса. Кто же станетъ за него пѣть? Опять таки счастливый секретарь донъ Еженіо. Онъ поетъ подъ балкономъ доньи, и голосъ его проникаетъ въ ея сердце. Но это-то и составило несчастіе дона Фабриціо. При первомъ свиданіи съ нимъ, прелестная Изабелла изъявляя ему благодарность за очаровательный романсъ, который онъ ей пропѣлъ, проситъ акомпанировать ей на фортепьяно. Хитрость открывается: Донъ-Фабриціо неумѣетъ взять ни одной ноты. Открывается, что донъ Еженіо авторъ письма и серенады, но всѣмъ правамъ, онъ и долженъ бы сдѣлаться счастливымъ любовникомъ; но дѣло принимаетъ неожидаемый оборотъ. Донья Изабелла выходитъ замужъ за Фабриціо, потому-что онъ богатъ, и секретаря высылаютъ въ переднюю, гдѣ въ утѣшеніе предлагаютъ ему руку одной старухи, которая еще прежде имѣла на него виды, и ко-

торую онъ, разумѣется, благородно отвергаетъ. Пьеса прошла довольно слабо: Ламбрера въ роли Фабриціо и Кастельназоръ въ роли Еженіо, были еще довольно хороши; но нельзя того-же сказать о первой любовницѣ, занимавшей роль доньи Изабеллы. Французы никакъ не могутъ согласовать съ званіемъ актрисы—мужественный голосъ, смѣлые и вовсе не граціозные манеры и ухватки, приличные скорѣе сапёру, нежели хорошо-воспитанной дѣвушкѣ. Такого рода таланты у нихъ употребляются только на *канканъ*.

*Болеро и фанданго* явились во время, чтобы одушевить общее вниманіе: Шестнадцать паръ танцоровъ и танцовщицъ, наполнили скоро залу мѣрными звуками своихъ кастаньетокъ. Ничто не можетъ быть быстрѣе, одушевленнѣе, оригинальнѣе этихъ па, гдѣ мужчина и женщина могутъ вполнѣ выказать всю грацію, ловкость и національность. Блескъ роскошныхъ испанскихъ костюмовъ, быстрота движеній, подъ звуки громкой и одушевленной музыки, представляли видъ очаровательный.

Послѣ этого веселаго болеро, которое было сопровождаемо шумными аплодисманами, наступилъ послѣ масляницы—великій постъ: скучная, длинная и нравственная мелодрама 17-го столѣтія, приписываемая Роясу, называемая Garcia del Castanar или il labrador my honrado (Гарсія или честный земледѣлецъ). Сюжетъ этой пьесы основанъ на томъ, какъ одинъ честный и предобродѣтельный крестьянинъ подвизается ревностно на извѣстномъ конькѣ всѣхъ испанцевъ: *моя честь и мой король!* Несмотря на эти основанія истины, драма вовсе не понравилась, и не произвела никакого впечатлѣнія.

Теперь обратимся къ собственно французскому театру:

Le Paquebot. (*Пакетботъ*). Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. *Соч. Мери* (театръ *Одеона.*)

Добрый и чистосердечный гражданинъ Лоррень, основываясь на послѣдней волѣ матери своей воспитанницы Ерминіи, и изъ боязни, чтобъ ея красота не попала въ дурныя руки, рѣшается самъ на-ней жениться. Но огромная разница ихъ лѣтъ, память о прежнихъ двухъ его женахъ, а главное, опасность, которой подвергаются старые мужья, женившись на молоденькихъ дѣвушкахъ, чрезвычайно его безпокоятъ. Чтобъ защитить Ерминію отъ всѣхъ посторонихъ

притязаній, а главное—отъ безпрестанныхъ преслѣдованій одного молодаго живописца—Марселя, онъ не находитъ лучшаго средства, какъ отвезти ее въ Италію. Уже Лоррень оставилъ Парижъ, всѣ приготовленія сдѣланы, пакетботъ готовъ къ отплытію, но, какъ видно, мѣра его несчастій еще не переполнилась, потому, что одно изъ первыхъ лицъ, которыя онъ встрѣчаетъ на пакетботѣ, Марсель. Напрасно тотъ увѣрялъ, что единственно слѣпой случай свелъ ихъ въ этомъ путешествіи, Лоррень ничего не слушаетъ. Онъ говоритъ, что *слѣпой* случай не можетъ вести живописца по слѣдамъ честнаго человѣка или, лучше сказать, по слѣдамъ его воспитанницы. На бульварѣ, въ Тюильри, въ Одеонѣ, вездѣ слѣпой случай натыкаетъ ихъ другъ на друга. Къ довершенію несчастія, въ числѣ путешественниковъ на пакетботѣ, есть еще какой-то Маріо, другъ Марселя, и всѣ они большіе пріятели съ капитаномъ судна. Они составляютъ втроемъ заговоръ противъ недоступныхъ прелестей путешественницы и докучливой ревности ея покровителя, и начинаютъ дѣйствовать за-одно.

Во 2-мъ актѣ, дѣйствіе происходитъ на палубѣ. Капитанъ является защитникомъ корабельной нравственности, и приказываетъ отдѣлить мужчинъ отъ женщинъ. Его строгій видъ и грозный голосъ, пугаютъ бѣднаго Лорреня, которому страхъ не хотѣлось бы потерять изъ виду свою питомицу. Маріо воспламеняется любовью и непремѣнно хочетъ жениться на Ерминіи. Марсель, обожая ее втайнѣ, и жертвуя своею любовью для друга, не чувствуетъ себя въ силахъ быть свидѣтелемъ его блаженства, и потому садится въ шлюпку, съ тѣмъ, чтобы высадиться въ Ливорно. Любовь Маріо отвергнута Ерминіей, которая очень благосклонна къ артисту. — Нежелая оставаться подлѣ безчеловѣчной, Маріо тоже оставляетъ пакетботъ къ величайшей радости Лорреня, который уже думаетъ теперь насладиться вожделеннымъ покоемъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а не такъ случается. Капитанъ наслѣдуетъ друзьямъ своимъ въ преслѣдованіи Ерминіи, и это возобновляетъ бѣдствія вдовца. Маріо и Марсель, не могши высадиться въ Ливорно, по-причинѣ карантина, и рѣшившись лучше возвратиться на корабль, чѣмъ просидѣть въ лазаретѣ, являются снова на палубу. Ихъ возвратъ довершаетъ несчастіе Лорреня. Живописецъ узнаетъ, что онъ любимъ. Чтобы доканать бѣднаго рѣв-

нивца, скоро наступаетъ сильная буря. Капитанъ объявляетъ, что пакетботъ непременно пойдетъ ко-дну— и проситъ всѣхъ приготовляться къ смерти. Въ этомъ ужасномъ положеніи, Лорреня принуждаютъ благословить союзъ Ермиліи и Марселя, на что онъ соглашается, глядя на нихъ, какъ на покойниковъ. Въ эту минуту пакетботъ останавливается, они вошли въ гавань. Лоррень оживаетъ, бросается въ объятія капитана и утѣшается въ потери питомицы, радостью, что избѣжалъ смерти.

Комедія эта очень забавна и имѣла успѣхъ.

—

La loge de l'Opera. (Ложа въ Операѣ). Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. *Соч. Агнесы Сегала.*

Лордъ Вильсонъ, который принялъ участіе въ войнахъ, потрясавшихъ Англію, подвергся общей участи побѣжденныхъ— онъ былъ убитъ. Вдова его, поплакавъ, поскучавъ, стала искать утѣшенія въ другомъ замужествѣ. Леди Вильсонъ скоро сдѣлалась супругою маркиза Савана, одного изъ блестящихъ и честолюбивѣйшихъ приворныхъ Людовика XV. Саванъ зналъ по опыту, что достоинства слишкомъ рѣдко доводятъ до почестей и славы, а потому рѣшился прибѣгнуть къ покровительству женщинъ. Съ помощію своего ума и наружности, онъ легко подбился въ милость къ одной герцогинѣ, вдовѣ, которая была при дворѣ въ большой силѣ. Онъ уже былъ назначенъ первымъ конюшимъ двора его величества, и ея покровительство обѣщало ему еще больше, потому-что онъ ей нравился и она принимала его за холостаго. Между тѣмъ, жена маркиза жила въ предмѣстьи Парижа, въ безвѣстности и уединеніи, потому-что маркизъ очень хорошо зналъ, что только холостой можетъ пользоваться нѣкоторыми правами у прекраснаго пола. Это удаленіе отъ свѣта, было вовсе не по вкусу молодой маркизы, которая стала подозрѣвать своего супруга. Въ одинъ прекрасный вечеръ, Маркизъ получивъ отъ своей обожаемой Герцогини приглашеніе въ маскерадъ Оперы: онъ спряталъ драгоцѣнную записку въ секретный портфейль, но забылъ замкнуть конторку. Эта разсѣянность была подмѣчена однимъ изъ его лакеевъ, который

составилъ планъ овладѣть портретомъ герцогини, осыпаннымъ бриліантами, онъ наскоро продалъ его ювелиру и возвращается къ конторкѣ за нѣкоторыми банковыми билетами, находящимися въ портфейли. Что-же касается до записочекъ, то онъ удовольствовался ихъ прочитать. Въ это мгновеніе является маркиза, вырываетъ портфейль изъ рукъ испуганнаго вора и открываетъ доказательство невѣрности своего супруга. Воръ отданъ въ руки полиціи.

Второй актъ происходитъ въ Оперномъ театрѣ. Маркиза прибѣгаетъ туда, закутанная въ домино и ищетъ женщину съ извѣстнымъ ей по запискѣ цвѣткомъ, который долженъ быть признакомъ той, которая похитила у нея сердце мужа. Прелестная Герцогиня пріѣзжаетъ тоже, но какъ Маркизъ не слишкомъ былъ точенъ во времени свиданія, то она прячетъ цвѣтокъ, чтобы заставить себя подольше искать. Маркиза и Герцогиня встрѣчаюстя въ ложѣ, куда зашли прохладиться. Онѣ снимаютъ мазки. Каково ихъ изумленіе! Онѣ давно знакомы, пріятельницы пансіона, которыя не видались съ дѣтства. Онѣ разсказываютъ въ кратцѣ свои исторіи, вдовство, способъ, которымъ онѣ утѣшились, и Маркиза повѣряетъ подругѣ свою горесть и безпокойство: «Та, которая лишаетъ меня спокойствія, говоритъ она, здѣсь, и должна имѣть василекъ на груди.» Вообразите удивленіе Герцогини, когда она узнаетъ, что Маркизъ Саванъ женатъ! Гнѣвъ заступаетъ мѣсто любви и она даже чуть не проговаривается. Между тѣмъ полиція ревностно приступила къ допросу вора. Она отыскала украденный портретъ; и вскорѣ онъ въ рукахъ Маркизы. Она узнаетъ Герцогиню. Ея удивленіе, ея гнѣвъ, ея горесть, невозможно описать. Она дѣлаетъ жестокіе упреки своему мужу, который увѣряетъ ее, что не питалъ къ Герцогинѣ ни малѣйшей любви, и что единственно честолюбіе заставило его взять на себя роль ея поклонника. Все объясняется. Маркиза, убѣжденная въ нравственной чистотѣ и невинности своего мужа, — мирится съ нимъ. Что дѣлать, женщины уже такъ созданы: онѣ легковѣрны.

Драма имѣла большой и заслуженный успѣхъ. Занимательныя положенія дѣйствующихъ лицъ, многія удачныя фразы и главное, искусство, съ которымъ ведена пьеса много содѣйствовали успѣху цѣлаго. —

Le syrien. (Сирiецъ.) Драма въ 5-ти дѣйствiяхъ, въ стихахъ. *Сoч. Латура.*

Мы переносимся во времена Нерона. Римъ уже потерялъ и память о своихъ прежнихъ доблестяхъ. Сенаторы и вельможи стремятся къ почестямъ и богатству путемъ пороковъ, измѣны и нечестiй. Узы дружбы и родства — попраны. Если и существуютъ нѣкоторые добродѣтельные граждане, то они должны скрываться въ неизвѣстности, потому-что при Неронѣ добродѣтель ведетъ только къ погибели.

Северъ одинъ изъ развратнѣйшихъ честолюбцевъ двора этого государя: его жизнь безпрестанная оргiя. Мать его, Августа, влачитъ свои дни въ слезахъ и тоскѣ: порочная жизнь сына терзаетъ ее всякую минуту. Но для нея не все еще потеряно въ свѣтѣ: у ней есть младшiй сынъ, Марцелъ, на храбрости и на добродѣтели котораго она основываетъ спасенiе преступнаго Севера. Но Марцелъ сражается съ Парсами, подъ знаменами консула Корбулона, и Августа ждетъ нетерпѣливо его возвращенiя. Марцелъ пріѣзжаетъ, но своею добродѣтелью онъ не только не убѣждаетъ брата, но еще раздражаетъ его, возбудивъ въ немъ зависть, и подвергаетъ его новому ужаснѣйшему преступленiю. Северъ обвиняетъ брата передъ императоромъ въ оскорбленiи величества. Марцелъ приговоренъ къ смерти, а Северъ за свою заслугу получаетъ во владѣнiе цѣлую часть Рима. Еще прежде, Марцелъ успѣлъ спасти отъ преслѣдованiй развратныхъ приверженцевъ Императора молодую дѣвушку, Емплiю, и чрезъ то возбудилъ противъ себя всеобщiй гнѣвъ. Онъ уже готовъ пасть подъ бременемъ своихъ несчастiй, негодуетъ на боговъ, которые допускаютъ гибнуть добродѣтель, доставляя счастiе нечестивцамъ, готовъ уже заколоться, какъ Сирiецъ, его рабъ, вырываетъ у него оружiе и говоритъ, что есть Истинный Богъ, законъ котораго велитъ безропотно сносить всю тяжесть жизни, какова бы она ни была. Марцелъ слушаетъ своего раба, новый лучь озаряетъ его разсудокъ. Между тѣмъ, Неронъ приказываетъ зажечь Римъ, чтобы имѣть понятiе о пожарѣ Трои. Владѣнiя Севера дѣлаются добычею пламени. Злодѣй приходитъ въ бѣшенство, отвращенiе отъ него матери, собственныя пре-

ступленія, и даже можетъ-быть, проблески угрызенія совѣсти производятъ переворотъ въ его душѣ. Онъ бросается къ брату, хочетъ взбунтовать народъ, убить императора, завладѣть правленіемъ. Марцелъ отказывается отъ сообщничества въ его умыслѣ. Северъ въ ярости и отчаяніи закалывается, Марцелъ же безропотно отдается участи, въ которую ввергла его жестокость Нерона, но ему объявляютъ прощеніе. Онъ спасенъ.

Расположеніе этой драмы длинно и утомительно; не есть нѣкоторыя хорошія мѣста и характеры. Разговоръ Августа съ Северомъ, и подробности жизни Нерона, заслуживаютъ особенное вниманіе. Что же касается до Сирійца, отъ котораго и произошло названіе пьесы, то роль эта слишкомъ незначительна. Въ пьесѣ есть много звучныхъ стиховъ и удачныхъ выраженій.

—

Une chaise pour deux. (Стулъ для двоихъ). Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Соч. *Ипполита Леру*. (Театръ *Водевиля*.)

Аннибалъ и его супруга, кажется, созданы другъ для друга. Тѣ же наклонности, тѣ же мысли, та же страсть дѣлать долги, чего бы, кажется, имъ недоставало? Однакожъ, эта послѣдняя страсть скоро имъ показала, что всему надо предаваться съ умѣренностію, даже такому невинному занятію, какъ напр. дѣланіе долговъ. Въ одно прекрасное утро старый сосѣдъ Шалюмо пришелъ къ г-жѣ Аннибалъ съ требованіемъ уплаты по векселю ея мужа, и какъ у ней не нашлось наличной монеты, то онъ предложилъ ей заплатить ему любовью. Но г-жа Аннибалъ, движимая наивною стыдливостію, отвергла это безстыдное предложеніе, за то, по предъявленію векселя, вся движимость счастливыхъ супруговъ была описана и продана. Но такое лишеніе, вовсе не лишило ихъ присутствія духа. Г-жа Аннибалъ пишетъ къ Шалюмо записку, что она согласна!. Аннибалъ прячется въ сосѣднюю комнату. Сосѣдъ, который думаетъ, что должникъ его уже въ долговой тюрьмѣ, въ Клиши, является на свиданіе, и объясняетъ должницѣ свою страсть и множество другихъ вещей, которыя можно слушать только за деньги. Въ самую патетическую минуту любовника—кредитора, входитъ Аннибалъ съ свидѣтелями. Шалюмо пойманъ, и въ из-

бѣжаніе суда исправительной полиціи, рѣшается отступиться отъ своего векселя.

—

Ce que femme veut. (Ужъ чего женщинѣ захочется). Водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ. *Г-дъ Дювера и Лозана.*

Г-жа Делоне, молодая и хорошенькая вдовушка, напрасно старается привлечь къ себѣ мизогина Шантенеля, который любитъ все,—кромѣ женщинъ, потому-что при нихъ онъ становится совсѣмъ дуракомъ. Г-жа Делоне употребляетъ тысячи маленькихъ хитростей и обольщеній, но Шантенель искусно отъ нихъ увертывается. Онъ думаетъ, что вдова это дѣлаетъ изъ какой-то мести, но только не знаетъ причину ея ожесточенія. Наконецъ она напоминаетъ ему, что однажды вечеромъ, когда для спасенія своего умирающаго мужа, она принуждена была просить милостыню, одинъ только человѣкъ помогъ ей великодушно, тогда, какъ всѣ другіе осыпали ее колкостями и насмѣшками. Она этого не забыла; и когда сдѣлалась вдовою и получила богатое наслѣдство, первою ея мыслію было найти того, кто былъ къ ней такъ великодушенъ. Это былъ именно Шантенель. Она ему открываетъ свое сердце и свой кошелекъ. Тотъ, наконецъ, преклоняется, и соглашается взять и то и другое, въ замѣнъ пяти франковъ, которыми онъ нѣкогда ей помогъ.

Водевиль этотъ имѣлъ огромный успѣхъ, множество остротъ, чрезвычайно смѣшныя положенія дѣйствующихъ лицъ, заставляютъ толпу осуждать театръ въ каждое его представленіе. Въ немъ дебютировала *Г-жа Натали* и очень понравилась. Наружность и талантъ ея истинно привлекательны.

—

La femme qui se jette par la fenêtre. (Женщина, бросающаяся въ окно). Комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи. Соч. *Скриба и Лемуана.* (Театръ *Драматической Гимназіи*).

Есть сюжеты, которые можно безконечнымъ образомъ пере-

дѣлывать, а все-таки они всегда будутъ интересны и занимательны. Такъ случилось и съ этимъ водевилемъ. Въ какой пьесѣ не выведены мужъ и жена; тёща, которая ихъ ссоритъ; дядя, который, не знавши ихъ ссоръ, прилетаетъ изъ Америки, какъ будто нарочно, чтобы помирить ихъ; и какой изъ водевилей не оканчивается мировою. Все это очень натурально и въ порядкѣ вещей, и потому вошло въ сотый разъ въ составъ водевиля г-дъ Скриба и Лемуаня.

Рауль и Габріелла, несмотря на недавнее замужество, какъ-то не сошлись въ нравахъ. Къ тому же Рауль припоминаетъ нерѣдко прежнія удовольствія холостой жизни, и даже часто предается имъ. Габріелла, по наущенію своей матери, женщины самыхъ строгихъ правилъ, испытавъ немногія миролюбивыя средства, прибѣгаетъ скоро къ спазматическимъ припадкамъ и угрозамъ. Такъ однажды, когда мужъ ея надѣвалъ желтые перчатки, чтобы отправиться на балъ; она сказала ему, что бросится въ окно, если онъ не останется дома. Рауль сочтя это за пустую угрозу, къ которымъ онъ уже привыкъ, не перемѣняетъ намѣренія: онъ знаетъ, что жена его не захочетъ сломать себѣ шею изъ-за такой бездѣлицы. Но на этотъ разъ, онъ ошибся. Она точно бросилась въ окно. Но дѣло въ томъ, что Габріелла знала, что подъ окномъ была настлана куча сѣна, такъ, что выпрыгнувъ, она не могла ушибиться, и благополучно пришла къ своей матери, въ надеждѣ, скоро увидѣть смирившагося Рауля, просящаго у ногъ ея—прощенія. Оно бы можетъ быть такъ и было, но дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ съ пріѣздомъ дяди, посланнаго судьбою свыше, т. е. изъ Америки. Узнавъ о намѣреніи племянника, онъ ужасается: «Несчастный! говоритъ онъ, что ты хочешь дѣлать, она, напротивъ, должна на колѣнахъ просить у тебя прощенія.—Дѣлай, что я тебѣ прикажу. Сегодня крестьяне наши справляютъ свальбу, ступай къ нимъ; танцуй со всѣми крестьянками, цѣлуй всѣхъ брюнетокъ и блондинокъ, во что ни попало. Де-Нойе приглашала тебя съ собою на охоту, поѣзжай съ ней, пей шампанское; забудь все, а особенно Габріеллю,—это единственное средство заставитъ ее помнить о тебѣ. Маршъ!.. Я берусь за остальное.»—И дядя, въ-самомъ-дѣлѣ, повелъ такъ хорошо дѣла, что имѣлъ случай сдѣлать Габріелли предложеніе такого содержанія: если она хочетъ помириться съ своимъ му-

жемъ, то должна согласиться придти къ нему тѣмъ же путемъ, которымъ отъ него вышла, то есть, чрезъ окно. Вы можете себѣ вообразить, какъ разсердилась обиженная супруга, выслушавъ такую дерзость? Но видно дяля лучше нашего зналъ сердце женщины, потому-что въ ту же ночь, изъ любви–ли къ мужу, или къ приключеніямъ, Габріелля съ своей служанкой и огромной лѣстницей, показывается у окна павильона, въ которомъ спалъ Рауль, и тотчасъ является въ его комнатѣ. Въ ту минуту, по приказанію дяди, убираютъ лѣстницу, и извѣщаютъ тёщу, что ея зять заперся въ павильонѣ, съ какой-то незнакомой женщиной. Вотъ законное обвиненіе! Маркиза за него хватается, и какъ ворона на добычу, налетаетъ на мѣсто преступленія съ многочисленными свидѣтелями. Можно вообразить ея удивленіе, досаду и злость, когда вмѣсто ожидаемаго безчинства, она находитъ знакомую ей чету, въ полномъ удовольствіи и согласіи.

Пьеса эта имѣла огромный успѣхъ. Написана остро и занимательно. Первая половина только немного растянута.

—

Un poète (Поэтъ). Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. *Ж. Барбье.* (Французскій Театръ.)

Ричардъ бѣднякъ и поэтъ. Однажды на балу онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, и съ перваго разу влюбился въ нее безъ памяти. Такъ дѣлаютъ всѣ поэты. Послѣ того, онъ ее не видалъ, и одно утѣшеніе его было слушать своего друга Мюррая, когда тотъ разсказываетъ объ одной своей родственницѣ, на которой долженъ скоро жениться. И вдругъ! О радость! Ричардъ находитъ Летицію, свою возлюбленную, и о ужасъ! Она та самая дѣвушка, которая скоро должна выйти за–мужъ за Мюррая.

*Второй актъ.* Кто–то повадился каждую ночь шнырять въ комнату Летиціи. Мюррай приказываетъ своему вѣрному слугѣ, Жозефу, убить незваннаго посѣтителя. Слышится выстрѣлъ. Мюррай радъ, что освободился отъ соперника, но Жозефъ промахнулся. Ричардъ спасенъ.

*Третій актъ.* Мюррай поклялся погубить Ричарда, и зная его бѣдность, потребовалъ отъ него 500 лундоровъ, которые далъ ему, когда мать Ричарда была на смертномъ одрѣ. Летиція, желая спасти поэта, доставляетъ ему тайно деньги, которыя и идутъ въ уплату. Но нѣкто Пьеръ, обнаруживаетъ Мюррао этотъ секретъ.

*Четвертый актъ.* Мюррай сватается рѣшительно на Летиціи и получаетъ отказъ. Онъ употребляетъ послѣднее средство и даетъ Летиціи письмо ея отца, гдѣ старикъ пишетъ, что если она не согласится, то убьетъ его, потому, что жизнь его въ рукахъ Мюррая. Летиція долго колеблется, но наконецъ, рѣшается слѣдовать за Мюрраемъ въ Америку.

*Пятый актъ.* Прошелъ годъ. Чтобъ разогнать свою тоску, Ричардъ предается всѣмъ возможнымъ распутствамъ и оргіямъ. На небольшія, оставшіяся у него, деньги, онъ нанялъ комнату, гдѣ жила Летиція и поселился въ ней. Пьеръ предлагаетъ ему, для окончанія страданій, принять съ нимъ вмѣстѣ яду и умереть. Ричардъ соглашается, но желаетъ угаснуть въ наслажденіи: десятокъ женщинъ его окружаютъ. Послѣдняя вспышка жизненныхъ и карманныхъ силъ! Летиція, овдовѣвъ, спѣшитъ отыскать Ричарда, и находитъ его посреди веселія и безпутства. Слова упрека и негодованія замираютъ на ея устахъ. Ричардъ въ отчаяніи выпиваетъ приготовленную чашу и умираетъ подлѣ растерявшейся Летиціи.

Въ этой драмѣ есть только одинъ недостатокъ, но за то онъ огромный, именно тотъ, что въ пьесѣ нѣтъ ничего драматическаго. Нѣтъ никакой послѣдовательности въ сценахъ и дѣйствіяхъ, нѣтъ противудѣйствія ни малѣйшему поступку дѣйствующихъ лицъ. Что же касается до названія ея, то она точно также могла бы назваться купцомъ, ремесленникомъ, банкиромъ; потому-что все это могло случиться и не съ поэтомъ, котораго званіе не играетъ тутъ рѣшительно никакой роли.

—

La Duchesse de Marsan. (Герцогиня де-Марсанъ.) Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. *Деннери.* (Театръ Ambigu-Comique.)

Дѣйствіе происходитъ въ царствованіе Людовика XIII.

Елена, дочь герцога де Марсана любитъ молодаго человѣка, Вордейля; но эта любовь неизвѣстна ея отцу. Онъ представляетъ ей молодаго придворнаго, Мальи, котораго выбралъ себѣ въ зятья. Вордейль и Мальи давнишніе пріятели; они повѣряютъ другъ другу свои тайны, и Мальи добровольно отказывается отъ руки Елены, обѣщая впрочемъ отцу ея полное покровительство. Секретъ долженъ остаться для него тайною. Жертва эта со стороны Мальи слишкомъ натуральна: Елена въ такомъ положеніи, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ должна сдѣлаться матерью! Однакожъ, между тѣмъ, Герцогъ Марсань торопитъ свадьбою. Елена еще ничего не успѣла сказать своему отцу, а контрактъ уже готовъ. Вордейль извѣщенъ. Елена ждетъ его, и какъ въ назначенный часъ онъ еще не явился, то Мальи, чтобъ спасти честь Елены, долженъ самъ подписать контрактъ. Вотъ основа драмы, которая раскрывается спустя уже 15 лѣтъ. Елена, мать двухъ дѣтей: Гастона, котораго она прижила съ Кордейлемъ, и Генриха уже отъ законнаго брака съ Мальи. Теперь всѣ помышленія Мальи клонятся къ тому, чтобъ устранить Гастона отъ наслѣдства, которое они должны получить отъ дяди, и принудить его идти въ монастырь. Не успѣвъ въ этомъ, онъ даже подкупаетъ на него ножъ убійцы, но Провиденіе спасло его, открывъ случайно этотъ умыселъ старому герцогу де Марсану, который узнавъ все, прощаетъ дочь и обвиняетъ зятя. Вордейль возвращается и обнимаетъ своего сына.

---

Jeanne d'Arc. (Жанна д'Аркъ.) Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 10-ти картинахъ. Соч. *Шарля Денойе.* (Театръ *Веселости*).

Почти невозможно писать разборъ такой пьесы, это ничто иное, какъ хроника жизни Орлеанской Дѣвственницы, безъ драмы и эфектовъ. Нѣкоторые хвалятъ автора за то, что онъ не удалялся отъ исторіи, но это сдѣлало пьесу чрезвычайно скучною и утомительною.

*1-я Картина. Хижина.* Англичане осаждаютъ Орлеанъ. Въ городѣ говорятъ уже о сдачѣ. Въ бѣдной хижинѣ Домреми сидитъ бѣдная дѣвушка, убитая несчастіями отечества. Вдохновленная свыше, Жанна д'Аркъ даетъ обѣтъ посвятить себя на спасеніе отчизны. Напрасно отецъ обвиняетъ ее въ колдовствѣ, и чернокнижіи. Она рѣшилась.

*2-я Картина. Дворъ Карла VII.* Праздникъ во дворцѣ. Карлъ VII позволяетъ все, потому-что онъ самъ мѣняетъ свою корону на колпакъ — своего шута, перерядившись собственнымъ шутомъ. Въ то время Жанна д'Аркъ просится, чтобы ее впустили. Шутъ, отъ имени государя приказываетъ привести дѣвственницу Домреми. Жанна идетъ смѣло къ трону, срываетъ съ головы шута корону, беретъ мечь, и подноситъ его Карлу. Потомъ она ему говоритъ нѣсколько словъ, которыя ободряютъ его мужество, и убѣждаетъ его идти къ Орлеану.

*3-я Картина. Въ Орлеанѣ.* Жители въ отчаяніи и готовы сдаться. Но вотъ слышится голосъ легенды: «Женщина погубила Орлеанъ, дѣва спасетъ его!» И бѣлый покровъ Жанны показывается издалека. Съ нею воины, блескъ оружія, гулъ орудій. Сраженіе.

*4-я Картина. Угловой бастіонъ.* Сраженіе продолжается. Старый обитатель Домреми—Тиллалъ, сдѣлавшись измѣнникомъ, бьется въ рядахъ непріятелей. Стѣсненные французами, смятые, преслѣдуемые всюду, англичане употребляютъ послѣднія усилія, чтобъ овладѣть угловымъ бастіономъ. Но сраженіе прекращается. Жанна д'Аркъ водружаетъ на немъ побѣдное знамя.

*5-я Картина. Рейнскій Соборъ.* Коронованіе Карла III, Великолѣпная процессія слѣдуетъ за королемъ, облеченнымъ во всѣ знаки своего сана. Во время службы, Жанна старается избѣгать взглядовъ любопытныхъ. Король приказываетъ поднести ей дипломъ на дворянство. Дѣва отказывается и беретъ снова свою крестьянскую одежду. Король спасенъ, онъ уже можетъ теперь одинъ сражаться.

*6-я Картина. Въ Компьенѣ.* Измѣна окружаетъ Жанну. Ея гибель рѣшена. Тальботъ смертельно раненый, умираетъ. Жанна расточаетъ ему заботы и попеченія, но ее извѣщаютъ, что ей измѣнили, что ей должно бѣжать, каждая минута дорога! Жанна слушается. Два часа бьютъ. Жанна уже у воротъ крѣ-

пости, но подъемный мость подымается передъ нею. Она въ плѣну у англичанъ.

*7-я Картина. С-къ Уанское кладбище.* Судьи собрались посреди гробницъ. Приводятъ Жанну и допрашиваютъ. Отвѣты ея, вмѣсто того, чтобы смягчить судей, только раздражаютъ ихъ. Жанна обвинена въ колдовствѣ. Однакожъ, ей дѣлаютъ милость, съ условіемъ, чтобы она никогда не надѣвала болѣе военной одежды. Жанна соглашается съ недовѣрчивостію.

*8-я Картина. Тюрьма.* Двое солдатъ берутъ отъ Жанны женское платье и замѣняютъ его военнымъ. Приходитъ Тиндель, ихъ начальникъ. Онъ будитъ сонную Жанну, и намѣревается расточить ей свои преступныя ласки. Онъ не желаетъ выпустить Жанну дѣвою. Жанна употребляетъ всѣ средства умилостивить его, и наконецъ, вдохновленная свыше, напоминаетъ ему о своей матери. Это подѣйствовало на Тинделя, и вмѣсто преслѣдователя, онъ является ревностнѣйшимъ ея защитникомъ. Но Жаннѣ неловко оставаться безъ одежды, ее платье украдено, она поневолѣ надѣваетъ воинское. Это увидѣли стражи. Она будетъ сожжена.

*9-я Картина Костеръ.* Ничто не могло смягчить англичанъ. Одинъ Карлъ VII могъ бы искупить Жанну. Онъ проситъ отсрочки на нѣсколько дней. Но британская точность невыдержала. Жанна привязана къ костру. Пламя восходитъ и обвиваетъ дѣву, душа которой улетаетъ, безсмертная и счастливая, въ вѣчное жилище.

*10-я Картина. Апоѳеоза.* Является панорама, которая представляетъ *будущность Франціи.* Сперва взятіе Бастиліи посреди криковъ. Потомъ взятіе Арколя: Французская и Іюльская революціи. Наконецъ, является окруженная геніями, молодая дѣвушка, принцесса Марія, несущая статую Жанны д'Аркъ. Кончается блистательнымъ освѣщеніемъ.

Пьеса усыпила публику. Она не имѣетъ успѣха, несмотря на превосходную игру актеровъ, которые употребили тутъ все свое искусство.

—

LEONARD LE PERRUQUIER (Леонаръ парикмахеръ) Комелія-Водевиль, въ 4-хъ дѣйствіяхъ; Дюмануара и Клервиля. (Театръ *Разнообразія.*)

Парикмахеръ Леонаръ, женившись на хорошенькой Люсеттѣ, поселился въ Парижѣ, чтобъ заниматься своимъ ремесломъ. Но практика его какъ-то не шла, несмотря на то, что онъ былъ геніальнѣйшій изъ своихъ собратій, и даже придумалъ новую прическу, на которой основывалъ всѣ свои надежды. Въ одинъ прекрасный вечеръ, подъѣзжаетъ къ дверямъ его карета, изъ нея выходитъ молодой человѣкъ и прекрасная дама, и требуютъ, чтобъ Леонаръ исправилъ какъ можно скорѣе испортившуюся прическу посѣтительницы, въ чемъ не совсѣмъ невиненъ былъ, какъ кажется, посѣтитель. Но Леонару какое дѣло, онъ знаетъ только свое ремесло, и вотъ принимается за голову хорошенькой дамы, и желая испытать на ней въ первый разъ свое изобрѣтеніе, не только-что поправляетъ старую прическу, но даже причесываетъ ее совсѣмъ съизнова, по своему. Между-тѣмъ, другой пріѣхавшій господинъ, предлагаетъ ему кошелекъ золота, чтобъ онъ сдѣлалъ прическу, какъ можно смѣшнѣе. Леонаръ, какъ истинный артистъ, беретъ золото, но отказывается испортить прическу—и убираетъ голову на славу. Только по уходѣ разсерженнаго господина, онъ узнаетъ, что это бывъ министръ Шуазель, молодой человѣкъ былъ графъ Эгильонъ, а молодая дама—ни болѣе, ни менѣе, какъ графиня Дюбарри, любовница короля.

Второй актъ въ Оперномъ театрѣ. На первое представленіе новой оперы собралось лучшее парижское общество. Самъ король удостоилъ его своимъ присутствіемъ. Ожидаютъ Дюбарри. Шуазель, который подкупилъ Леонара испортить ей прическу, ожидаетъ ее какъ на иголкахъ. Онъ поклялся унизить ея красоту. Она входитъ, и вообразите отчаяніе Шуазеля, восторгъ Леонара: новая прическа возбуждаетъ всеобщее удивленіе и удовольствіе. Самъ король подалъ знакъ одобренія. Леонаръ дѣлается почетнымъ парикмахеромъ графини.

*3-й Актъ.* Не могши восторжествовать надъ графинею, Шуазель, который въ первомъ актѣ узналъ въ Люсеттѣ, женѣ Леонара, молоденькую дѣвушку, которую король замѣтилъ въ одной изъ своихъ прогулокъ и съ которой желалъ имѣть сви-

даніе, приказалъ схватить ее и заставляетъ Леонара, угрожаемаго пятью кинжалами, причесать ее по новой метолѣ. — Она была въ маскѣ, и только-что по отвозѣ ее во дворецъ, Леонаръ узнаетъ, чья голова была у него въ рукахъ. Онъ составилъ смѣлый планъ помѣшать этому королевскому свиданію, принявъ на себя роль Людовика XV – го.

*4–й Актъ.* Леонару удалось замѣнить Людовика; но Дюбарри, узнавъ объ этихъ новыхъ продѣлкахъ министра, которыя клонились къ ослабленію ея власти, сама замѣнила Люсетту, значитъ Леонаръ сдѣлался, противъ своей воли, соперникомъ короля. Это положеніе ведетъ къ чрезвычайно смѣшнымъ и занимательнымъ сценамъ, которыя оканчиваются, къ славѣ героя комедіи, водвореніемъ всѣхъ изобрѣтенныхъ имъ модныхъ причесокъ.

Пьеса имѣла заслуженный успѣхъ. Новыя декораціи и костюмы, которые не пожалѣла для нея дирекція, много помогли полнотѣ впечатлѣнія. Актеры всѣ превосходно играли свои роли. Роль Леонара занималъ Буффе.

—

Le Demon de la Foret. (Лѣшай).

Балетъ въ 2–хъ дѣйствіяхъ. (Театръ *Сен-Мартенскихъ воротъ.*)

Жилъ-былъ отецъ — рыбакъ. Онъ былъ такъ-же строгъ, какъ старъ, и потому съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ молодаго любовника своей дочери. Чтобъ положить конецъ его любовнымъ похожденіямъ, онъ приказалъ крестьянамъ схватить его и утопить въ озерѣ. Но какъ для пьяницъ, такъ и для любовниковъ, существуетъ лѣшай; одинъ изъ нихъ, прелестное и очаровательное созданьеце, взялся доказать это. Онъ спасаетъ любовника, приводитъ его предъ очи своего пана, и вѣроятно, совершенно растерявшись, приводитъ двухъ французскихъ прислужницъ за больными. Что-же это стоитъ демону? Онъ даже бросаетъ въ сѣти старому рыбаку, каменья, разную дрянь, и такихъ огромныхъ рыбъ, что старику и не справиться. Очаровательный чертенокъ до того мучитъ и надоѣлаетъ рыбаку, что тотъ съ радости соглашается оставить ему свою дочь, лишь

бы только онъ оставилъ его въ покоѣ. Счастливая чета соединяется. Прилетаютъ игры и смѣхи, танцуютъ комическій танецъ, и также національный танецъ подводнаго царства, который чрезвычайно смѣшилъ публику.

Балетъ этотъ понравился публикѣ роскошною постановкою на сцену и выполненіемъ.

Нелѣпость—есть такая-же неизбѣжная потребность балета въ Парижѣ, какъ и у насъ.

—

La Cour de Biberack (Биберахскій дворъ).

Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Соч. *Сироденя и Поля Вермона*. (Театръ *Драматической Гимназіи*.)

Фридрихъ, владѣтельный принцъ одного изъ незамѣтныхъ германскихъ княжествъ, влюбленъ до безумія въ свою сосѣдку, принцессу Матильду; но будущій тесть его Сигизмундъ, ни за что не соглашается отдать дочь свою за князя, у котораго нѣтъ ни состоянія, ни подданныхъ, ни министровъ, ни войска. Въ такомъ истинно критическомъ положеніи были обстоятельства принца Фридриха, какъ вдругъ пріѣзжаетъ, въ единственный городъ его княжества, Балтазаръ, директоръ странствующей труппы актеровъ, которую принцъ прошлаго года встрѣтилъ въ Баденѣ и звалъ къ себѣ въ Биберахъ. Пріѣздъ Балтазара измѣнилъ весь прежній порядокъ вещей. У Фридриха явился и дворъ, и министры, и войско, и словомъ, все то, что могло пустить пыль въ глаза честолюбца Сигизмунда. Вотъ какъ это сдѣлалось: Флорестанъ, первый любовникъ труппы, надѣваетъ свой гусарскій мундиръ изъ какой-то комедіи, и провозглашенъ военнымъ министромъ. Ангелика, первая любовница, въ своемъ костюмѣ, изъ «Стакана воды» сдѣлалась первою штатсъ-дамою. Комическая старуха заняла мѣсто попечительницы... чего бы то ни было. Благородный отецъ, который едва могъ разобрать свою роль, провозглашенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Фигурантки облачаются въ трико пажей, а статисты—надѣваютъ военные костюмы изъ водевиля «*Женщины-солдаты*» и составляютъ корпусъ милиціи. Сигизмундъ, съ своей сестрой, старой баронессой, являются провожатыми прелестной Матильды: Флоре-

станъ сейчасъ же прельщаетъ баронессу, старую, уродливую дѣву, между тѣмъ, какъ Сигизмундъ обвороженъ прелестями Азолины. Фридерихъ можетъ уже дѣйствовать на-просторъ—сердце Матильды принадлежитъ ему. Безумная же страсть баронесы и Сигизмунда къ Флорестану и Азолинѣ, не иначе могла быть погашена, какъ тѣмъ, что имъ по секрету объявили, что они уже давно обвѣнчаны втайнѣ.

Какъ фарсъ, этотъ водевиль имѣетъ свои достоинства. Роль Флорестана, отдѣланная лучше другихъ, довольно смѣшна.

—

Un Pacte d'Amour (Любовный договоръ). Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ *Соч. Марка-Мишелл.* (Театръ *Бомарше.*)

Жоржъ и Ришаръ, оба сироты, были приняты въ домъ одного изъ старыхъ друзей своего семейства, и воспитаны имъ, какъ собственныя дѣти. Соединенныя съ младенчества живѣйшею привязанностію, они сохранили тѣже вкусы, тѣже привычки. Непріятности одного рѣзко напечетлѣваются на лицѣ другаго; не было ни малѣйшей мысли, ни чувства, въ которомъ бы оба они не принимали одинаковаго участія. Жоржъ сдѣлался адвокатомъ, а Ришаръ—докторомъ; и если бы ихъ спросили, почему они оба не пустились на тоже поприще, они бы отвѣчали, что въ ихъ сердцѣ отъ такого соперничества, могла бы невольно прокрасться зависть, которая отравила бы ихъ дружбу.

Роковымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма натуральнымъ случаемъ, эти молодые люди, у которыхъ такъ сказать, была одна душа, у которыхъ сердце билось всегда вмѣстѣ, встрѣтились въ любви своей къ одной и той-же дѣвушкѣ. Оба до безумія влюбились въ дочь своего воспитателя.—Генріетта питала къ Жоржу и Ричарду одинакія чувства, и была далека отъ мысли огорчить котораго нибудь изъ нихъ, предпочтя—ему другаго.

Одно только средство—странное, отчаянное, остается молодымъ людямъ. Десять лѣтъ блаженства съ Генріеттой, говоритъ Жоржъ—и послѣ смерть! и они заключаютъ между собою то, что авторъ назвалъ *любовнымъ договоромъ*. Первый, имя котораго будетъ произнесено Генріеттою, сдѣлается ея мужемъ, и насладится десять лѣтъ полнымъ блаженствомъ. По прошес-

твіи этого срока, онъ долженъ умереть и предоставить другому попеченіе о Генріеттѣ, и надежду на земное счастіе.

Странность этой мысли поразила публику, драма прошла шумно, посреди громкихъ рукоплесканій всего театра. Развязка ея страшная и поразительная, мы объ ней когда-нибудь поговоримъ особенно. Успѣхъ былъ полный, блестящій, заслуженный.

—

Ozai l'insulaire. (Островитянка Озая). Балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. *Соч. Корали.* Музыка *Жиде.* Декораціи *Чичери.* (Театръ *Большой Оперы.*)

Сюжетъ этого балета нѣсколько заимствованъ изъ «*Дѣвушки острова Таити*» Виктора Гюго, этого творенія, гдѣ вполнѣ видно все могущество генія—поэта.

Нѣсколько словъ достаточно, чтобъ объяснить, въ чемъ дѣло: Озая, молодая дѣвушка на островѣ Таити, влюблена въ французскаго офицера, котораго она спасла во время кораблекрушенія. Она соглашается покинуть родину, и слѣдовать за г. Бугенвилемъ во Францію. Но вдали отъ своей знойной отчизны, молодая островитянка, казалось, потеряла всѣ свои прелести; ея наивные жесты обратились въ неловкость, ея непринужденность вредитъ ей. Напрасно она обращается къ своей любви, какъ къ послѣдней надеждѣ, завѣса падаетъ съ ея глазъ, ея возлюбленный женится на хорошенькой—Луизѣ. Озая, убитая горемъ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, возвращается оплакивать свою любовь, подъ знакомые ей бананы и пальмы.

Къ этому сюжету хореграфъ Корали приспособитъ нѣкоторые танцы, заслуживающіе особенной похвалы. Особенно замѣчательно во 2-й картинѣ, обученіе дикой островитянки европейскимъ танцамъ. Музыка Жиде не понравилась.

*А. А.*

# ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

## НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О К. П. БРЮЛОВѢ И ОБЪ И. К. АЙВАЗОВСКОМЪ.

Намъ памятно время, когда Академія открывала свои залы для посѣтителей, только чрезъ каждое трехлѣтіе, и какъ въ большіе промежутки между трех-годичными выставками, двери академическихъ галлерей, ржавѣли на своихъ петляхъ. Въ то время, публика, извѣщенная объявленіемъ газетъ объ открытіи, летѣла въ экипажахъ и бѣжала пѣшкомъ въ храмъ искусствъ, насладиться новыми трудами русскихъ художниковъ; и парадный входъ Академіи, въ хорошую и въ дурную погоду, постоянно поглощалъ безчисленныя толпы любопытныхъ. Въ домахъ, при встрѣчахъ на улицахъ, въ кандитерскихъ, вездѣ только и было разговоровъ о выставкѣ,—и купецъ, и артельщикъ, попивая чайекъ въ *заведеніи*, разсуждали о «*Тибуртинской Сибиллѣ*»—Кипренскаго. Но, когда усталый швейцаръ запиралъ, наконецъ, главныя ворота Академіи и благодарилъ небо, что минулъ послѣдній день выставки, публика, увлеченная другими интересами, оставляла свои художественные толки и во-все время до слѣдующей выставки, уже не возвращалась къ нимъ. Съ закрытіемъ воротъ, Академія Художествъ какъ будто совершенно умирала для публики, и ея огромное, прекрасное зданіе, какъ бы переставало существовать для петербургскихъ жителей, такъ, что въ продолженіи каждаго трехлѣтія, не находилось почти ни-одного любопытнаго, который заглянулъ-бы въ ея залы, несмотря на то, что тамъ постоянно

есть чѣмъ полюбоваться. Единственными и чрезвычайными посѣтителями залъ, въ то время, бывали заѣзжіе иностранцы, ученые и путешественники, въ числѣ которыхъ, мы помнимъ и Гумбольта.

Кому же обязаны теперь и публика, и Академія обоюднымъ ознакомленіемъ?—Кто виновникъ радостнаго ихъ сближенія?

Онъ между нами и занятъ колоссальнымъ дѣломъ; онъ отдался всей душой своему божественному искусству; онъ теперь въ священной тишинѣ готовитъ новое чудо, которое явится намъ въ плафонѣ Исакіевскаго собора. Это К. П. Брюловъ, которому достойный художникъ А. Е. Егоровъ, сказалъ:—«*батюшка, Карлъ Павловичъ, каждый мазокъ твоей кисти—хвала Богу!*» Почтенный А. Е. постоянно говоритъ такимъ выразительнымъ образомъ и, въ этомъ случаѣ, онъ не могъ лучше опредѣлить высшаго дара художника, который первоначально развивался также и подъ его вліяніемъ. Стоя на лѣсахъ подъ плафономъ Исакіевскаго купола, Брюловъ говоритъ: «*Мнѣ тѣсно! Я бы теперь расписалъ небо!*» Изумленные ученики, спросили его:—гдѣ жъ бы вы набрали сюжетовъ?—«*Я изобразилъ-бы на немъ всѣ религіи народовъ, которые существовали отъ сотворенія міра, и торжество надъ всѣми—христіанской.* Да, извинитъ насъ Карлъ Павловичъ! Можетъ-быть, онъ не подозрѣвалъ, что слова его такъ скоро очутятся въ печати; но мы долгомъ считаемъ сохранить ихъ, потому-что Брюловъ принадлежитъ всѣмъ намъ, принадлежитъ нашему поколѣнію, принадлежитъ гордости нашего вѣка. Эти счастливыя, ничѣмъ неоцѣнимыя минуты восторженности, во время которой Брюловъ отдается занятіямъ и говоритъ:—«*За что я такъ счастливъ? За что такъ милостивъ ко мнѣ Богъ?*» совершенно оправдываютъ слова художника Егорова.—Напрасно одинъ изъ нашихъ критиковъ-охотниковъ, думаетъ указывать Брюлову на выборъ сюжетовъ, какъ онъ это дѣлалъ, кажется, въ 1842 году; пусть острятся въ Римѣ на счетъ его живописи бездарные завистники его славы и таланта, люди раздутые рафаэльскими и пуристическими претензіями; пусть художественный критикъ подъ литерою К., намѣкаетъ о какой-то горошинѣ, которой онъ уподобляетъ эффектный бликъ на носу въ портретахъ послѣдователей нашего славнаго художника и можетъ-быть и самаго Брюлова; но это не помѣшаетъ намъ сказать, что живописецъ Брюловъ явился Прометеемъ нашей Академіи. Можно бы отдать нѣсколько лѣтъ жизни за то, чтобы видѣть творца *Помпеи* въ ту самую минуту, когда впервые блеснула въ головѣ его мысль, представить намъ бѣдствіе города, погибающаго подъ огненнымъ гнѣвомъ Везувія. Эта картина, созданная подъ небомъ Италіи, во всемірной художнической мастерской, среди знамени-

тѣйшихъ памятниковъ искусства, картина, которая прославила Брюлова, осыпала его лаврами, принесла ему рукоплесканія Европы, наполнила всѣ газеты и журналы своими описаніями, возбудила попытки создать по этимъ описаніямъ очерки, довела до крайней точки нетерпѣніе въ русской публикѣ увидѣть ее у себя, эта картина, говоримъ мы, съ появленіемъ своимъ въ Петербургѣ, распахнула всѣ двери галлерей въ Академіи Художествъ,— и вотъ начало сближенія нашей публики съ художественнымъ міромъ, вотъ европейское посѣщеніе музеумовъ (*), вотъ новая заслуга генія!

Вотъ результаты г. критикъ, которые поважнѣе горошины, которую вы замѣтили на носу Брюловскихъ портретовъ: но надо вамъ сказать, что кто берется писать объ искусствахъ, тому непростительно смотрѣть не дальше носа.

Доказательствомъ великаго вліянія Брюлова на публику, могутъ служить толпы посѣтителей, почти врывавшихся въ залы Академіи, чтобы посмотрѣть на картину «Послѣдній день Помпеи.» Эта картина нужна была для нашей публики. Огонь Везувія и блескъ молніи, похищенный съ неба и заключенный въ раму силою искусства, пробудили еще дремавшую для искусствъ публику, большая часть которой, до-той-поры посѣщала Академію лишь по приглашенію газетъ, или входила въ нее потому, что видѣла большой съѣздъ экипажей у ея парадныхъ воротъ. Но какъ только появилась картина Помпеи, ослѣпленная публика сперва изумилась предъ этимъ необыкновеннымъ произведеніемъ живописи, а потомъ, чрезъ всѣ части картины, которыя такъ рѣзко выдались, одушевились пролитою въ нихъ жизнію и очаровали оптическимъ обманомъ зрѣніе, она, какъ-бы выразумѣла всю прелесть и увлекательность тайнъ искусства, и спуская глаза съ «Послѣдняго дня Помпеи» переносила свой взглядъ на другія картины, висѣвшія по стѣнамъ той же залы. Впослѣдствіи подстрѣкнутое любопытство посѣтителей стало уже стучаться въ двери прочихъ залъ, гдѣ начали обращать на себя постоянное вниманіе зрителей и превосходныя копіи съ фрескъ Рафаэля, и ряды безмолвныхъ, но много-говорящихъ статуй; и проходившіе по заламъ Бальбуса и библіотеки, съ большею уже внимательностію вглядывались въ плафо-

(*) Есть люди, которые называютъ жизнь Европы—обвѣтшалою, изношенною и хотятъ непремѣнно удариться на Востокъ для отысканія новой, свѣжей пищи;—вѣроятно, у этихъ людей нѣтъ совершенно аппетита, или онъ испорченъ дурно пережеванными европейскими яствами.

ны Шебуева и Басина. — Въ послѣднее время, посѣщенія такъ участились, что академическое правленіе, желая соблюсти порядокъ, который не прерывалъ-бы занятій учениковъ въ залахъ Академіи, опредѣлило день въ недѣлю, именно воскресенье, въ который открыты двери галлерей для всѣхъ любителей. Вотъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ тріумфовъ высокаго таланта. Онъ одинъ только можетъ дарить публику такимъ прозрѣніемъ и увлечь ее за собою по ступенямъ храма, въ которомъ царствуетъ изящное. Много скопляется матеріаловъ для исторіи искусствъ въ нашемъ отечествѣ; обширное поприще предстоитъ и художникамъ и будущему ихъ историку; но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ еще художественной критики и журнала, который былъ-бы искреннимъ и правдивымъ ея органомъ. Нынѣ г. Айвазовскій, въ свою очередь, открылъ входъ въ Академію не въ урочное время и подарилъ публику неожиданнымъ удовольствіемъ видѣть прекрасныя произведенія своей кисти. Но мы не можемъ хвалить ихъ безусловно.

Не сознавая въ себѣ большой начитанности, мы не будемъ, подобно другимъ, пересчитывать всѣхъ метаморфозъ, въ которыхъ прожилъ стольковѣковъ Константинополь; онѣ лишь только запутаютъ дѣло и загородятъ отъ насъ труды Айвазовскаго; да еще чего добраго, иные сочтутъ это уловкой; скажутъ, что мы это дѣлаемъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы прикрыть скудость нашихъ знаній,—а потому обратимся прямо къ дѣлу!

Г. Айвазовскій обладаетъ рѣдкимъ талантомъ, это всѣмъ извѣстно. Нельзя не удивляться его необычайной способности, памятовать небо и воду во всѣхъ ихъ неуловимыхъ измѣненіяхъ и движеніяхъ. Онъ создаетъ свои картины изумительно быстро и убѣжденъ, что иначе и нельзя писать море. Мы съ нимъ согласны; но врядъ-ли эта быстрота можетъ простираться на всѣ предметы, которые Айвазовскій вводитъ въ свои картины. Нашъ славный маринистъ, въ морѣ и въ небѣ господинъ и повелитель, и то и другое—совершенно ему покорны, и еслибъ теперь окружали его восторженники древней Греціи, то въ руку статуи его, которая, безъ сомнѣнія, не замедлила бы явиться, дали бы трезубецъ Нептуна, а подъ ноги помѣстили бы самаго Эола. Времена перемѣнчивы; нынѣ отстранено обожаніе, и какъ на поприщѣ поэзіи, такъ и въ области образовательныхъ искусствъ нескоро можно попасть въ полубоги или герои. Признательность современнаго намъ общества къ дарованіямъ художника выражается болѣе въ изустныхъ похвалахъ, которыя встрѣчаются, сталкиваются между собою, иногда противорѣчатъ другъ другу, ослабѣваютъ, снова усиливаются, бродятъ и наконецъ, даютъ осадку, или иначе—по-

рождаютъ мнѣніе, на которомъ, какъ на пьедесталѣ, ставятся достоинства и извѣстность артиста.

Нельзя не восторгаться при видѣ воздуха и моря Айвазовскаго; снова повторяемъ, онъ ими владѣетъ въ совершенствѣ. Какъ чародѣй, онъ, то раскрываетъ передъ вами бездну воды, грозящую поглотить васъ, то даетъ морю, какъ въ картинѣ, названной имъ— *Счастіе,* видъ необъятнаго зеркала, въ которое смотрится дивное небо и румяная заря восходящаго солнца; или заставляетъ васъ до того забыться, глядя на его туманъ, пронизанный свѣтомъ мѣсяца, что того и ждешь, что этотъ туманъ разсѣется, мѣсяцъ скроется за скалы, и вершины горъ загорятся розовымъ разсвѣтомъ; — такъ много жизни и движенія въ этомъ воздухѣ! — А когда онъ покатитъ волны къ берегу, то готовишься вслушаться въ шумъ и говоръ сердитаго моря. Разсѣчь волну; нагнать исполинскія тучи, которыя блеснятъ въ глаза цвѣтомъ стали и готовы обрушиться водопадомъ дождя, и закрыть сейчасъ отъ васъ картину, которою вы любуетесь; срѣзать вѣтромъ гребень вала и разметать его въ милліонахъ брызгъ по картинѣ; выдвинуть на небо громады облаковъ и позолотить ихъ края лучемъ солнца; заставить дрожать отъ зноя воздухъ; это дѣло двухъ, трехъ дней, а иногда и одного дня у Айвазовскаго, который незнакомъ въ этомъ случаѣ съ опасностями бурной стихіи и для него нѣтъ подводныхъ камней въ морѣ, какъ нѣтъ неблагопріятныхъ вѣтровъ въ воздухѣ. Мы привѣтствуемъ его съ берега съ другими восторженниками его необыкновеннаго таланта; салютуемъ его криками радости и восхищенья, желаніями въ быстромъ достиженіи предположенной имъ цѣли, совершенства; но когда онъ причаливаетъ къ берегу, обнимаетъ волной выдающуюся изъ моря глыбу камня, обращаетъ сѣдые валы въ лютыхъ звѣрей, которые бросаются на скалы и грызутъ ихъ вѣковыя подножія; когда онъ подымаетъ на своихъ водахъ Константинополь; когда оставивъ море и встрѣчавшихся на немъ чаекъ, всходитъ на Аѳонскую гору и встрѣчаетъ людей, то мы позволимъ себѣ замѣтить г. Айвазовскому, что на сушѣ ему предстоитъ еще борьба и болѣе строгое изученье всего того, что не похоже на воздухъ и воду; и что землю, море, растительность, небо и людей, нельзя писать одними и тѣми же пріемами кисти. Художникъ вѣроятно самъ согласится, что на изображеніе строеній, скалъ, камней, людей, деревьевъ, нужно гораздо больше времени, нежели на написаніе волнъ и облаковъ. Многіе этого недостатка въ нашемъ славномъ маринистѣ не замѣчаютъ, потому – что все вниманіе ихъ поглащается моремъ и воздухомъ, которые вполнѣ очаро-

вательны и которымъ прочіе предметы въ тонахъ, въ согласіи красокъ, совершенно отвѣчаютъ. Гармонія цвѣтовъ разливается по всѣмъ частямъ каждой изъ картинъ Айвазовскаго, что составляетъ отличительный характеръ его живописи; но какъ отъ первостепеннаго артиста, пользующагося такою извѣстностью, художники вправѣ ожидать болѣе хорошаго рисунка, болѣе точнаго, близкаго изученія, наконецъ, болѣе окончательности, художественной отдѣлки предметовъ, надъ которыми онъ разстилаетъ свое чудное небо. Быстрая живопись воды и воздуха, можетъ быть, подала поводъ г. Айвазовскому думать, что и все остальное можно писать сразу, a la prima. — Но въ этомъ случаѣ, живописецъ ошибается, и, въ противность его мнѣнія, мы можемъ привести въ доказательство созданія великихъ мастеровъ, съ которыми онъ также знакомъ; но не знаемъ, почему въ этомъ случаѣ не пользуется ихъ внятными уроками. Носятся слухи, что г. Айвазовскій возстаетъ противъ умѣнья рисовать; но такой образъ мыслей рѣшительно противо-художественъ, и мы никакъ не можемъ связать его съ понятіемъ объ Айвазовскомъ. Намъ кажется, что безъ хорошаго рисунка нельзя шагу сдѣлать въ живописи и только владѣя имъ, можно передать камень камнемъ, представить зданіе во всей красотѣ его формы, изображать людей, которые уподоблялись бы настоящимъ людямъ и групировались въ картинѣ естественнымъ образомъ.

Не говоря о другихъ картинахъ, въ которыхъ помѣщены фигуры, мы укажемъ только на картину, названную художникомъ— *Счастіе*. Картина эта, точно вѣетъ счастіемъ, но только на зрителя, а отнюдь не на двухъ любовниковъ, которые въ самыхъ неловкихъ позахъ посажены на Аѳонской горѣ; и все это потому, что нехорошо нарисованы, и ненаписаны, какъ слѣдуетъ. — Въ нихъ нѣтъ натуры! Пылкая фантазія мариниста, хотѣла изобразить счастіе красавцевъ-любовниковъ, а рука художника, повидимому, не слушалась, и потому группа, помѣщенная на Аѳонской горѣ, является натянутою, вялою; она сохраняетъ лишь смѣшную условную форму пирамидальности и составляетъ рѣзкую противоположность съ прочими высокими достоинствами картины. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, говоритъ пословица, и потому можно ожидать, что г. Айвазовскій со временемъ согласится въ необходимости изящнаго рисунка, безъ котораго нельзя приступать къ фигурамъ и къ прочимъ предметамъ, которыхъ прелесть именно основана на тщательномъ рисункѣ. Не будь въ картинѣ «*Счастіе*» фигуръ, или явись онѣ, хотя приблизительно въ томъ прекрасномъ художественномъ видѣ, въ которомъ ихъ представляетъ

нашъ замѣчательный жанристъ Реццони (*); тогда-бы вѣрно всѣ уважающіе и любящіе труды г. Айвазовскаго, прибавили бы къ эпитету его картины, прилагательное: *Полное Счастіе.*—И что значитъ въ высшей степени даровитому художнику заняться подобнымъ изученіемъ? Неужели нужно непремѣнно копировать? Развѣ ему недостаточно только почаще посѣщать эрмитажъ и вглядѣться въ микроскопическихъ живыхъ людей Теньера, Вувермана, Фанъ Остада, Сальватора Розы, Мьериса и т. д.?? Какъ г. Айвазовскій покорилъ своимъ искусствомъ воду и небо, такъ точно желаемъ ему совладѣть и землею, растительностію и людьми, и будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ желаемой ему побѣды, на будущей выставкѣ его картинъ, которую вѣроятно не замедлитъ создать плодовитость его чрезвычайнаго таланта.

P.S. У насъ есть двѣ просьбы къ г. Айвазовскому, именно: чтобы онъ или не приводилъ къ ложнымъ понятіямъ объ искусствѣ нѣкоторыхъ легковѣрныхъ рецензентовъ, обѣщаньемъ написать *одну волну* или, пожалуй, написалъ бы ее; хотя изъ этого не можетъ создаться картина, но только съ тѣмъ, чтобы волна эта хлынула въ кабинетъ непризванныхъ цѣнителей искусствъ, подмочила бумагу, назначенную ими для рецензій, и, такимъ образомъ, отняла бы у нихъ, хотя на время—претензію писать статьи, подобныя той, какая на дняхъ, именно о г. Айвазовскомъ, попалась намъ подъ-руки, въ одной изъ здѣшнихъ газетъ.

Художникъ *Никколо Синчеро.* (**)

---

(*) Г. Реццони, написавшій превосходно русскую ресторацію и кабачекъ, со сценою играющихъ въ карты.

(**) Подъ этимъ псевдонимомъ, скрывается одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ художниковъ, который давно извѣстенъ публикѣ, какъ превосходный артистъ и какъ искусный критикъ. Пантеонъ съ особенною признательностію помѣщаетъ его статью. *Ред.*

# КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

## ПИСЬМА СОСТОЯНІИ МУЗЫКИ ВО ФЛОРЕНЦІИ.

*Письмо третье.*

—

Вы сѣтуете на меня, что я въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ, говоря о Джакобо Пери, ничего почти не сказалъ о произведеніи, на которомъ опирается его слава; постараюсь дополнить этотъ недостатокъ.

Скажу вамъ прежде всего, что поэма Ринучини скроена совершенно на покрой древнихъ трагедій, съ тою только разницею, что онъ долженъ былъ дать своей пьесѣ счастливую развязку, потому-что она предназначалась для свадебныхъ празднествъ, и другой конецъ почелся бы недобрымъ знакомъ. Въ этомъ отношеніи *Эвридика* нисколько не похожа на *Орфея* Анджела Полиціано, который по справедливости считается однимъ изъ лучшихъ произведеній итальянской поэзіи; въ другихъ отношеніяхъ, она имѣетъ съ нимъ много сходства.

Дѣйствующія лица слѣдующія: Эвридика, сопрано; Орфей, теноръ; три пастуха, Арчетро контральто, Аминтасъ и Тирсисъ—теноры; Дафна, сопрано; Венера и Прозерпина, сопрани;

Плутонъ, Радамантъ и Харонъ, басы; послѣднія пять ролей, очень коротки и неважны въ музыкальномъ отношеніи. Главныя роли Орфея и Дафны. Кромѣ этихъ главныхъ партій—хоры нимфъ, пастуховъ, адскихъ тѣней и боговъ; хоръ безпрестанно мѣшается въ дѣйствіе, и остается все время на сценѣ, какъ въ греческихъ трагедіяхъ.

Пьесѣ предшествуетъ прологъ, въ семи строфахъ, въ которомъ Трагедія, сопрано, излагаетъ содержаніе пьесы и цѣль поэта.

Non sangue sparso d'innocenti vene,
Non ciglia spente di tiranno insano,
Spettacolo infelice al guardo umano,
Canto su meste e lacrimose scene.

Композиторъ написалъ музыку къ этому прологу въ видѣ куплетовъ, несмотря на то, что между первою строфою и второю, рѣчь не прерывается, и что повтореніе одной и той же музыки къ разнымъ словамъ, въ самой сущности, противорѣчитъ системѣ, основанной исключительно на декламаціи. Впрочемъ, Пери съ самаго пролога строго подчиняется всѣмъ условіямъ, образующимъ систему пѣтой декламаціи: голосъ ограничивается интерваломъ квинты; нѣсколько слоговъ часто находятся на одной степени, но никогда одинъ слогъ не тянется на двѣ ноты. Послѣ окончательной ферматы, слѣдуетъ инструментальная *кода*, полнѣе, а слѣдовательно и живѣе предыдущаго.

Пьеса открывается тѣмъ, что одинъ пастухъ изъ хора, теноръ, приглашаетъ нимфъ праздновать бракосочетаніе Орфея и Эвридики; за тѣмъ одна изъ нимфъ говоритъ въ томъ же смыслѣ, и опять смѣняется тѣмъ же пастухомъ; но ни разу не поютъ они оба вмѣстѣ. Въ партіи сопрана нѣкоторыя мѣста подходятъ отчасти къ необыкновенному пѣнію; на одномъ словѣ есть даже небольшой пассажъ въ двувязныхъ нотахъ.

Во всей этой сценѣ, слова ни разу не повторяются; кромѣ послѣдняго стиха, который повторяется четыре раза, и весьма ловко. Нимфа поетъ его первая, въ заключеніе своего періода; за нею повторяетъ его пастухъ, на другую мелодію; потомъ повторяетъ его Арчетро, контральто, и заключаетъ его

на квинтѣ тоники; и наконецъ, весь хоръ повторяетъ его на первую мелодію.

Является Эвридика, и пропѣвъ арію въ томъ же стилѣ, какъ и все предыдущее, удаляется съ частью хора. Оставшаяся часть хора, поетъ пятиголосную пьесу, которая начинается подражаніемъ и немедленно измѣняется въ тактѣ; она служитъ припѣвомъ къ тремъ куплетамъ, поющимся, каждый на особую музыку. Первый куплетъ поетъ сопрано, второй—теноръ, третій—опять сопрано; въ послѣднемъ замѣчательны усилія Пери выразить стихъ:

Corrin di puro latte e rivi e fiumi.

Является Орфей и поетъ речитативную арію, которую композиторъ очевидно писалъ съ необыкновеннымъ стараніемъ; въ ней, въ одномъ только мѣстѣ встрѣчается повтореніе словъ; но оно очень извинительно, ибо повторяется воззваніе, bella madre d'Amor; а даже самая строгая драматическая и декламаціонная система должна допускать повтореніе воззваній и восклицаній. Два небольшіе пассажа въ двувязныхъ нотахъ, также нисколько непротивны системѣ композитора, ибо они ничто иное, какъ протяженіе голоса на болѣе важныхъ словахъ.

Между тѣмъ, какъ Арчетро поздравляетъ Орфея съ счастливою любовью, является Тирсисъ, играя на тройной флейтѣ (triflauto), и поетъ куплеты, раздѣляемые короткими ритурнелями на томъ же инструментѣ. Авторъ замѣчаетъ въ партитурѣ, что этотъ нумеръ былъ дѣйствительно исполненъ такимъ инструментомъ (con tale strumento fu suonata), а не тремя флейтами.

Если вы спросите, какъ была устроена эта тройная флейта, я постараюсь объяснить вамъ это въ немногихъ словахъ. Мысль о ней очевидно подали древніе памятники, изображающіе флейтистовъ, играющихъ на двухъ флейтахъ, или дудкахъ, держа одну въ правой рукѣ, другую въ лѣвой. Тоже самое хотѣли сдѣлать авторы этой пьесы, старавшіеся преимущественно возстановить все, что считали принадлежностью древней Греціи. Но въ то же время, какъ двухголосная гармонія казалась тогдашнимъ композиторамъ слишкомъ голою, то Пери употребилъ для лѣвой руки простую флейту, а для правой—двойную, составленную изъ двухъ флейтъ, связанныхъ вмѣстѣ, на которыхъ

можно было играть одною рукою; на ней можно было безпрестанно играть пассажи въ терцахъ, и другія легкія фигуры, не затруднія слишкомъ размѣщенія пальцевъ.

Но возвратимся къ изложенію пьесы. Дафна, одна изъ подругъ Эвридики, выходитъ и разсказываетъ смерть ея. Этотъ длинный разсказъ, съ отвѣтомъ Орфея и разсужденіями Арчетро, обработанъ очень тщательно; тутъ встрѣчаются нѣкоторыя изъ основныхъ формъ, принятыхъ съ-тѣхъ-поръ для речитатива. Пери не разъ употребляетъ тутъ извѣстные интервалы, напримѣръ, непосредственное троезвучіе и сокращенную терцу, которыя не допускались въ то время въ мелодіи; довольно часто встрѣчаются также модуляціи, хотя онѣ впрочемъ ограничиваются ближайшими тонами. Словомъ, во всемъ видно, что подвигаясь въ своемъ твореніи, онъ свыкался съ новымъ стилемъ, который думалъ ввести, и что мысли его уже рождались облеченныя въ формы, опредѣляемыя новою его системою.

Являются опять подруги Эвридики и оплакиваютъ несчастный случай, бывшій причиною ея смерти. Явленіе оканчивается шестью станцами, раздѣляемыми пятиголоснымъ хоромъ или припѣвомъ, который повторяется послѣ двухъ различныхъ соло, и послѣ седьмой станцы, написанной на три голоса, съ весьма удачными подражаніями. Приходитъ Арчетро, другъ Орфея, и въ предлинномъ разсказѣ, очень тщательно обработанномъ, изображаетъ отчаяніе Орфея, и внезапное явленіе Веперы, сошедшей съ небесъ утѣшить его. Хоръ поетъ гимнъ въ честь милосердой богинѣ.

Декорація мѣняется. Венера указываетъ Орфею путь къ аду. Хотя тутъ на каждомъ шагу видно стараніе композитора выражать въ музыкѣ смыслъ словъ, однако же вся сцена ада, кажется, довольно слаба, не только партія Орфея, но и партія Плутона, Радаманта, Харона, Прозерпины и самый хоръ адскихъ боговъ.

Боги соглашаются возвратить Орфею Эвридику. Декорація мѣняется. Приходитъ пастухъ и возвѣщаетъ возвращеніе Орфея и воскресеніе Эвридики. За тѣмъ являются они сами; Орфей поетъ арію, весьма замѣчательную по стилю и характеру, но болѣе подходящую къ кантиленѣ, нежели къ речитативу. Пьеса

заключается пятиголоснымъ хоромъ, съ пляскою; въ него вставлены два куплета, первый на три сопрано, второй—на три тенора. Вслѣдъ за хоромъ танцуется pas de deux подъ одну инструментальную музыку.

Такова первая *опера*; какъ видите, въ ней, подобно трагедіямъ древнихъ, очень мало дѣйствія, множество предлинныхъ и довольно многословныхъ разсказовъ; впрочемъ, я этимъ нисколько нехочу отвергать великихъ заслугъ автора, Оттавіо Риначини.

Дополню свой разборъ немногими общими размышленіями, которыя яснѣе покажутъ, какъ Пери и его сподвижники понимали драматическую музыку, и какія были первыя ихъ дѣйствія.

Напрасно стали бы думать, что его речитативы похожи на тѣ, которые ввелись съ тѣхъ поръ. Стоитъ только взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться въ совершенномъ различіи тѣхъ и другихъ. Во-первыхъ, речитативъ Пери всегда строго подчиняется тактѣ, и исполнителю не дозволяется ускорять или замедлять фразу по произволу; во-вторыхъ, длина періодовъ неопредѣлена, и они не разбиваются на небольшія фразы, какъ нынче. Сверхъ того, никогда не встрѣчаются у него сжатые разговоры, въ которыхъ два пѣвца будто перебиваютъ другъ-друга; послѣднее можно впрочемъ приписать системѣ стихосложенія, принятой авторомъ либретта; наконецъ, въ музыкѣ его, какъ она ни подходитъ къ декламаціи, всегда есть ясное опредѣленное пѣніе, несмотря на отсутствіе симметрическихъ формъ и оборотовъ, имѣющихъ цѣлью одинъ музыкальный эфектъ. Поэтому, въ *Эвридикѣ* не найдется того, что впослѣдствіи названо аріями; слѣдовательно, справедливо приписывается позднѣйшимъ композиторамъ введеніе въ оперу *аріи*, т. е. такихъ пьесъ, которыя, отдѣляясь отъ речитатива и принимая особый характеръ, не подчиняются требованіямъ декламаціи, и отъ которыхъ можно требовать только общаго, неопредѣленнаго выраженія смысла словъ. Пери за этимъ и не гнался, онъ старался только въ точности передавать слова, станцы, которыя поютъ иногда хоры или корифеи — пѣсни или куплеты, а не настоящія аріи.

Изъ этого видно, что главный недостатокъ системы Пери, заключается въ чрезвычайномъ однообразіи, утомляющемъ

слухъ съ самаго начала. Это однообразіе происходитъ не только изъ сходства фразъ и оборотовъ, но также изъ рѣдкости модуляцій, частаго повторенія полныхъ фермать, и однообразія полуфермать. Присоединимъ къ этому частое повтореніе ноты на одной ступени, силлабическое распредѣленіе нотъ, отсутствіе разнообразія въ ихъ продолжительности и постепенности въ кантиленѣ. Несмотря на то, нововведенія Пери должны были сильно поразить первыхъ его слушателей, привыкшихъ слушать одни перехитренные мадригалы, или слишкомъ простыя пѣсенки. Притомъ вѣра, что эта система сближалась съ многохваленою музыкою древнихъ, довершила успѣхъ Пери и торжество главной идеи, составлявшей основаніе его системы. Вотъ почему имя его останется славнымъ въ исторіи музыки, несмотря на то, что онъ оставилъ одну только оперу; и эта опера, ничто иное, какъ опытъ, но опытъ весьма удачно задуманный; и богатство произведенныхъ имъ плодовъ доказываетъ плодотворность мысли Пери.

Но довольно мы поговорили о старинѣ, обратимся къ настоящему.

Видя на аффишѣ новую оперу Риччи, можно-ли не ожидать чего-нибудь хорошаго, по-крайней-мѣрѣ мѣстами? Вѣдь написалъ же онъ Chiara di Rosenberg и Un avventura di Scaramuccia. Написалъ множество другихъ оперъ, которыя очень далеки отъ этихъ двухъ, но въ которыхъ есть прекрасныя мѣста, и даже въ порядочномъ количествѣ. Ктому-же онъ въ наше время одинъ остался вѣренъ оперѣ-буффѣ, которую съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе забываютъ. Видя нерасположеніе публики къ этому роду, Риччи нѣсколько лѣтъ покоился отъ трудовъ. Съ какимъ же удовольствіемъ услышали мы, что онъ оставляетъ свою должность въ Тріестѣ, и ѣдетъ къ намъ писать новую оперу: Il Birrajo di Preston (Престонскій пивоваръ); онъ написалъ его съ обыкновенною итальянскою живостью. На пробахъ всѣ прочили новой оперѣ успѣхъ; одинъ Риччи сомнительно покачивалъ головою. Къ несчастію, безпокойство его оправдалось; оперу приняли чрезвычайно холодно, едва вызвали его два-три раза, и онъ послѣ перваго же представленія бѣжалъ изъ Флоренціи, будто преступникъ. Однако-же опера его вовсе не преступленіе: въ ней встрѣчаются прекрасныя мѣста, напримѣръ, весьма замѣчательный терцетъ, и басовая каватина съ кларне-

томъ. Оркестровка гораздо тщательнѣе и благоразумнѣе, чѣмъ у большой части нынѣшнихъ композиторовъ, въ особенности у молодыхъ; мѣдные инструменты не заглушаютъ слушателя, не смотря на то, что почти во все продолженіе пьесы есть на сценѣ солдаты. Можно посѣтовать на композитора только за то, что онъ недовольно строгъ въ выборѣ мелодическихъ идей. Неужели опытность несовмѣстна съ творчествомъ и фантазіею?

Я пожелалъ бы Риччи того, что съ нимъ одинъ разъ уже случилось, хотя сомнѣваюсь въ исполненіи желанія. Вотъ въ чемъ дѣло: не такъ давно поставилъ онъ оперу Chi dura vince. Паденіе ея было изъ самыхъ полновѣсныхъ, несмотря на то, что ее исполняли первые пѣвцы Италіи. Въ слѣдующій сезонъ импресаріо одного второстепеннаго театра, кажется, по совѣту либреттиста, поставилъ ее у себя. Опера понравилась и была опорою всего сезона: она заслуживала успѣхъ, потому-что въ ней много веселыхъ, умныхъ мотивовъ, хотя подчасъ и пошловатыхъ.

Импресаріо театра делла Пергола, кажется рѣшился въ нынѣшній карнавалъ не давать оперы-серіи. За *Пивоваромъ* послѣдовалъ фарсъ въ одномъ дѣйствіи, положенный на музыку Сперансою: La figlia di Dominico, o quattro prnove per una recita. Музыка холодна и безцвѣтна; оркестровка оглушительна, трубы ни на минуту не даютъ отдохнуть ушамъ.

Въ этой пьесѣ являлась опять Анджелика Зоія; она по-прежнему хороша собою; по-прежнему бѣгаетъ, прыгаетъ, кокетничаетъ, порхаетъ, наконецъ танцуетъ, и даже—играетъ на трубѣ; но о пѣніи ея — ни слова. Впрочемъ, съ нѣкоторыхъ поръ на театрѣ появилось множество преученыхъ людей, мастеровъ всякаго дѣла, только не пѣнія, которому они не доучились.

Вотъ все, что я могу сказать о театрѣ делла Пергола. На другихъ театрахъ оперъ не давали, кромѣ театра Альфіери, на которомъ играли *Эрнани* и *Ломбардцевъ*. Въ нихъ являлся премоденькій теноръ, и пѣлъ изо всей мочи и отъ всей души. Такъ и надо въ операхъ Верди; которыхъ часть публики, пожалуй, не захочетъ слушать, если не кричать ихъ такъ, что ушамъ больно. De gustibus non est disputandum.

Карнавалъ кончился, но намъ обѣщаютъ потомъ чудеса.

Мы увидимъ самого Верди; онъ пріѣдетъ ставить *Аттилу*, *Альзиру* и *Макбета*, написаннаго нарочно для нашего театра.

До свиданія.

—

*Письмо четвертое.*

—

Наконецъ, дождались мы новой оперы, писанной для здѣшняго театра. Во Флоренціи это дѣло довольно рѣдкое, потому-что если флорентинцы скуповаты, то не взыскательны; довольствуются всѣмъ, что имъ дастъ импресаріо. Послѣдняя опера, писанная для Флоренціи была Доницеттіева *Паризина*, представленная въ первый разъ въ 1832 году. Незнаю, не будетъ ли *Макбетъ* такъ же счастливъ?—Я желаю ему успѣха, потому-что никому не должно желать зла. Верди самъ ставитъ свою оперу. Я имѣлъ случай видѣть его нѣсколько разъ, и меня поразила его физіономія. Вообще мнѣ кажется, физіономія композитора имѣетъ близкое отношеніе къ его—музыкѣ. Сравните физіономіи четырехъ италіянскихъ композиторовъ, владѣвшихъ скиптромъ первенства въ послѣднее время; Россини, Беллини, Доницетти и Верди. Взгляните на вѣчноулыбающееся лицо Россини, его чистыя черты, большіе глаза, высокій лобъ, самый любезный, но въ тоже время невыразимо насмѣшливый ротъ. Отъ него перейдите къ прекрасному лицу Доницетти, съ его крупными чертами, благороднымъ, глубокимъ взглядомъ, и откровенною улыбкою; и наконецъ вспомните нѣжную, задумчивую физіономію Беллини. Не написанъ ли у каждаго изъ нихъ на лицѣ характеръ ихъ музыки? Какъ музыка Верди не имѣетъ ни одного изъ свойствъ, которымъ отличались его предшественники, точно такъ же отлична отъ нихъ и его физіономія. Черты лица крупны, но изобличаютъ болѣе размышленіе, нежели фантазію. Онъ худъ, желтъ и сухъ; грустный, безпокойный взглядъ, вполнѣ согласуется съ его болѣзненною, измученною музыкою; это земледѣлецъ, обработывающій неблагодарную почву, и всегда дрожащій за будущую жатву. Кажется, успѣхи Верди должны бы внушать ему нѣсколько увѣ-

ренности. Или онъ чувствуетъ истощеніе своего таланта, и близкій конецъ царства? Россини отрекся среди самой блестящей и неоспоримый славы; Доницетти сошелъ съ-ума, Беллини умеръ; неужели Верди будетъ просто—сверженъ? Богъ знаетъ; но до-сихъ-поръ еще не видать никого, кто бы могъ и желалъ заступить его мѣсто; слѣдовательно, онъ можетъ спать и сочинять безопасно. Посмотримъ, должна ли новая опера украсить его славу или подкопать ее.

Прежде всего должно сказать, что едва ли найдется либретто хуже и глупѣе этого; не только планъ нелѣпъ, но и самые стихи скверны. Въ одномъ только авторъ поступилъ умно: онъ не выставилъ на немъ своего имени; но авторское тщеславіе не вытерпѣло, и онъ назвался на аффишѣ. Этотъ авторъ—г. Піаве.

Увертюры нѣтъ; вообще увертюры вовсе вывелись изъ употребленія съ-тѣхъ-поръ, какъ Беллини уволилъ себя отъ нихъ. Оно очень естественно; въ увертюрѣ нѣтъ любимой пѣвицы, которая поддержала бы пошлые мотивы; она не выѣдетъ на крикахъ, называющихся *драматическою экспрессіею*. Композитору дается оркестръ, по большей части, довольно плохой, а вѣдь кому пріятно начать новую оперу неудачнымъ нумеромъ. Въ *Макбетѣ* увертюра замѣнена коротенькою и до крайности не трудною интролукціею, которой однако же очень апплодировали. За нею слѣдуетъ хоръ вѣдьмъ, которымъ начинается пьеса. Хоръ этотъ, на который композиторъ кажется очень расчитывалъ, по-моему, очень неудаченъ; непонимаю, какъ могъ онъ въ такой мрачной трагедіи дать вѣдьмамъ пѣть какую-то смѣшную болтовню. Такъ же мало умѣлъ Верди воспользоваться сценою, когда Макбетъ (баритонъ) и Банко (бассъ) вопрошаютъ вѣдьмъ, и онѣ поздравляютъ его троекратнымъ возгласомъ:

Salve, o Macbetto, di Glamis Sire!
Salve, o Macbetto, di Candor Sire!
Salve, o Macbetto, di Scozzia Sire!

По удаленіи вѣдьмъ, являются посланные отъ короля, и объявляютъ Макбету, что онъ пожалованъ въ таны кодорскіе. Вступленіе прекрасно; но по обыкновенію Верди оканчивается пошлостію;

дуэтомъ a parte Макбета и Банко, холоднымъ и безцвѣтнымъ. Вѣдьмы возвращаются, и поютъ хоръ въ одинъ голосъ. Можете себѣ вообразить, что за вѣдьмы? двадцать женщинъ стоятъ на сценѣ, и поютъ въ одинъ голосъ. Выходитъ леди Макбетъ съ письмомъ въ рукахъ; поетъ речитативъ, написанный съ большимъ стараніемъ, но очень обыкновенный, а потомъ довольно ничтожную арію; впрочемъ, эта сцена, благодаря таланту г–жи Барбіери, произвела сильное впечатлѣніе. Приходъ короля, сопровождается, по словамъ либретта, сельскою музыкою, которую исполняетъ военный оркестръ, музыка пошлая, и весь ея сельскій характеръ заключается въ томъ, что она писана въ $^6/_8$. Рѣшившись на цареубійство, Макбетъ поетъ декламированную арію, крайне жалкую и однообразную, несмотря на всѣ шекспировскія прикрасы, введенныя г. Піаве. По совершеніи преступленія, Макбетъ возвращается и въ дуэттѣ разсказываетъ женѣ подробности дѣла; мелодія очень удачна, въ особенности въ томъ мѣстѣ, когда онъ разсказываетъ, какъ служители молились во снѣ «храни насъ Господи», и онъ хотѣлъ сказать имъ аминь, но слова замерли на устахъ. Весь дуэтъ былъ бы превосходенъ, если бы не оканчивался нелѣпымъ аллегро, болѣе достойнымъ водевиля, нежели трагедіи. Приносятъ вѣсть объ убіеніи короля, всеобщій ужасъ и превосходный финалъ перваго дѣйствія. Прекрасный эфектъ производитъ отрывокъ на одни голоса, прерывающій громъ оркестра. Особенную цѣну этому мѣсту даетъ прекрасная модуляція; ему очень апплодировали, и при игрѣ Барбіери, оно по–видимому обѣщало успѣхъ оперѣ, несмотря на многія слабости пошлости, безобразившія первое дѣйствіе.

Содержаніе втораго дѣйствія составляетъ убіеніе Банко, котораго потомки, по предреченію вѣдьмъ, должны быть на престолѣ. Оно открывается разговоромъ Макбета съ женою, оканчивающимся дурною, пошлою аріею, которая впрочемъ была очень хорошо исполнена. За–тѣмъ хоръ убійцъ, ужасный только въ либретто, и котораго эфекты всѣ основаны на чрезвычайномъ форте въ нѣкоторыхъ словахъ.

Банко убитъ; у короля Макбета пиръ. Леди Макбетъ куплетами приглашаетъ гостей повеселиться, но когда король хочетъ сѣсть, мѣсто его занято тѣнію Банко. Это дивное мгновеніе, ничѣмъ не выражается въ музыкѣ; композиторъ истощилъ всѣ

свои средства въ началѣ, и ничего не оставилъ для этой сцены.

Третье дѣйствіе открывается, подобно первому, хоромъ вѣльмъ, къ которымъ Макбетъ пришелъ требовать объясненія ихъ предреченія. Для контраста, когда Макбетъ въ ужасѣ падаетъ безъ чувствъ, сильфиды сходятъ къ нему, пляшутъ вокругъ него и оживляютъ его!!! Это мѣсто напоминаетъ отчасти балетъ въ третьемъ дѣйствіи *Роберта*.

Въ четвертомъ дѣйствіи—возстаніе. Малькольмъ предводитель недовольныхъ, поетъ арію, которая нѣсколько лучше прочихъ. Декорація мѣняется и представляетъ замокъ Макбета; сомнамбулизмъ леди Макбетъ, видящей на рукахъ не смывающіяся кровавыя пятна, внушилъ композитору нѣсколько удачныхъ идей. Къ несчастію, слушатели были такъ утомлены предъидущимъ, что эта сцена прошла безъ вниманія. За-тѣмъ слѣдуетъ развязка, воины Малькольмовы идутъ къ замку, прикрываясь вѣтвями, въ исполненіе предсказанія вѣдьмъ, что Макбетъ погибнетъ, когда Бирманскій лѣсъ тронется и пойдетъ на него.

Верди хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы перемѣнить свой стиль, создать себѣ новый родъ, какъ сдѣлалъ Россини въ *Вильгельмѣ Теллѣ*; но какъ ни недостаточно либретто *Вильгельма Телля*, оно по-крайней-мѣрѣ удовлетворяло первымъ условіямъ искусства, и композиторъ могъ вводить новыя формы, не впадая на каждомъ шагу въ ошибки, изъ коихъ самая жестокая и самая неизбѣжная для него,—убійственное однообразіе. Вообразите, что почти вся опера, отъ начала до конца, писана въ мольномъ тонѣ, и что цѣлые нумера писаны безъ модуляцій, что почти всѣ ферматы приведены къ тоникѣ, и полуферматы находятся въ предѣлахъ той же тоники. Въ оркестрѣ есть разныя фигурки, которыя подпрыгиваютъ и копошатся кстати и некстати, и производятъ самое непріятное впечатлѣніе. Нигдѣ даже не найдется слѣда мѣстности; ни одной фразы, показывающей, что дѣйствіе происходитъ въ Шотландіи; ни одной заунывной мелодіи шотландскихъ горъ!

Что касается до пѣвцовъ, они гораздо лучше служили композитору, нежели либреттистъ. Но, мы спрашиваемъ, что такое опера безъ тенора, или, въ которой теноръ играетъ такую ничтожную роль, что только въ концѣ оперы замѣчается его при-

сутствіе. Вся опера вертится около сопрано и баритона, которые исполняютъ Маріанна Барбіери-Нини (леди Макбетъ) и Феличе Варезе (Макбетъ). Барбіери-Нини довольно поздно принялась за изученіе музыки; но она одарена тѣмъ, что теперь всего нужнѣе, крѣпкимъ сложеніемъ, и рѣзкимъ, необыкновенно сильнымъ голосомъ; притомъ она довольно поучилась, чтобы гладко, а иногда и со славою исполнять угловатые пассажи, которые замѣнили нынче и плавное и пѣніе и длинные быстрые пассажи. Таковъ ужъ нынче вкусъ, нечего дѣлать! Барбіери имѣетъ еще то достоинство, что несмотря на силу голоса, она выдѣлываетъ эти пассажи съ чрезвычайною легкостью; сверхъ того, она почти безъ усилія покрываетъ самый густый оркестръ. Не мѣшало бы ей, разумѣется, лучше ходить на сценѣ, лучше играть, и не поднимать рукъ надъ головою, когда беретъ высокія ноты. Варезе хорошій баритонъ, перебывавшій на всѣхъ лучшихъ итальянскихъ театрахъ; поетъ хорошо; но если онъ часто будетъ играть *Макбета*, или другія подобныя партіи, то голоса его не станетъ на два года. Нынѣшняя голосовая музыка, въ особенности Вердіева, скоро убьетъ самый сильный голосъ.

Остается мнѣ сказать нѣсколько словъ объ успѣхѣ новой оперы. При первомъ представленіи, два первые дѣйствія сопровождались безпрестанными рукоплесканіями и вызовами. Остальные два, выслушаны чрезвычайно холодно, потому-что флорентинцы, хотя и отчаянные вердисты, но очень чувствительны къ скукѣ. Ко-второму представленію приняты мѣры для поддержанія послѣднихъ дѣйствій.

Вотъ мое безпристрастное сужденіе о новомъ произведеніи знаменитаго композитора. Оно строго, но хвалы слѣпыхъ почитателей вознаградятъ его за мое осужденіе. Желаю только, чтобы они не вогнали его окончательно въ ложное направленіе, по которому онъ идетъ; его слава завлечетъ по его слѣдамъ многихъ другихъ, пока новая реакція не положитъ конца этому варварству! Вы не можете себѣ вообразить, до чего доходитъ ослѣпленіе его приверженцевъ! Въ Миланѣ печатали литографію, на которой представленъ Верди попирающимъ всѣхъ прежнихъ композиторовъ, и ставящимъ ногу на голову Россини! Вотъ, я думаю, посмѣялся Россини. Впрочемъ, никто, ра-

зумѣется, не сомнѣвается въ томъ, что Верди невиненъ въ этой пошлой и отвратительной выходкѣ глупыхъ почитателей.

—

## ДЕБЮТЪ ДЮПРЕ ВЪ ГЕРМАНІИ.

*(Письмо изъ Гамбурга).*

—

До васъ вѣрно дошли имена двухъ теноровъ, Тихачка и Дюпре? Мы имѣли счастіе слышать обоихъ на одной и той же недѣлѣ. Случай привелъ ихъ обоихъ въ Берлинъ, а наша дирекція воспользовалась случаемъ, перебуксировала ихъ сюда— и хвалится своими заслугами. Добрая дирекція, желая доставить намъ удовольствіе, собрала два полные сбора! О великодушная дирекція!

Тихачекъ пріѣхалъ въ воскресенье, часовъ въ шесть вечера. Станція желѣзной дороги была въ это время самымъ любопытнымъ пунктомъ въ Гамбургѣ. Нашъ почтенный директоръ, г. Корнетъ, стоялъ среди группы своихъ пріятелей, въ безпокойномъ ожиданіи. Онъ былъ блѣденъ, блѣденъ какъ смерть! Партеръ, галлереи, весь театръ набитъ биткомъ! Въ кассѣ 1500 талеровъ! Ну, вдругъ Тихачекъ не пріѣдетъ, что тогда дѣлать? прощай наше музыкальное наслажденіе—виноватъ, прощайте, любезные 1500 талеровъ! Но вотъ — свищетъ паровозъ — изъ окна высовывается голова—другая—ура! это головы его безцѣнныхъ друзей, Дюпре и Тихачка! А въ нѣкоторомъ разстояніи собирается другая группа, грозная группа! Передъ нею-то блѣднѣетъ мой директоръ; ибо она питаетъ такое глубокое уваженіе къ царю нѣмецкихъ теноровъ, что непремѣнно хочетъ овладѣть имъ. Но все на свѣтѣ можно уладить! и это дѣло уладилось. Тихачекъ въ тотъ же вечеръ явился въ роли Мазаніелло, получилъ вѣнокъ отъ знакомой руки и держалъ прескверную рѣчь. На слѣдующій же день завтракалъ онъ въ Виттембергѣ, и обѣдалъ въ Берлинѣ.

Нѣмецкій теноръ глалко сошелъ съ рукъ дирекціи; но жестокій ударъ готовилъ ей французъ! Добрая дирекція кажется забыла, что Дюпре уже четыре года назадъ, частенько бывалъ невыносимъ. Но вѣдь, куда какъ сладко убаюкивать себя обманчивою мечтою! Дюпре вѣроятно раздѣлялъ мечты дирекціи! На первой пробѣ Дюпре харкалъ, какъ воронъ; дирекція приписала это простудѣ, и объявила спектакль по возвышеннымъ цѣнамъ. На другой пробѣ, то же;—на третьей то же,—дирекція и въ усъ не дуетъ; дѣлаетъ приготовленія къ представленію, и съ удивительнымъ спокойствіемъ духа, разсылаетъ по газетамъ біографію великаго артиста. Публика готовилась къ небывалому наслажденію; кой-какіе брюзги за кулисами покачивали въ недоумѣніи головою; но вѣдь дирекція позволила ему дебютировать, назначила на первыя мѣста двойныя цѣны; долженъ же онъ быть прежнимъ великимъ Дюпре! Театръ набитъ биткомъ, въ кассѣ чуть не четыре тысячи марокъ. На всѣхъ лицахъ выражается нетерпѣливое ожиданіе, въ особенности же на тѣхъ, которыя съѣхались изъ-за шести миль, за тѣмъ только, чтобы сказать: мы слышали Дюпре! Наконецъ является великій человѣкъ. «Lucia», говоритъ онъ. Всѣ осматриваются, перешептываются; что такое? То былъ не звукъ человѣческаго голоса, что-то непріятное, что-то очень похожее на хрюканье новорожденныхъ поросятъ. Онъ продолжаетъ. О горе! бѣдныя наши уши, бѣдныя деньги! Отвсюду свистъ, топотъ, крикъ, смѣхъ, все негодуетъ! «А я за-тѣмъ только и пріѣхалъ изъ Люнебурга», говоритъ одинъ. «Это дневной грабежъ!» кричитъ другой; и это продолжается до-тѣхъ-поръ, пока опускается занавѣсъ. Все бѣснуется, все требуетъ назадъ денегъ. Одинъ только человѣкъ, сжаливается надъ разрушеннымъ величіемъ; всходитъ на сцену; вездѣ суматоха; пѣвецъ, оставленный всѣми, сидитъ одинъ въ директорской комнатѣ, вспоминаетъ о Парижѣ, о своемъ palais Aquado, о своей славѣ, о своемъ богатствѣ, и о свисткахъ Гамбургской публики. Голова у него идетъ ходуномъ, будто подъ убійственнымъ вихремъ. «Еще бы на-минуту мнѣ моего прежняго голоса, а тамъ, хоть-бы умереть!» думаетъ онъ, а неумолимый сигналъ вызываетъ его на сцену, выдерживать во второй разъ бурю разъяренной толпы. Тутъ вспоминаетъ онъ слова незнакомца, выходитъ на авансцену, и по-французски проситъ публику о снисхожденіи. Кашель, простуда, грипъ—суровый кли-

матъ, и проч. и проч. и проч. Все успокоилось, незнакомецъ знаетъ публику! Вотъ сцена проклятія во второмъ дѣйствіи.— Одну бы искру голоса, и Дюпре привелъ бы публику въ восторгъ; ибо онъ великъ, онъ превосходенъ въ этой сценѣ; но онъ не можетъ пѣть, голосу у него нѣтъ, — и опять пошелъ шумъ и свистъ! Въ одномъ только мѣстѣ, въ послѣдней сценѣ третьяго дѣйствія, совладѣлъ онъ съ ролью; онъ прошепталъ арію, какъ могъ прошептать ее только великій пѣвецъ; громъ рукоплесканій огласилъ театръ, и Дюпре былъ счастливъ. Но арія не кончена, за нѣжными стонами слѣдуютъ сильные звуки страсти... и снова свистъ—и проводилъ умершаго пѣвца въ могилу; ибо онъ умеръ, да, рѣшительно умеръ!

То былъ достопамятный вечеръ, о которомъ многое можно бы написать, если бы не были съ нимъ связаны грустныя воспоминанія. Если наши гамбургскіе пѣвцы ревѣли пуще обыкновеннаго, да проститъ ихъ Господь; они такъ-же мало знали, что дѣлали, какъ и публика, апплодировавшая имъ; ибо хотя бы всѣхъ теноровъ Германіи соединить вмѣстѣ, изъ нихъ не выйдетъ и полъ-Дюпре!

*А. Г.*

# СМѢСЬ.

—

## ВЕСЕННІЕ КОНЦЕРТЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Концерты наши въ нынѣшнемъ году были блистательны въ художественномъ отношеніи. Заѣзжіе, первоклассные артисты, доставили Петербургу самыя изящныя и обильныя наслажденія. Блазъ съ своимъ чудотворнымъ кларнетомъ, Эрнстъ съ своей капризной и хвастливой скрыпкой, г–жа Кристіани съ своей пѣвучей и мечтательной віолончелью, и наконецъ дивный Берліозъ, съ своими колоссальными созданіями, съ своей оригинальной оркестровкой, съ своей Шекспировской фантазіей—очаровали, увлекли, наполнили восторгомъ всѣхъ истинныхъ любителей музыки. Мы отдали подробный отчетъ обо всѣхъ этихъ необыкновенныхъ явленіяхъ въ области искусства, оцѣнили художниковъ — по-крайнему нашему разумѣнію и теперь намѣрены не отступиться отъ высказаннаго мнѣнія, а только пополнить нашу статью тѣми замѣчательными концертами, которые такъ кстати явились послѣ Святой, чтобы отогрѣть душу въ нашу холодную весну.

Если природа сѣвера, не вздумала распустить березокъ къ Троицыну Дню, если Борей

Сыпалъ инеи пушисты
И мятели воздымалъ....

когда его южные братья по изумрудным полям выводили уже эмальевые узоры цвѣтовъ, то пусть, по-крайней-мѣрѣ, Берліозъ рисуетъ намъ нѣгу весны, роскошные луга и рощи, пусть Эрнстъ заставляетъ пѣть свою скрыпку жаворонкомъ и соловьемъ.

—

Берліозъ далъ намъ еще два концерта и въ нихъ, кромѣ прежнихъ пьесъ, мы услышали его превосходную симфонію «*Ромео и Джюльетта*,» эту драматическую поэму, въ которой такъ много глубокаго чувства, фантазіи смѣлой и игривой, конценціи вмѣстѣ оригинальной и вѣрной! Но въ этой поэмѣ мы опять-таки отдадимъ полную справедливость партіямъ оркестра, и умолчимъ о лирической части, потому-что для вѣрной ея оцѣнки, нужны голоса свѣжіе, таланты, стоящіе въ-уровень съ геніяльностью созданія, и энергія равная той, которая одушевляетъ композитора. У насъ партію *Ромео* — исполнялъ г. Голландъ, прекрасный *актеръ* между нѣмцами, но давно переставшій быть *пѣвцомъ*, партію *Джюльетты* — исполняла г-жа Валькеръ, пѣвица, съ голосомъ сильнымъ, но по нѣгѣ звука, по обработанности пѣнія и, наконецъ, по лѣтамъ и наружности, составляющая явную противоположность тому, чего требуетъ эта партія. На сценѣ оба эти артиста — хороши, когда они являются въ характерахъ, соотвѣтствующихъ ихъ средствамъ и дополняютъ *игрою* то, что не дано выразить *музыкою*. Но концертъ не сцена: — здѣсь вся сила, все обаяніе — въ звукахъ, ихъ силѣ, ихъ страсти, ихъ чистотѣ и граціи. Хоры за то были превосходны и г. Ферзингъ въ маленькой, но эффектной партіи *Лоренцо*, превосходенъ, какъ онъ бывалъ всегда и во всемъ, за что брался, съ своимъ металлическимъ, дивнымъ органомъ.

Конечно, красоты созданія Берліоза все-таки сильно обнаружились, но обнаружились, какъ красоты древней картины Салватора Розы, которую время покрыло темнымъ флёромъ: сквозь него видны чудные очерки величественнаго ландшафта, но всю прелесть и яркій колоритъ его, надо угадывать и дополнять воображеніемъ. Впрочемъ, утопая въ морѣ наслажденій, можно безропотно перенести одну или двѣ горькія волны, которыя въ немъ встрѣтятся.

—

Г. Эрнстъ также далъ намъ еще два концерта, одинъ прощальный въ свою, другой — въ пользу бѣдныхъ. Мы не измѣнимъ и теперь нашего мнѣнія объ этомъ артистѣ. Его скрыпка капризна, она хочетъ во-что-бы то ни стало, дать новый колоритъ пьесамъ, играннымъ другими знаменитыми скрипачами. Иногда это кажется оригинальностію, иногда оно затемняетъ мысль самаго сочиненія, измѣняя указанную авторомъ форму его выраженія. Г. Эрнстъ прекрасно пародируетъ флажіолетъ, хотя не-всегда безгрѣшно, и часто употребляетъ этотъ эффектъ во зло. Пѣніе его скрыпки мужественно и смѣло, но въ немъ недостаетъ той нѣги, отъ которой таетъ сердце. Въ звукоподражаніяхъ онъ мастеръ, которому не сыщется двойника; въ арпеджіяхъ его есть сила и даже нѣкоторая грація, которой другіе исполнители не имѣютъ; въ цѣломъ онъ солистъ превосходный, но солистъ прихотливый и чванливый, который не отдается всею душею исполняемому творенію, но всегда свою личность выставляетъ впереди автора.

Въ послѣдніе концерты онъ исполнилъ новую пьесу своего сочиненія: «*Лѣсной Царь.*» Пьеса эта оригинальна и эффектна, но онъ сдѣлалъ большую ошибку, пригласивъ г. Ферзинга напередъ спѣть *Лѣснаго Царя*-Шуберта. При превосходномъ, проникнутомъ душою, пѣніи Ферзинга этой образцовой баллады, которая заключаетъ въ себѣ глубокую музыкальную идею; твореніе г. Эрнста много потеряло. Шубертъ рисуетъ внутренній міръ, его баллада цѣлая драма: этотъ голосъ младенца, которому въ холодную ночь чудится лѣсной царь въ воображеніи, пожираемомъ горячкою; этотъ отецъ, который его сжимаетъ въ объятіяхъ, успокоиваетъ и торопитъ коня, чтобы поскорѣе достигнуть пріюта и, наконецъ, фантастическій напѣвъ лѣснаго духа, все это полно идеальной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, такъ понятно душѣ и такъ трогательно, что слушатель невольно встревоженъ и при послѣднихъ торжественно-потрясающихъ нотахъ

Und das Kind in seinen Armen war tod!

полонъ неизъяснимаго чувства ужаса и участія. Г. Эрнстъ—взялъ эту тему съ другой стороны, съ физической, болѣе удобной для музыкальной живописи и болѣе выгодной для показанія трудностей на инструментѣ. У него Лѣсной Духъ—замѣненъ свистомъ и воемъ вѣтра; разговоръ отца съ сыномъ — топотомъ скачущихъ коней; плачущій голосъ и дикое фырканье слышны въ одно время и составляютъ все фантастическое этой пьесы, которая чрез-

вычайно трудна для исполненія и оканчивается аккордами Шуберта. Одна эта пьеса, весьма оригинальная, если не по мысли, то по своему составу, и лучшая изъ всѣхъ оригинальныхъ сочиненій Эрнста, которыя намъ удалось слышать, ясно обнаруживаетъ направленіе артиста и взглядъ его на музыку. Внѣшность играетъ у него главную роль, и онъ принимаетъ свой инструментъ болѣе за орудіе эфекта, чѣмъ за органъ, которымъ можно дѣйствовать на самыя сокровеннѣйшія фибры души, также, какъ дѣйствуетъ на нихъ голосъ человѣческій.

—

Пятый замѣчательный—концертъ былъ *прощальный* съ русскою публикою—концертъ г. Ферзинга. Этотъ превосходный артистъ не принадлежитъ уже болѣе нашему театру и покидаетъ Россію навсегда, съ благодарностію къ ней и съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ. Г. Ферзингъ артистъ рѣдкій: его полный, густой и обширный голосъ — отличается металломъ, котораго звукъ упоителенъ. Мнѣ удалось въ прошломъ году слышать лучшихъ пѣвцовъ Германіи и Франціи, и сознаюсь откровенно, я нигдѣ не встрѣтилъ органа, подобнаго Ферзингову. На Ферзингѣ вполнѣ обнаружилась польза, которую принесла у насъ Итальянская Опера: сперва онъ владѣлъ только превосходнымъ голосомъ, теперь онъ владѣетъ и прекрасною методою и талантъ его получилъ двойную цѣну. Мнѣ удалось слышать дебюты прославляемаго французами г. Колетти въ Итальянской Оперѣ въ Парижѣ: этотъ превознесенный журналами пѣвецъ, во всѣхъ отношеніяхъ отстоитъ отъ Ферзинга на неизмѣримое разстояніе. Ни того задушевнаго пѣнія, ни того обворожительнаго голоса, ни той силы, ни даже того навыка къ сценѣ, которые отличали нашего артиста, — въ Колетти нѣтъ и тѣни. Нельзя почти усомниться, что этотъ первый въ мірѣ Оперный Театръ съ восторгомъ открылъ бы свои объятія г. Ферзингу и нашелъ бы въ немъ кладъ, съ которымъ ни за-что бы послѣ не разстался.

Участіе Ферзинга во всѣхъ почти концертахъ нынѣшняго года и появленіе его въ послѣдній разъ въ своемъ собственномъ, *прощальномъ* концертѣ, было какъ-будто отчетомъ, который артистъ давалъ публикѣ въ своихъ успѣхахъ. И дѣйствительно: успѣхи эти значительны, голосъ его сравнялся, получилъ гибкость и блескъ, метода его очистилась; Россія можетъ похвалиться, что образовала этого превосходнаго пѣвца *для Европы*. За то и публика не оставалась равнодушною къ его трудамъ, она осыпала

его рукоплесканіями, а въ *прощальный* концертъ, своими криками, неистовыми аплодисманами и безчисленными вызовами, какъ бы хотѣла показать, какъ она его любила, какъ умѣла цѣнить его дарованія и какъ искренно сожалѣетъ, что съ нимъ разстается.

Г. Ферзингъ оставляетъ у насъ много самыхъ пріятныхъ воспоминаній, которыя оживутъ еще съ большею силою, когда отсутствіе артиста убѣдитъ насъ во всей важности его потери. За всѣ эти наслажденія, дарованныя намъ въ продолженіи десяти лѣтъ — приносимъ ему полное русское *спасибо* и напутствуемъ его нашимъ искреннимъ:

Farewell!

*Ѳ. К.*

---

## НОВАЯ МАРІЯ ТАЛЬОНИ.

Фамилія Тальони, эта династія дивныхъ корифеевъ танцовальнаго искусства, умножилась еще однимъ знаменитымъ именемъ, которое на-долго продлитъ славу этого семейства. Недавно въ Лондонѣ выступила въ первый разъ на сцену Марія Тальони *младшая*, дочь берлинскаго танцовщика Павла Тальони и племянница знаменитой представительницы балета нашего вѣка. Восторгъ публики при этомъ дебютѣ доходилъ до неистовства и журналы англійскіе выставляютъ молодую танцовщицу, какъ небывалое до-нынѣ чудо. Молодая Марія Тальони дебютировала въ новомъ балетѣ своего отца: «*Коралія* или *Непостоянный рыцарь.*» Роль Кораліи исполняла знаменитѣйшая нынѣ итальянская танцовщица Розати. Балетъ имѣлъ большой успѣхъ; онъ очень удачно сдѣланъ изъ *Ундины* Ламотта-Фуке, которая по поэтическому содержанію своему давно просилась въ балетъ, но которою не умѣлъ воспользоваться знаменитый хореграфъ старикъ Тальони, сочиняя свою *Дѣву Дуная*. Сынъ очень искусно исправилъ ошибку отца. Журналъ «*Теймсъ*» въ отчетѣ своемъ объ этомъ представленіи говоритъ, между прочимъ:

«Марія Тальони, есть живая противоположность къ г-жѣ Розати. Вся сила ея состоитъ въ свободныхъ и неожиданныхъ по-

рывахъ ея таланта, который сразу и сильно дѣйствуетъ безъ всякаго видимаго расчета и подготовленія. Съ первой позы она поразила уже всѣхъ своею увѣренностію, а въ первомъ па показала смѣлость, грацію и апломбъ, весьма рѣдкіе въ современныхъ танцовщицахъ. Она преодолѣваетъ всѣ трудности своего искусства съ такими-же усиліями, съ какими пташка перепархиваетъ съ вѣтки на вѣтку. Врожденный талантъ проглядываетъ у нея во всемъ, отъ улыбки—до малѣйшаго движенія.»

Журналъ «*Атласъ*» пишетъ, что Марія Тальони подѣйствовала на публику, какъ-бы электрически и вырвала у нея успѣхъ свой прямо изъ сердца. Художественная газета «The musical World» *(Музыкальный міръ)* описываетъ ея наружность.

«Маріи Тальони едва минуло семнадцать лѣтъ. Черты лица ея выразительны и необычайно милы, такъ, что она могла бы послужить моделью для Тиціана. Ножки ея летаютъ съ быстротою лучей ночной звѣзды, такъ, что глазъ съ трудомъ можетъ слѣдить за ними. Ея члены, нѣжные и прекрасно округленные, какъ будто скопированы съ граціи Рафаэля. Въ ея появленіи столько непритязательности и въ тоже время художнической увѣренности, столько наивности и самобытнаго таланта, что цѣлое невольно поражаетъ своей свѣжестью, прелестью и неотразимымъ обаяніемъ. Каждое ея движеніе носитъ отпечатокъ дѣтскаго простодушія и неподдѣльной естественности, которые доводятъ иллозію до чего-то волшебнаго.»

Однимъ словомъ, молодая Марія Тальони завладѣла всѣми восторгами взыскательныхъ англичанъ въ нынѣшній лондонскій оперный *срокъ* (сезонъ). Когда имя ея на афишѣ, театръ наполняется отборнѣйшею публикою и вызовамъ и рукоплесканіямъ нѣтъ конца. Отецъ ея, Павелъ Тальони, пожалъ обильные плоды отъ своего балета и отъ своей дочери-ученицы, какъ хореграфъ и какъ танцмейстеръ: королева приказала ангажировать его на три года къ своему театру, въ званіи балетмейстера и учителя танцованія въ театральной консерваторіи.

## НЕОЖИДАННАЯ СЦЕНА ВЪ ДРАМѢ.

Недавно случилось въ театрѣ въ Глазго происшествіе, которое украсило играемую драму новою, весьма естественною и совершенно неожиданною развязкою. Когда въ первомъ дѣйствіи драмы, вышла на сцену любимѣйшая актриса, г-жа Бургъ, одинъ изъ зрителей безпокойно вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ оркестру, прежде чѣмъ успѣлъ его остановить молодой товарищъ, бывшій съ нимъ, всмотрѣлся въ нея и, наконецъ, ко всеобщему удивленію, закричалъ: «Боже! это она! это Элиза!» — При этихъ словахъ актриса остановилась, поглядѣла на нарушителя спектакля, ахнула и упала въ обморокъ. Представленіе остановилось. Директоръ театра въ бѣшенствѣ сбѣжалъ въ партеръ и бросился къ нарушителю: «Государь мой! закричалъ онъ, чего вы хотите? Вы пришли сюда, чтобы подорвать мои сборы и оскорбить лучшую изъ моихъ артистокъ!» — Нисколько, отвѣчалъ незнакомецъ; но эта актриса—моя жена. Я былъ за границею и, возвратясь въ отечество, не нашелъ ее, несмотря на всѣ мои поиски. Меня увѣрили, что она умерла, а теперь я ее встрѣчаю у васъ на сценѣ. — «Все это выдумка! — закричалъ директоръ. Это женщина примѣрнаго поведенія: она въ моей труппѣ уже четыре года, и только годъ, какъ овдовѣла отъ своего мужа, мистера Бурга....»—Такъ она была замужемъ? — сказалъ незнакомецъ, моя Элиза была за другимъ! «Но все равно, она меня помнитъ, она меня любитъ».... Да это рѣшительно все равно, потому-что я васъ не выпущу, пока вы мнѣ не заплатите моихъ убытковъ, а ей—за безчестіе, которое нанесли, своимъ неприличнымъ поступкомъ. Мистеръ полишменъ! Пригласите этого господина на сцену для очной ставки и напишите обвинительный актъ. — «Я пойду и безъ приглашенія.»—И всѣ трое отправились на сцену. Молодой товарищъ незнакомца, робко послѣдовалъ за ними. Публика, любопытствуя узнать, что происходило на сценѣ и чѣмъ это дѣло кончится, потребовала поднятія занавѣса. Здѣсь представилось трогательное явленіе. Актриса пришла въ себя, протирала глаза, чтобы собраться съ мыслями, и вдругъ, увидя вошедшаго незнакомца, кинулась къ нему на шею, съ словами: Джонъ! Дорогой мой Джонъ! — «Что это?» произнесъ директоръ, остолбенѣвъ, взглянулъ на полицейскаго и лицо его вытянулось на цѣлую четверть. — А вотъ что; — сказалъ незнакомецъ, послѣ первыхъ восторговъ. Слушайте и, если хотите,

позовите вашего автора, пусть онъ изъ моего разсказа дѣлаетъ драму или водевиль, что захочетъ. Восьмнадцать лѣтъ тому, въ Лондонѣ жила премиленькая цвѣточница. Въ Воксалѣ ее встрѣтилъ разъ молодой прикащикъ москательщика. Онъ съ нею протанцовалъ, угостилъ ее мороженымъ и пуншемъ и кончилось тѣмъ, что онъ проводилъ ее домой. Дорогой онъ объяснился въ любви, а въ слѣдующее за тѣмъ воскресенье, съ нею обвѣнчался. Все имѣніе ихъ состояло изъ одной гинеи, но они жили, припѣваючи, работали вмѣстѣ день и ночь, и обогащались каждый день — надеждами на будущее. Черезъ десять мѣсяцевъ, они дѣйствительно были съ прибылью: у нихъ явился третій семьянинъ. Прикащика этого звали Левисъ, онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ кандидатомъ въ конскрипціи, и прежде, чѣмъ успѣлъ окрестить своего наслѣдника, на него надѣли солдатскую шапку и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ износить ее, его съ полкомъ отправили драться въ Индію. Жену не позволили ему взять съ собою, но онъ прихватилъ сына....

— «Другъ мой, ты усталъ, прервала актриса, я доскажу г. директору его исторію. Бѣдная замужняя вдова, осталась одна, въ слезахъ и пищетъ. Она употребляла всѣ средства, чтобы получить объ немъ свѣденія и отправить къ нему вѣсточку, но все оставалось безъ успѣха. Она трудилась, работала и кой-какъ кормилась. Во время годовой ярмарки, она познакомилась съ одной изъ артистокъ странствующей труппы, которая давала представленія въ балаганѣ, на площади. Отъ нея узнала она, что хозяинъ комедіи хочетъ отправиться въ Индію, попытать тамъ счастія. Она тотчасъ-же поступила въ эту труппу комедіантовъ, въ надеждѣ увидѣть своего Левиса. Но дѣла антрепренера шли дурно и замедляли его отъѣздъ. Такъ прошли восемь лѣтъ. На девятый, она встрѣтила стараго пріятеля своего мужа, онъ былъ къ ней особенно внимателенъ, старался ей во всемъ помочь и, наконецъ, объявилъ, что онъ навелъ вѣрную справку и узналъ оффиціально, что Левисъ убитъ въ сраженіи. Бѣдная вдова плакала, не столько о мужѣ, котораго воротить было уже невозможно, сколько о сироткѣ—сынѣ, котораго печальная участь разрывала ей сердце. Въ это время комедіантъ обанкрутился, труппа его разбрелась, и она осталась безъ денегъ, безъ друзей, безъ подпоры. Одинъ изъ бывшихъ ея товарищей-артистовъ, предложилъ ей помощь — она не могла принять ее иначе, какъ вмѣстѣ съ его рукою и — вы-

шла за-мужъ. Оба скоро поступили на хорошій театръ, гдѣ она послѣ четырехлѣтняго брака, вторично овдовѣла...

— Такъ стало быть, это....

— Это я, г. директоръ. Бургъ былъ вторымъ моимъ мужемъ, первымъ былъ—солдатъ Левисъ....

— И этотъ солдатъ... воскликнулъ незнакомецъ, сбрасывая свое широкое пальто — я, Джонъ Левисъ, капитанъ гвардіи ея величества... а вотъ этотъ офицерчикъ, продолжалъ онъ, выталкивая впередъ молодаго человѣка, у котораго крупныя слезы катились по щекамъ, сынъ его, Джонъ Левисъ № 2. — Ну, Джонъ, обними мать свою!

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела эта неожиданная и вполнѣ драматическая сцена. Зрители апплодировали, наперерывъ поздравляли супруговъ, и директоръ совершенно успокоился, когда увидѣлъ, что никто не требуетъ назадъ своихъ денегъ изъ кассы, за недоигранный спектакль. Толпа провожала счастливыхъ супруговъ до дома и черезъ три дни они были вторично обвѣнчаны.

—

## ЕЩЕ НОВЫЙ АРТИСТЪ.

Въ прошедшемъ № Пантеона, мы описали довольно романическую жизнь молодаго испанскаго гитариста, который сводилъ парижанъ съ-ума и наконецъ былъ схваченъ полиціею и выброшенъ на берега Англіи. Теперь парижане внѣ себя отъ другаго артиста, котораго первоначальная художническая жизнь не меньше интересна. Виртуозъ этотъ молодой артистъ, Феликсъ Годефруа. Французскіе и англійскіе журналы пишутъ объ игрѣ его чудеса: онъ на арфѣ тоже, что Листъ на фортепьяно, Серве на віолончели, что Паганини былъ на скрыпкѣ, однимъ словомъ — геній первой величины. Онъ даже усовершенствовалъ самый инструментъ, натянувъ гораздо сильнѣйшія струны, отчего звукъ сталъ вчетверо звончѣе.

Жизнь этого артиста похожа по судьбамъ своимъ на жизнь любаго героя романовъ Дюма. Отецъ его, честный купецъ въ Намурѣ, отъ непредвидѣнныхъ несчастій лишился всего своего со-

стоянія, и для прокормленія семейства долженъ былъ прибѣгнуть къ музыкѣ. Этотъ человѣкъ, отъ природы былъ одаренъ самымъ удивительнымъ музыкальнымъ талантомъ. Никогда не учившись музыкѣ, онъ прекрасно пѣлъ, сочинялъ, и игралъ почти на всѣхъ инструментахъ. Вскорѣ онъ опять составилъ себѣ порядочное состояньице, но скитальческая жизнь пріучила его къ разгулу, и что было добыто звономъ инструмента, ушло звономъ рюмокъ и стакановъ. Онъ не оставилъ своимъ наслѣдникамъ ни полушки, но благословилъ ихъ музыкальнымъ талантомъ.

Жюль, старшій изъ его сыновей, сдѣлался отличнымъ виртуозомъ на арфѣ и составилъ себѣ имя своими композиціями; но онъ рано умеръ. Другой сынъ сдѣлался тенористомъ, а сестра — первою пѣвицею на театрѣ въ Дуэ, куда послѣдовалъ за ними и семилѣтній Феликсъ. Несмотря на свой возрастъ, онъ выступилъ также на сцену въ дѣтскихъ роляхъ. Потерявъ голосъ, онъ возвратился къ отцу, который въ полтора года обучилъ его играть на фортепьяно, на скрыпкѣ, на арфѣ и на віолончели. Видя наклонности и способность мальчика, отецъ рѣшился отправить его въ Парижъ. Тамъ онъ тотчасъ-же былъ принятъ въ Консерваторію и пользовался уроками отличнѣйшихъ арфистовъ, Надермана, Боксы и своего брата. Пятнадцати лѣтъ онъ кончилъ курсъ и былъ выпущенъ изъ Консерваторіи. Братъ его между тѣмъ умеръ, и онъ остался одинъ, безъ денегъ, безъ пріюта и безъ куска хлѣба въ обширномъ и богатомъ Парижѣ. Съ дивнымъ своимъ талантомъ, онъ умиралъ съ голоду и не могъ ждать помощи отъ семейства, которое разсыпалось по всѣмъ странамъ свѣта. Такъ впалъ онъ въ крайнюю нищету, въ состояніе Чаттертона и Жильбера, состояніе художника, чувствующаго свое внутреннее достоинство и слишкомъ гордаго, чтобы протянуть руку за милостынею. Онъ испытывалъ всѣ средства, вездѣ предлагалъ свои услуги, хотѣлъ сочинять романсы и польки, переписывать ноты, пѣть въ хорахъ, играть на балахъ — ничто не удавалось. Наконецъ, онъ обратился къ привратнику дома, въ которомъ жилъ, прося его доставить ему учениковъ, которыхъ брался учить пѣть и играть по полуфранку за урокъ.

Привратникъ, хотя имѣлъ дочь, но плохо довѣрялъ знаніямъ Годефруа, чтобы взять его въ наставники. Однако, желая ему помочь, онъ принялъ его къ себѣ въ пахлѣбники. Въ свободные часы, этотъ честный старикъ занимался слѣсарною работою: Го-

дефруа вызвался вмѣсто платы за столъ, помогать ему. И въ этомъ дѣлѣ онъ показалъ смѣтку и талантъ. Онъ сработалъ всѣ звонки для парижской гостинницы Hôtel de l'Univers.

Въ такомъ бѣдственномъ положеніи находились дѣла Годефруа, когда судьба столкнула его съ Эраромъ, этимъ провидѣніемъ всѣхъ нуждающихся парижскихъ артистовъ. Эраръ пригласилъ его къ себѣ. Прекрасно! Да гдѣ же достать приличное платье? Привратникъ помогъ и въ этомъ случаѣ: у знакомаго работника токаря досталъ онъ ему воскресный фракъ и что еще слѣдуетъ, и одолжилъ собственную свою высокоторжественную жилетку, съ строгимъ назиданіемъ не замарать ее какимъ-нибудь соусомъ или виномъ и, во всякомъ случаѣ, лучше завѣситься салфеткою. Молодаго артиста приняли ласково; потомъ слуга внесъ арфу и его попросили ее попробовать. Что въ эту минуту происходило въ душѣ художника, могутъ понять только тѣ, которые хоть разъ ставили всю жизнь свою на карту. Сначала онъ взялъ бодро нѣсколько аккордовъ, потомъ имъ овладѣла робость, руки дрожали, на глаза проступили слезы. Сперва гости слушали его съ участіемъ, но вскорѣ послѣдовало равнодушіе, а потомъ и развлеченіе; стали потихоньку разговаривать, не обращая болѣе вниманія на артиста, который въ замѣшательствѣ не смѣлъ даже кончить своей игры. Въ это время шумно вошелъ въ залу молодой человѣкъ, худощавый, съ длинными волосами, громко привѣтствовалъ г–жу Эраръ, протянулъ руку хозяину и, съ хохотомъ, началъ разсказывать разныя вѣсти и анекдоты, не обращая никакого вниманія на виртуоза. Но вдругъ среди одной изъ словообильныхъ фразъ своихъ, онъ остановился, началъ прислушиваться, простоялъ съ минуту въ раздумьи и потомъ, какъ бѣшенный, бросился къ игравшему.

«Превосходно, удивительно! Ради Бога! Повторите это мѣсто! Ахъ, какое мастерство, какое совершенство!»

Ободренный артистъ повторилъ пассажъ, худощавый Самсонъ бросился обнимать его.

«Давно-ли вы въ Парижѣ? Что вы здѣсь дѣлаете?»

— Работаю у слесаря! — отвѣчалъ артистъ съ горькою ироніею.

Гости съ удивленіемъ переглянулись между собою; они почли его сумасшедшимъ; но молодой худощавый энтузіастъ тотчасъ его понялъ.

«Поѣдемъ-те со мною въ Лондонъ.»

Молодой человѣкъ не зналъ, что отвѣчать. Онъ съ замѣшательствомъ взглянулъ на предлагающаго и на арфу, которая стояла передъ нимъ.

— Соглашайтесь! вскричалъ Эраръ, эта арфа ваша, потому-что только въ вашихъ рукахъ можетъ имѣть настоящую цѣну.

Изъ бездны артистъ вознесся на небо.

—

На слѣдующій день Годефруа отправился въ Лондонъ съ своимъ новымъ другомъ — Листомъ. Они давали концерты вмѣстѣ и дружески раздѣлили славу и прибыль. Теперь молодой артистъ, который-было сдѣлался слесаремъ съ отчаянія, занялъ первое мѣсто въ музыкальномъ мірѣ, какъ арфистъ. Англичане отъ него безъ ума, а французы носятъ его на рукахъ. Даже привратникъ жалѣетъ, что не далъ ему обучать свою дочь!

Скажите: что-жъ такое слава?

—

## ВОГЕЗСКІЙ КОРОЛЬ.

*(Изъ воспоминаній стараго актера.)*

Барръ—маленькій городишка, лежащій у подножія Вогезскихъ горъ, огибающихъ Рейнъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Страсбурга. Въ 1810 году онъ еще не простирался, какъ теперь, отъ источниковъ бьющихъ съ горъ — до долины, и еслибы въ немъ небыло высокой башни, путешественникъ могъ бы пропустить его безъ вниманія.

Въ то время я занималъ трагическое амплуа—въ столицѣ Эльзаса; — но какая-то нѣмецкая труппа, которой репертуаръ состоялъ всего изъ трехъ оперъ, совершенно перебила намъ дорогу, отбила публику, и даже посѣяла снисхожденіе въ сердцѣ нашего директора, такъ, что онъ согласился дать мнѣ отпускъ на нѣсколько дней.

Какъ большой охотникъ до путешествій, которыя особенно интересны въ этой странѣ, богатой древностями и воспоминаніями, я пріѣхалъ въ Барръ, въ одинъ изъ очаровательныхъ дней августа

мѣсяца. Я остановился въ гостинницѣ, чтобы сперва подкрѣпиться пищею, а потомъ достать лошадь и провожатаго, съ которыми я могъ-бы добраться до Сентъ-Одильскихъ развалинъ.

Я нѣсколько опоздалъ, — и потому ужинать начали безъ меня.

— Я уже васъ недожидалъ, сказалъ мнѣ хозяинъ трактира и потому велѣлъ подавать ужинъ. Но милости просимъ, общество у меня немногочисленное, но избранное.

Я вошелъ въ залу, и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ за столомъ только одного человѣка. Видъ его мнѣ понравился. Онъ всталъ при моемъ появленіи, потомъ, садясь, предложилъ мнѣ блюда, до которыхъ еще недотрогивался.

— Какой прекрасный вечеръ, сказалъ онъ мнѣ, переставая ужинать, чтобъ дать мнѣ время догнать его въ кушаньяхъ.

— Да, ночь будетъ удивительная.

— Тѣмъ лучше для того, кто ее проведетъ подъ открытымъ небомъ.

— Развѣ вы сегодня-же отправляетесь?

— Я здѣшній; но мнѣ нужно ѣхать сегодня ночью въ Шписбургъ.

— Въ Шписбургъ! вскричавъ я, да вѣдь это, кажется, если не ошибаюсь, развалина въ горахъ, посреди лѣса.

— Именно, и я тамъ долженъ быть къ полночи.

— Къ полночи!... И вы туда отправляетесь одни?

— Да, развѣ что вамъ захотѣлось бы быть моимъ спутникомъ, любезный Британикъ.

— Значитъ, трактирщикъ открылъ вамъ мое званіе?

— Я протестантскій пасторъ, и онъ почелъ необходимымъ извѣстить меня, что жрецъ Мельпомены будетъ со-мною ужинать. А какъ для меня актеръ такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе, то я не противился раздѣлить съ вами трапезу.

Я опорожнилъ мой стаканъ, чокнувшись съ пасторомъ, и наклоненіемъ головы благодарилъ его за снисхожденіе.

— И вы сегодняшнюю ночь непремѣнно ѣдите въ Шписбургъ?

— Непремѣнно.

— Горы и лѣсъ не безопасны, г. пасторъ, сказалъ трактирщикъ, принося десертъ и бутылку вина, желтаго какъ янтарь, который производитъ эта страна.

— Что-же со-мной могутъ сдѣлать? кромѣ моего званія, у меня нѣтъ ничего драгоцѣннаго.

— Вогезскій король не входитъ въ подробности; для него все хорошо.

— Что это за Вогезскій король? спросилъ я у пастора, когда ушелъ трактирщикъ.

Пасторъ смотрѣлъ на меня молча нѣсколько времени, потомъ съ улыбкою сказалъ.

— Я бы могъ вамъ отвѣчать весьма просто и удовлетворить ваше любопытство; но мнѣ сказали, что вы любитель развалинъ и всего чудеснаго. Согласитесь идти сегодня со-мною въ Шписбургъ, я вамъ покажу мѣстность красоты дикой и поразительной, и вы собственными глазами увидите вещи, которыя такъ близко подходятъ къ фантастическимъ легендамъ и сказаніямъ, за которыми вы гоняетесь.

Я не рѣшался отвѣчать.

— Развѣ вы боитесь?

— Нѣтъ... нѣтъ.

— Рѣшайтесь же, я вамъ покажу Вогезскаго короля.

— Этого человѣка, который ничего не уважаетъ....

— Онъ васъ уважитъ.

— Я согласенъ...

—Но я долженъ васъ предупредить, вы недолжны дѣлать мнѣ никакихъ вопросовъ, что бы ни увидѣли... что бы ни услышали; а только слушать, что я найду нужнымъ вамъ сказать.

—Это ужъ, кажется, слишкомъ таинственно...

—Развѣ я вамъ не сказалъ, что окружу васъ всѣмъ фантастическимъ. И такъ? —продолжалъ пасторъ съ добродушною улыбкою... Да не дѣлайте такой недовѣрчивой мины! Доставьте мнѣ удовольствіе показать вамъ вещи, которыя безъ меня не могли бы вамъ быть понятны. Но тсъ!!.. слышите вы голосъ... тамъ, на улицѣ.... Вы сейчасъ испытаете мое волшебство... Потрудитесь открыть окно...

Я всталъ изъ-за стола, но прежде, чѣмъ подошелъ къ окну, мы услышали голосъ женщины, которая пѣла:

Буря грохочетъ
Въ горахъ страшнѣй,
Кто ѣхать хочетъ
Спѣши скорѣй!

Я отворилъ быстро окно: улица была пуста. — Пасторъ подошелъ ко мнѣ и намъ представилась величественная ночь,

луна въ полномъ блескѣ ярко сіяла на голубомъ небосклонѣ, и мы услышали тотъ же голосъ, который напѣвалъ вдалекѣ:

Страшно и мрачно
Въ лѣсѣ густомъ,
Дикіе звѣри
И дебри кругомъ.
Весело, путникъ
Тамъ побывать,
Видѣть опастность,
Ее миновать.

Мы задумались, услыша эту меланхолическую гармонію, звуки которой хотя терялись вдалекѣ, но все-таки еще до насъ явственно достигали—такъ тиха была ночь.

На башнѣ пробило десять часовъ.—Ѣдемъ, сказалъ пасторъ.

Я послѣдовалъ за нимъ, молча.

Мы дошли тихо и не говоря ни слова до подошвы горы, гдѣ начинается боръ, и на вершинѣ которой, возвышаются величественныя развалины замка Андлау.

—Признайтесь, сказалъ мнѣ тогда священникъ, что эта дикая природа стоитъ декорацій вашей Оперы.

—Безъ сомнѣнія; такая мѣстность, при такомъ удивительномъ освѣщеніи, надѣлала бы много шума. Но согласитесь, пасторъ, что звуки музыки, и одушевленная игра артистовъ, придала бы этому виду еще болѣе прелести.

—Тсъ!.. слушайте?..

—Я удвоилъ вниманіе и съ вершины горы, съ чернѣющихъ стѣнъ развалинъ, я услышалъ гармонію, въ которой небыло ничего человѣческаго. Мнѣ слышались какъ бы мелодическіе звуки арфы, прерываемые пѣніемъ, самымъ восхитительнымъ, какое можно вообразить. Я обратился къ пастору, но онъ вцимательно смотрѣлъ на высоту и только поднялъ руку, чтобы остановить меня. Я увидѣлъ ясно бѣлую тѣнь, которая быстро скользила по сухому ложу ручья, который теперь служилъ намъ тропинкою. Видѣніе промелькнуло передъ нами; когда оно было уже шагахъ въ ста отъ насъ, пасторъ сказалъ, что теперь мы можемъ продолжать путь, и я послѣдовалъ за нимъ въ глубину лѣса. Я чувствовалъ, какъ колѣна мои подгибались, и я невольно схватился за его руку. Мы оставили Андлаускія разва-

лины влѣво, и всѣ слѣдовали на призывные звуки гармоніи, которую каждый порывъ вѣтра доносилъ явственнѣе и слышнѣе, за бѣлымъ привидѣніемъ, которое скользило между деревьями, и какъ будто показывало намъ дорогу.

Нѣсколько разъ мнѣ казалось, что я вижу группы людей, стоящихъ на нашемъ пути, но всякій разъ нашъ фантастическій вожатый уничтожалъ ихъ, и когда мы подходили къ тому мѣсту, гдѣ они видѣлись, я находилъ только черные пни столѣтнихъ сосенъ. Пасторъ казалось наслаждался моимъ смущеніемъ, и шелъ почти все молча. Напрасно я старался объяснить эти явленія разсудкомъ, все, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ, присутствіе протестантскаго священника, время и мѣсто, все производило на меня невыразимое впечатлѣніе. Я уже хотѣлъ вернуться назадъ, но оборотившись, увидѣлъ позади себя тѣ же угрожающія тѣни... но на этотъ разъ мистическій вожатый нашъ не могъ ихъ разогнать... онъ шелъ впереди.

Пробило одинадцать съ половиною!—Вотъ Шписбургъ, сказалъ мнѣ пасторъ.

На поворотѣ тропинки, я увидѣлъ огромную массу камней и скалъ, которыя образовали обширный амфитеатръ; сводъ небесный служилъ ему крышей. Одна только башня уцѣлѣла, и стояла незыблемо. Мой спутникъ отворилъ дверь, и мы вошли по шаткимъ ступенямъ каменной лѣстницы, на высоту перваго этажа. Мы очутились въ комнаткѣ, если только можно такъ назвать четыре голыя стѣны, неправильно сложенныя и освѣщенныя одинокой продушиной. Пасторъ просунулъ голову въ отверстіе и долго смотрѣлъ. Глубочайшее молчаніе царствовало въ развалинахъ, луна все еще яркая, скользила тихо по небу, только изрѣдка доносились мелодическія звуки, слышанные нами въ Андлау.

Товарищъ мой подошелъ ко мнѣ, приложивъ палецъ ко рту, въ знакъ молчанія, и указалъ на отверзтіе, давая тѣмъ знать, чтобы и я посмотрѣлъ въ продушину въ свою очередь.

Сначала я увидѣлъ только обширное пространство, которое луна освѣщала въ половину, и въ отѣненной части мнѣ казалось, что я различалъ множество людей, чрезвычайно суетливыхъ. Я хотѣлъ спросить у пастора причину такого движенія... обернулся... и представьте мое изумленіе: я былъ одинъ въ башнѣ! Я бросился къ двери, она была заперта снаружи!...

Сердце мое страшно билось... Я весь обратился въ слухъ... Но ничего не слышалъ... Мелленно прозвучала полночь на Баррской колокольнѣ, и вдругъ... яркій свѣтъ озарилъ развалины, и глухой и смѣшанный шумъ внизу, далъ мнѣ знать, что тамъ происходило что-то необыкновенное. Я бросился къ отдушинѣ, просунулъ въ нее голову, и увидѣлъ зрѣлище, чудеснѣе котораго я никогда не видывалъ.

Густая толпа наполняла развалины, мущины, женщины, дѣти держали въ рукахъ зажженыя вѣтви смолистой сосны. Между двумя арками, которыя казалось, нѣкогда составляли часовню, и передъ камнемъ, который столько-же походилъ на надгробную плиту, какъ и на жертвенникъ... стояла молодая дѣвушка, въ подвѣнечномъ костюмѣ, и молодой человѣкъ, который ее держалъ за руку. Толпа образовала около нихъ полукружіе. Одно только лице было полѣ новобрачныхъ. Оно приблизилось къ камню, соединило ихъ руки, и только-что собиралось начать говорить, какъ нежданное явленіе заставило его отшатнуться....

Черная фигура, въ костюмѣ протестантскаго священника, поднялась изъ-за камня, и дѣлала прежнему лицу знаки... удалиться....

Стоящій человѣкъ быстро схватился за кинжалъ и кинулся было на пришельца... Но, молодая дѣвушка, испустивъ ужасный крикъ, бросилась между имъ и пасторомъ, въ которомъ я узналъ моего товарища.

— Вогезскій король! Отецъ мой! вскричала она, никогда Карлъ не сдѣлается моимъ мужемъ, если нашъ союзъ не будетъ освященъ этимъ служителемъ олтаря.... Согласны ли вы, Карлъ?...

— Согласенъ.... отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Дѣлайте, какъ хотите... дѣти мои, — сказалъ Вогезскій король, дурно скрывая улыбку удовольствія. Тогда пасторъ началъ свадебный обрядъ, и черезъ нѣсколько минутъ молодые люди были соединены по всѣмъ обрядамъ церкви... Едва пасторъ произнесъ послѣднія слова, едва молодой человѣкъ успѣлъ напечатлѣть поцѣлуй на челѣ своей жены, какъ всѣ вѣтви погасли... и развалины мало-по-малу обратились во мракъ и тишину. . . . . .

. . . . . .

. . Ну, сказалъ мнѣ пасторъ, сходя съ горы; видѣли-ли вы страшнаго Вогезскаго Короля...

— Сдѣлайте милость, объясните мнѣ...

—Теперь я вамъ съ удовольствіемъ все разскажу, и объясню вещи, которыя безъ сомнѣнія должны были показаться вамъ слишкомъ странными... Лѣса эти наполнены контрабандистами, охотниками и дровосѣками — ворующими лѣсъ... Всѣ эти люди преслѣдуемы закономъ.... который имъ неопасенъ въ дебряхъ и ущельяхъ, сдѣлавшихся для нихъ родиною. Самый смѣлый и отважный между ними, названъ Вогезскимъ Королемъ. — Они родятся, живутъ, женятся и умираютъ въ горахъ, какъ истинныя дѣти природы, они не смѣютъ спускаться въ наши деревни, чтобы окрестить дѣтей или обвѣнчаться по христіанскому обряду. Ихъ теперешній король очень добрый человѣкъ. Я зналъ его дочь еще ребенкомъ... Вчера она приходила ко мнѣ съ просьбою, освятить ея замужество моимъ благословеніемъ... ибо, между ними, обрядъ передъ камнемъ Шписбургской часовни, замѣняетъ бракъ, который они весьма часто нарушаютъ.

Я необратилъ вниманія на мѣсто обряда, на время, на разбойниковъ. Я видѣлъ только обязанность моего служенія, и не противился. Буду счастливъ, если могъ принести счастіе четѣ, которую только-что соединилъ неразрывными узами.... Новобрачная обѣщала мнѣ провожатую... вы ее видѣли....

— А тѣ звуки....

— Вслушайтесь,... вы ихъ и теперь еще можете слышать .. Это Эоловы арфы, устроенныя въ Андлаускомъ замкѣ теперешнимъ его владѣльцемъ . . . . . , . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Черезъ нѣсколько лѣтъ, мнѣ случилось быть въ Баррѣ, я опять захотѣлъ взглянуть на его окрестности. Пасторъ съ удовольствіемъ взялся быть моимъ провожатымъ... Мы оба довольно постарѣли.

— Нынѣ все измѣнилось, сказалъ онъ мнѣ. На половинѣ пути мы встрѣтили домикъ съ полисадникомъ, совершенно новой постройки.

— Теперь не пускаютъ больше въ Шписбургъ... безъ позволенія, сказалъ мнѣ священникъ... Надо попросить ключа

смотрителя этой части лѣса... Мы вошли. — Карлъ, сказалъ пасторъ, мы желали-бы побывать въ Шписбургѣ.

Ключъ былъ намъ данъ съ величайшею готовностію.

— Это мои духовныя дѣти. — Вы помните, какъ я ихъ вѣнчалъ... Мое благословеніе принесло имъ счастіе... Они избрали хорошую дорогу!...

Мы пришли въ Шписбургъ. Все было на прежнемъ мѣстѣ... Только нѣсколько новыхъ камней скатились съ вершины башни и смяли высокую траву у ея подножія.

*Леонъ Дюкомъ.*

—

## ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИЗНИ И ОБЩЕСТВА.

—

### ГЕРОЙ МАСКЕРАДА.

Молодой человѣкъ, Вѣрочкинъ, пользовался огромнымъ успѣхомъ въ изящныхъ салонахъ; онъ былъ одинъ изъ метеоровъ, которые на мгновенье блеснутъ въ высокой сферѣ моды и вдругъ угасаютъ, угасаютъ навсегда, едва оставляя блѣдный отблескъ, чуть замѣтный слѣдъ на своемъ пути. Ловкій денди, чтобы занимать роль въ свѣтѣ, принужденъ былъ занимать деньги, и наконецъ сдѣлался печальною жертвою кредиторовъ, что очень незанимательно. Незная, куда сунуть голову, онъ бросился въ объятія пожилой вдовы, которая тотчасъ дала ему пристань отъ бури, подъ спасительнымъ и плоско-безмятежнымъ покровомъ брака. Этотъ союзъ не имѣлъ рѣшительно никакой симметріи: супруга была двадцатью годами старше своего мужа, но, въ вознагражденіе за такую непропорціональность, она имѣла годоваго дохода шестидесятью-тысячами больше, нежели ея милый супругъ, у котораго въ наличности имѣлся—одинъ порядочный долгъ.

Возможно ли получить болѣе жестокое наказаніе за шалости холостой жизни?.. Нѣтъ цѣпи тяжелѣе, нѣтъ рабства ненавистнѣе, нѣтъ несчастія, которое бы сравнилось съ плачевною судьбою молодаго человѣка, женатаго на женщинѣ, которая почти вдвое старше его годами! Вѣрочкинъ, какъ несчастный плѣнникъ, прошелъ подъ каудинское иго невольнаго брака, и вступилъ въ безусловную зависимость старшей своей половины. Опытная супруга вполнѣ сохранила верховную власть надъ своими финансами, и утвердила свое значеніе на несокрушимомъ основаніи—на шкатулкѣ съ банковыми билетами, ключъ отъ которой хранился у нея въ другой шкатулкѣ дамскихъ секретовъ—за корсетомъ. Молодой мужъ, не имѣя опредѣленнаго жалованья, получалъ отъ своей супруги только вознагражденіе, въ знакъ ея особеннаго благоволѣнія, такъ, что въ его глубокомъ карманѣ покоились однѣ мелкія монеты, что весьма безпокоило бѣднаго Вѣрочкина.

Впрочемъ, цѣною этого рабства, нашъ денди могъ, до нѣкоторой степени, продолжать жизнь изящную и блестящую: свадьба доставила ему бель-этажъ, карету, красивыхъ лошадей, комфортъ, отъ котораго ему трудно было отказаться, но при этомъ было одно только неудобство—раздѣлять эти удовольствія съ подругою, болѣе полезною, нежели пріятною. Это удаленіе въ область Гименея, спасло блестящаго молодаго человѣка отъ совершеннаго затмѣнія; онъ заплатилъ только частью своего сіянія: Вѣрочкинъ былъ—солнце, вполовину закрытое кругомъ супружеской луны. Уже это одно не бездѣлица! и притомъ, отъ какого тиранства молодость не освободится хитростью и смѣлостью? Въ водоворотѣ свѣтской жизни, посреди толпы, шума и удовольствій, молодой мужъ выдумывалъ самые замысловатые предлоги: чтобы избѣгать супружескаго ига, и мало-по-малу удлинялъ свою цѣпь, прибавляя къ ней тысячу ложныхъ, но прелестныхъ колецъ. Ловкій и быстрый, какъ ученикъ, обманывающій глаза учителя, Вѣрочкинъ спасается отъ безпокойнаго и ревниваго надзора, и снова вбѣгаетъ въ свѣтъ, и вспоминаетъ на нѣсколько часовъ свою прежнюю свободу, веселое непослушаніе, холостую жизнь. Прежніе друзья встрѣчаютъ его, какъ бѣглеца, который раскаивается и порядочно наказанъ за свою вину; льютъ ему забвенье въ пѣнѣ шампанскаго, въ свободныхъ разговорахъ, въ улыбкѣ, эмальированной жемчугомъ. Эти летучія минуты утѣшаютъ несчастнаго, облегчаютъ его неволю.

Но счастливая пора холостыхъ ужиновъ и смѣха, проходитъ вмѣстѣ съ зимою. Весенній вѣтеръ уноситъ на крылахъ всѣ удовольствія молодаго супруга; лѣто еще тѣснѣе сдвигаетъ вокругъ него темницу. Вотъ отчего зрѣлая и благоразумная супруга такъ

заботится сокращать зиму и, напротивъ, дѣлать лѣто, какъ можно продолжительнѣе. Финансовыя обстоятельства заставляютъ ее отправиться въ деревню въ первыхъ числахъ мая, и деспотическая власть шкатулки распоряжается утомительными пріятностями сельскаго tête-á-tête. Молодой мужъ содержится въ тюрьмѣ, скучнаго, нестерпимаго деревенскаго дома, расположеннаго далеко отъ города; ревность спокойно отдыхаетъ въ этой глуши; нѣтъ ни опаснаго сосѣдства, ни несносныхъ визитовъ; кругомъ—только небо, да поблекшія деревья. Удалившись въ свою крѣпость, госпожа Вѣрочкина объявила мужу, что возвратится въ столицу не-раньше января, и онъ покорно склонился передъ этимъ уголовнымъ приговоромъ. Одно только осталось ему—вести переписку съ своими петербургскими друзьями —«Плачьте обо мнѣ! плѣнъ мой протянется до будущаго года, и мнѣ не быть на первомъ маскерадѣ!..» Это трогательное письмо, прочитанное за веселымъ ужиномъ, возбудило ропотъ между присутствующими, въ числѣ которыхъ находились и особы прекраснаго пола: между ними нашлась душа чувствительная, нѣжная преданность, готовая посягнуть на освобожденіе романическаго плѣнника.

Недѣлю спустя послѣ этого ужина, въ ясный сентябрьскій день, госпожа Вѣрочкина сидѣла подъ окномъ, поджидая своего супруга, который поѣхалъ верхомъ осматривать, въ сотый разъ, давно извѣстныя окрестности: это было его единственное и ежедневное развлеченіе. Ясновидящая, какъ всякая ревнивая женщина, госпожа Вѣрочкина замѣтила на покатости холма, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ ея сада, маленькій домикъ, въ которомъ до того времени небыло жильцовъ, а теперь ставни были отворены и на окнахъ висѣли занавѣски.—«Неужели новые сосѣди?» съ безпокойствомъ подумала госпожа Вѣрочкина.

Мысль эта была прервана крикомъ испуга и удивленія. Супруга съ деревенскими предосторожностями примѣтила, въ отдаленьи, что мужъ ея изволитъ ѣхать верхомъ возлѣ изящной амазонки.—Не мечта ли, не призракъ ли?—Нѣтъ; дѣйствительность рисовалась очень ясными формами, по-мѣрѣ того, какъ приближались два всадника. У амазонки была прелестная талія; длинные каштановые локоны струились по-вѣтру, и она граціозно повелѣвала бѣшенымъ конемъ. Не далеко отъ сада, наѣздница простилась съ своимъ спутникомъ, дружески сдѣлавъ ему знакъ рукою, и поскакала къ маленькому домику, въ которомъ такъ неожиданно распахнулись долго затворенныя ставни.

Можете представить себѣ, какъ молодой мужъ былъ встрѣченъ дома.

—Право, я очень радъ такому пріятному случаю, сказалъ онъ

съ твердостью. Эта милая, молодая дама, недавно овдовѣла и намѣрена провести здѣсь первое время траура. Очень понятно, что ей хочется завязать съ нами знакомство.

Въ тотъ же вечеръ, молодая вдова представилась къ гордой отшельницѣ, и, казалось, не замѣчала ни ея холодности, ни дурноскрытаго гнѣва. Она радовалась, что нашла любезныхъ сосѣдей, которые облегчатъ ея печаль о покойномъ супругѣ, и будетъ имѣть компаньона для прогулокъ верхомъ.

—Неправда ли, что это премилая дама? сказалъ Вѣрочкинъ, какъ только вдова вышла изъ комнаты. И потомъ прибавилъ:

—Я жаловался, что пробуду здѣсь еще пять или шесть недѣль; но я ошибался, и готовъ остаться здѣсь на-всю зиму.

На другой день, молодой мужъ, выходя изъ своего кабинета, съ хлыстикомъ въ рукѣ, совершенно готовый поставить ногу въ стремя, увидѣлъ передъ окнами карету, нагруженную чемоданами и узелками.

—Мы ѣдемъ! сказала ему супруга: дѣла заставляютъ меня воротиться въ городъ.

Мужъ началъ кричать; досадовалъ на такой скорый отъѣздъ, но напрасно: должно было повиноваться.

Такъ плѣнникъ вырвался изъ темницы, и явился въ первый маскерадъ, весело ужиналъ съ милою вдовою, своею освободительницею, которая,—какъ догадался читатель,—и не думала выходить замужъ. Мнимая вдова была ни больше, ни меньше, какъ остроумная фея балета.

—

## РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

—

*Молодой композиторъ Лакомбъ*—выступилъ недавно блистательнымъ образомъ на музыкальное поприще драматической симфоніей «*Манфредъ*», написанной на слова Байроновой драмы. Лакомбъ замѣчательный человѣкъ: съ самаго дѣтства былъ онъ увлеченъ страстію къ композиціи, но нехотѣлъ начать, какъ другіе, съ легкихъ успѣховъ. День и ночь изучалъ онъ партитуры знаменитѣйшихъ композиторовъ, Гайдна, Бетховена, Моцарта, и древнѣйшихъ. Потомъ, усвоивъ себѣ ихъ духъ и направленіе, онъ поѣхалъ въ Вѣну, прожилъ тамъ четыре года въ совершенной безвѣстности и только свелъ дружбу съ отличнѣйшими тамошними контрапунктистами и представителями

старинной школы музыки. Наконецъ, посвятивъ себя во всѣ Изидины таинства композиціи, онъ возвратился въ Парижъ и началъ писать партитуру на глубокую и мрачную лирическую драму Байрона. Недавно давали его «Манфреда» въ первый разъ и онъ произвелъ необыкновенный эфектъ. И знатоки и свѣтскіе люди, одинаково восхищаются этимъ мастерскимъ произведеніемъ. И Лакомбъ, наканунѣ исполненія своей симфоніи, еще совершенно безвѣстный юноша, теперь занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ между артистическими знаменитостями Франціи!

—

*Большая парижская Опера и Королевская Библіотека*, составляютъ теперь предметъ преній въ Палатѣ. Для Оперы и для Библіотеки, правительство рѣшилось построить новыя зданія и перенести первую подальше отъ слишкомъ населенной части города, а послѣднюю—въ средоточіе главнаго квартала. Нѣкоторые предлагаютъ построить оперный театръ на Бульварѣ Итальянцевъ, другіе въ улицѣ Grange-Batelière. Консервативная партія желаетъ, чтобы Опера была оставлена на теперешнемъ своемъ мѣстѣ, но прогрессисты возстаютъ противъ этого. «Опера наша,»—говорятъ они,—«нынѣ въ совершенномъ упадкѣ: за недостаткомъ голосовъ, сценою овладѣлъ балетъ. Но танцы измѣнили свой характеръ, изъ граціозныхъ и художественныхъ движеній, они стали чѣмъ-то въ родѣ акробатическихъ представленій, которыя за недостаткомъ внутренняго достоинства, нуждаются въ блестящихъ обстановкахъ. Самое созданіе балетовъ слабо, безцвѣтно, лишено-мысли, даже смысла, оно не можетъ приковывать вниманія зрителей. Чтобы приковать его, прибѣгаютъ къ разнымъ эфектамъ, производимымъ *огнемъ* и *фейерверками*. При такомъ положеніи дѣлъ Оперный театръ сдѣлался весьма непріятнымъ сосѣдомъ для жителей всего квартала. Три раза въ недѣлю, его представленія наполняютъ всѣхъ жителей тревогой и безпокойствомъ; съ семи часовъ вечера до полуночи, Опера становится для нихъ огнедышущимъ волканомъ, готовымъ изрыгнуть пламя и разрушеніе на всю окрестность. Неоднократно уже случались пожары въ Оперѣ; основываясь на этомъ опытѣ и всматриваясь въ настоящій ходъ дѣла, нельзя

не ожидать новаго несчастія, которое можетъ имѣть вліяніе на все народонаселеніе столицы.»

Вотъ результаты, до которыхъ доводитъ упадокъ искусства, вытѣсняемаго жадною *спекуляціею* на сборы, которая не затрудняется въ выборѣ средствъ: будь они самыя не изящныя, самыя неприличныя и непозволительныя въ области искусства, она на все готова—лишь бы *зашибить себѣ копѣйку*. Королевская-ли сцена—мѣсто для фейерверковъ и огненныхъ дождей? А между тѣмъ, все это дѣлается; а почему? Потому-что директоръ спекуляторъ, который готовъ попрать всякое искусство ногами, чтобы только наполнить кассу, а пуще свои карманы, и тѣмъ добыть средство—жить сибаритомъ, содержать любовницъ, вести огромную игру, сладко ѣсть и много пить, даже больше, чѣмъ бы слѣдовало въ его званіи. Но удивительно то, что Палата изъ-за этого хочетъ перевести Оперу въ отдаленный кварталъ; казалось бы, всего простѣе перевести дурнаго директора, не понимающаго своего назначенія, подальше отъ Оперы, а зданіе оставить на своемъ мѣстѣ, давъ ему новаго главу—съ головою. Это распоряженіе напоминаетъ намъ анекдотъ о томъ провинціалѣ, который хотѣлъ что-то купить, но нашелъ лавку запертою: «Отчего эта лавка заперта?» спросилъ онъ у сосѣда.—Оттого, что хозяинъ не платитъ долговъ.—«Такъ для этого лучше-бы запереть самаго хозяина и открыть лавку», отвѣчалъ простодушный провинціалъ. И дѣйствительно, министръ Внутреннихъ Дѣлъ, до котораго относится управленіе казенными театрами, объявилъ уже, что г. Пилле негоденъ въ директоры, потому-что уронилъ театръ, и надѣлалъ дефициту, тогда какъ самъ живетъ припѣваючи, а его г-жа Штольцъ, занимаетъ настоящее палаццо и держитъ превосходные экипажи. Пилле противъ этаго написалъ цѣлую книгу въ свое оправданіе. Въ этой хвастливой похвальбѣ самому себѣ онъ доказываетъ самымъ забавнымъ образомъ, что онъ геній на своемъ мѣстѣ и что Опера никогда такъ не процвѣтала, какъ при немъ. Но факты и цыфры—ясно, и гораздо краснорѣчивѣе, показываютъ противное.

По отчетамъ *Королевской Академіи Музыки*, какъ называется Большая Парижская Опера, видно, что дирекція ея во всѣ времена была въ убыткѣ. Во времена Людовика XIV управлялъ ею знаменитый композиторъ Люлли, и едва не обанкрутилъ те-

атра, еслибъ король не помогъ ему изъ своего кармана. Послѣ Люлли директоромъ былъ Франсинъ и отказался отъ управленія, по случаю накопившихся долговъ. При Детушѣ дефицитъ Оперы простирался до 30000 ливровъ—и всякій разъ правительство было принуждено выплачивать изъ своего кармана. Несмотря на всѣ эти видимыя невыгоды и убытки, и прежде и теперь множество людей хлопотали и употребляли всѣ возможныя интриги, чтобы попасть въ директоры.

*Королевская Библіотека* всегда была подвержена печальной участи перемѣщенія съ мѣста на мѣсто. Во времена Карла V она заключала уже въ себѣ до тысячи рукописей и находилась въ одной изъ башень Лувра, которая потому и была названа La tour de la Librairie. Отсюда Людовикъ XII перевелъ ее въ Блуа. Францискъ I, назначилъ для ея помѣщенія замокъ Фонтенебло, гдѣ она и была приведена въ систему знаменитымъ ученымъ Буде. При Генрихѣ IV ее снова перенесли въ Парижъ, въ зданіе «Клермонской Коллегіи.» При возвращеніи во Францію Іезуитовъ, она была перенесена въ одну изъ залъ францискаискаго монастыря и Людовикъ XIII значительно ее умножилъ, издавъ, въ 1617 году, указъ, по которому предписывалось доставлять въ библіотеку подва экземпляра каждой, вновь выходящей въ свѣтъ книги. При Людовикѣ XIV монастырская зала оказалась недовольно вмѣстительною, и Кольберъ, которому, въ 1666 году, хотѣлось сдѣлать ее доступною для публики, предписалъ перенести ее въ домъ, смѣжный съ его дворцомъ. По приказанію Регента въ 1720 году, ее опять перемѣстили въ Неверскую Отель. Наполеонъ, начертавъ планъ соединенія Тюильрійскаго Дворца съ Лувромъ, хотѣлъ помѣстить библіотеку въ Луврѣ, но желаніе его неисполнилось. Нынѣ объ этомъ заботится мудрый Людовикъ-Филиппъ По послѣднимъ свѣденіямъ видно, что Палата рѣшила построить для публичной Королевской Библіотеки особенное зданіе и для этого достроить флигель, ведущій отъ Тюильри къ Лувру по набережной Сены, котораго не успѣлъ докончить Наполеонъ. Положено для этого скупить всѣ мелкія зданія и лачуги, обезображивающія нынѣ Карусельскую Площадь, и на мѣсто ихъ поставить правильный фасадъ, соотвѣтствующій недостроенному.

—

*Воздухоплаваніе.* Въ одномъ изъ прошлыхъ №№ мы извѣщали о новоизобрѣтенномъ воздухоплавательномъ снарядѣ Геке. Система его изслѣдована бельгійскимъ правительствомъ и вслѣдствіе оказавшихся, весьма удовлетворительныхъ результатовъ, ему теперь отведено мѣсто на Мехельнской станціи желѣзной дороги и дана привиллегія составить въ Брюсселѣ компанію на акціяхъ. Наличное число акціонеровъ внесли уже два милліона франковъ и каждый день являются еще новые охотники. Цѣль компаніи состоитъ въ слѣдующемъ: 1-е) переносить по воздуху путешественниковъ, товары и корреспонденцію; 2-е) дѣлать ученыя и стратегическія наблюденія; 3-е) продавать привиллегію изобрѣтенія иностраннымъ обществамъ или лицамъ, которыя бы захотѣли имъ воспользоваться. Изобрѣтатель приглашаетъ акціонеровъ предварительно внести только десять процентовъ съ положенной суммы для первыхъ опытовъ, и если они оказались-бы неудачными, удержать остальные девяносто. Если этотъ г. Геке не отъявленный плутъ, то онъ перевернетъ весь міръ своимъ изобрѣтеніемъ, съ которымъ, по важности и вліянію, можетъ сравниться, развѣ что одно книгопечатаніе.

—

*Новаго рода представленія*—затѣялись въ Лондонѣ. Видя, что лошади не привлекаютъ болѣе народъ въ Цирки, какой-то спекуляторъ затѣялъ давать представленія на слонахъ и верблюдахъ! На днях онъ разъѣзжалъ торжественнымъ маршемъ по многолюднѣйшимъ улицамъ Лондона. Впереди ѣхала великолѣпная колесница, въ видѣ дракона, запряженная четырьмя верблюдами, въ великолѣпныхъ сбруяхъ; подъ высокимъ балдахиномъ, украшеннымъ цвѣтами и перьями, находился оркестръ, исполнявшій пьесы въ восточномъ вкусѣ. За колесницей ѣхали на верблюдахъ восемь дамъ и столько-же кавалеровъ, въ богатыхъ персидскихъ костюмахъ. За ними вели въ поводу восемь длинношерстныхъ Бирманскихъ лошадокъ, подъ барсовыми и леопардовыми попонами. Напослѣдокъ, двигалась гигантская колесница съ группами индійскихъ божествъ. Въ нее были впряжены четыре огромные слона, богато изукрашенные, и съ китайцами на хребтахъ. Можно себѣ представить, какой эффектъ

произвело подобное явленіе. Представленія этой труппы колоссальныхъ животныхъ, будутъ даваться въ Друриленскомъ театрѣ, въ томъ самомъ, гдѣ Гаррикъ, Кембль и Кинъ обезсмертили себя въ безсмертныхъ твореніяхъ Шекспира. Вотъ успѣхъ современнаго искусства! Для перваго представленія этой труппы, объявлена пьеса подъ названіемъ «*Лалла-Рукъ*», передѣланная изъ поэмы Томаса Мура. Англичане охотники до всего громаднаго и необычайнаго, съ жадностію абонируются на всѣ мѣста и антрепренеръ уже жалѣетъ, что въ Лондонѣ нѣтъ Римскаго Колизея—для его удачной спекуляціи.

—

*Маркизъ Лилипутъ*—такъ называется новое лице, которое теперь привлекаетъ толпу въ Національный Циркъ въ Парижѣ. Маркизъ Лилипутъ—карликъ, который еще меньше и милѣе, чѣмъ Томъ-Пусъ. Притомъ этотъ карликъ уже не выростетъ: ему теперь 34 года. Вѣроятно и онъ составитъ себѣ огромное состояніе и перецѣлуетъ полтора милліона дамъ, подобно своему американскому предшественнику. Рѣшительно, въ нашъ вѣкъ, чтобы достигнуть славы и счастія, надо быть не великимъ, а низкимъ. Родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись—уродцемъ!

—

*Статистика Парижа.*—Въ послѣднемъ засѣданіи Муниципальнаго Совѣта, 25-го марта, Дюперье представилъ годовой отчетъ о состояніи Парижа. Полное народонаселеніе этой столицы простирается до милліона пятидесяти четырехъ тысячъ человѣкъ. Оно подраздѣляется слѣдующимъ образомъ: постоянныхъ жителей 945,844; временныхъ, то есть, учащихся, путешественниковъ, больныхъ въ госпиталяхъ и т. п. 88,475; гарнизона — 19,701. Всѣхъ домовъ въ Парижѣ 30,221. Изъ нихъ ненаселенныхъ — 341; строящихся – 355; занятыхъ жителями—29,525. Число отдѣльныхъ квартиръ простирается до — 574,960. Изъ всего народонаселенія Парижа болѣе половины холостыхъ, а именно, неженатыхъ мужчинъ — 315,176; не замужнихъ женщинъ—240,251. – Семейныхъ людей—498,470.—

—

*Праздности приходитъ конецъ!* — Въ Германіи составилось *Общество праздношатающихся*, котораго цѣль обратить лѣнтяевъ къ полезнымъ занятіямъ. Общество имѣетъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Почетные богачи – сибариты: они обязаны ежегодно вносить въ общество шесть процентовъ съ своихъ расходовъ. Дѣйствительные члены обязаны, вмѣсто того, чтобы шлифовать мостовыя и натирать паркеты, ежедневно трудиться шесть часовъ въ пользу бѣдныхъ. Почетные члены уже нашлись, дѣйствительныхъ пока не оказалось! Видно курсъ на филантропію упалъ ниже эгоизма и лѣни.

Но не однихъ людей хотятъ заставить работать. Англичане нашли, что знаменитый водопадъ Ніагара великій праздролюбецъ, потому – что съ поконъ - вѣку только переливаетъ изъ пустаго въ порожнее. Теперь они принудили его къ труду и задали ему препорядочную работу. Онъ обязанъ ткать день и ночь, безъ отдыха. При его паденіи устроили колоссальную фабрику и водопадъ приводитъ въ движеніе 2000 ткатскихъ станковъ.

Американцы охотники до сливочнаго масла, нехуже нѣмцевъ. Недостаетъ рукъ человѣческихъ, чтобы снабжать ихъ тѣмъ количествомъ, которое для нихъ потребно. Теперь они поручили заботу объ этомъ желѣзнымъ дорогамъ. Къ паровозу прицѣпляется огромная машина, въ видѣ бочки—на колесахъ. Ее наполняютъ сливками. Оси колесъ, проходя сквозь бочку, внутри снабжены лопаточками. Когда поѣздъ достигаетъ до мѣста, эта новаго рода маслобойня, представляетъ цѣлую бочку отлично свѣжаго сливочнаго масла и преисправный доходъ для компаніи. Да здравствуетъ промышленность!

—

*Новое приложеніе спрнаго эфира.* — Древніе говорили: in vino veritas! *Истина—въ винѣ.* На основаніи этого мудраго заключенія, императоръ Августъ поилъ своихъ сановниковъ допьяна, чтобы узнать, точно ли они честны и ему преданы. Нынче надо измѣнить поговорку римлянъ: теперь *истина въ спрномъ эфирѣ*. Французы недавно представили тому самое ясное доказательство. Молодые кандидаты въ рекруты, чтобы избѣ-

жать военной службы, часто прибѣгаютъ къ невиннымъ обманамъ и прикидываются колѣками. На дняхъ привели въ рекрутскую пріемную четырехъ такихъ молодцовъ: одинъ былъ горбатъ, другой хромъ, третій кривошейка, четвертый съ сведеннымъ бокомъ. Всѣ мѣры, которыя употребляли врачи, чтобы увѣриться въ истинѣ ихъ болѣзней, остались тщетными. Наконецъ, главный врачъ предложилъ прибѣгнуть къ новому способу. Рекрутамъ дали вдохнуть сѣрнаго эфира. Они тотчасъ же опьянѣли и истина открылась: кривошейка началъ мотать головою, затянулъ пѣсню, засвисталъ — соловьемъ, хромой пустился въ плясъ, горбатый выпрямился и началъ кувыркаться; одинъ кривобокій — охалъ и стоналъ и остался въ прежнемъ положеніи. Всѣ они принадлежали къ труппѣ странствующихъ комедіантовъ и въ экстазѣ принялись каждый за свое ремесло; кривобокій былъ скрыпачь труппы. Трое виновныхъ пришли въ себя въ сторожкѣ гауптвахи и съ изумленіемъ увидѣли себя въ *полицейкихъ* (bonnet de police), т. е. въ военныхъ фуражкахъ, признакѣ ихъ солдатскаго званія. Если сѣрный эфиръ такъ полезенъ для узнанія физической прямоты, не принесъ-ли бы онъ также пользу при изслѣдованіи нравственной кривизны? Можетъ быть, душа иного героя чести, послѣ добраго глотка эфира, представила бы хроническій крючекъ: такое открытіе было бы не безполезно для общества, тѣмъ болѣе, что пацієнтъ вытерпѣлъ бы операцію безъ всякой боли — въ карманѣ.

—

*Знаменитый Дюпре*, первый теноръ Большой парижской Оперы, который давно *испѣлся* и непроизводитъ болѣе эфекта на французовъ, выучился по нѣмецки, чтобы заставить германію дивиться великолѣпнымъ развалинамъ своего голоса. Недавно онъ отправился въ Гамбургъ за новыми лаврами и полновѣсными талерами. Но нѣмцы—не мы; къ нимъ нельзя явиться за деньгами ни-съ-чѣмъ. Съ первой-же аріи знаменитаго артиста преисправно освистали. Онъ поѣхалъ въ Берлинъ — тамъ дирекція послушала его на пробѣ и отблагодарила за доставленное удовольствіе. Послѣ этой неудачи онъ попытался толкнуться въ Вѣну, но тамъ не допустили его даже до

пробы. Теперь великій пѣвецъ возвратился въ Парижъ, съ полнымъ знаніемъ нѣмецкаго языка, германскихъ нравовъ и—съ пустыми карманами. Онъ говоритъ, что нѣмцы невѣжды: не умѣютъ даже оцѣнить того, что негодится для французовъ.

—

*Королева Помаре скончалась!* — Гдѣ! На островѣ Таити?— Нѣтъ, въ Парижѣ. Эта королева, которая пріобрѣла извѣстность въ романахъ, повѣстяхъ и журналахъ, была царицею публичныхъ баловъ въ Ранелагѣ, у Мабиля, въ Красномъ Замкѣ, и самовластвовала тамъ, какъ только хорошенькая и привѣтливая женщина можетъ самовластвовать на балѣ. Она принадлежала къ тому классу женщинъ, которыя выше всего ставятъ земныя наслажденія и охотно дарятъ ими другихъ. Она была легка, какъ бабочка, быстра и граціозна — какъ бѣлка; но и кусалась, какъ она: ея сарказмы наносили ѣдкія раны. Лѣтъ шесть тому, она пришла изъ Нормандіи въ Парижъ, какъ новая Фаншона, въ цвѣтущей молодости, въ чоботахъ, съ узелкомъ и криночкою. Черезъ двѣ недѣли она катилась уже къ своей отели по Елисейскимъ Полямъ въ богатомъ экипажѣ и въ шляпкѣ, на которой развѣвалось страусовое перо въ триста франковъ. Черезъ шесть недѣль она была провозглашена царицею въ Ранелагѣ, въ этомъ волшебномъ дворцѣ нимфъ, порхала ласточкой по-полу, освѣщеннымъ газомъ аллеямъ и какъ незлобивая голубица милостиво раздавала свои улыбки всѣмъ, кто ихъ добивался, а добивались ихъ всѣ. Окруженная своимъ дворомъ, она извивалась граціозно въ контрдансѣ и бойко подбрасывала свое шелковое платье съ кружевами, ловкою ножкою, обутою въ атласъ. Эта царица Помаре, послужила идеаломъ для Евгенія Сю, когда онъ въ *Парижскихъ Тайнахъ* начертывалъ характеръ Цвѣтка – Маріи. Настоящее имя королевы Помаре было — Марія Дюплесси. Она была прямая наслѣдница Маріоны Делормъ и Софіи Арну; она походила на нихъ своею красотою, своимъ остроуміемъ и благотворительностію. Только искреннимъ и поразительнымъ христіанскимъ раскаяніемъ въ минуту смерти, она ихъ превзошла. Окруженная роскошью, богатствомъ, поклонниками, Марія Дюплесси не могла забыть

прежней своей чистоты; ею овладѣла тихая, изнурительная грусть, обратившаяся въ быструю чахотку. Чувствуя смерть въ груди, она желала одного: увидѣть еще разъ свою дряхлую мать и вымолить у нея прощеніе. За старухой послали въ Нормандію и вскорѣ заплаканное лице старой жилицы бѣлной хижины, отразилось въ десяти раззолоченыхъ зеркалахъ гостиной преступной дочери. Въ то время, какъ умирающая боролась съ жизнію и мечтою летала уже не въ здѣшнемъ мірѣ, а мать ея, на колѣнахъ передъ распятіемъ молила объ отпущеніи грѣховъ ея заблудшей душѣ, комнаты наполнялись по прежнему львами столицы, раздавались остроты, смѣхъ и музыка. Вотъ одна изъ тѣхъ драматическихъ картинъ, которая своей поразительной истиной, потрясла бы всѣхъ зрителей въ театральной залѣ; здѣсь же, передъ тѣми – же зрителями, которые вмѣстѣ были и актерами, она прошла почти незамѣтною. По смерти королевы Помаре, все ея имущество было продано съ аукціоннаго торга. Герцоги Немурскій и Монпансье купили тутъ знаменитую *Венеру*, работы Прадье; превосходную картину Деларош, изображающую ея портретъ во-весь ростъ съ разными другими фигурами; и большіе столовые часы, работы Монбро, которымъ всѣ удивлялись на выставкѣ, за которые мастеръ получилъ первую награду, и которые остались непроданными, потому – что цѣна ихъ казалась дорогою для парижской знати. Евгеній Сю — купилъ себѣ за сто франковъ старый молитвенникъ Маріи, на память о его *пѣвицѣ*.

—

## ЗАКУЛИСНАЯ ХРОНИКА.

Въ одномъ домѣ чрезвычайно хвалили натуральную и непринужденную игру одной знаменитой актрисы, отъ которой всѣ сходили съ-ума, потому-что она была въ модѣ, но которая не говорила, а всегда на распѣвъ декламировала свои роли, и старалась каждому, даже самому простому слову, придать особенную значительность натянутою аффектаціею и насильственнымъ выжиманіемъ.

—Можетъ-быть оно и такъ, сказалъ одинъ строгій судья

искусства, но только этой непринужденностію и натурою—она тянетъ душу изъ зрителей.

—Такъ и неудивительно, подхватилъ острякъ—что отъ нея всѣ безъ души.

—

Покойный актеръ Барановъ, прославившійся въ роляхъ слугъ, когда еще французскія комедіи Мариво и Детуша были въ ходу на нашей сценѣ, (дѣла давно минувшихъ лѣтъ!) любилъ иногда придержаться рюмочки. «Странно,—говорилъ онъ разъ на пробѣ,—«жена запретила мнѣ самому ходить въ винный погребъ ! »

—Вѣрно потому,—замѣтилъ старикъ Зубовъ,—что ты возвращаешься оттуда въ такомъ видѣ...

—«О нѣтъ,—отвѣчалъ Барановъ простодушно,—я оттуда со-«всѣмъ не возвращаюсь.»

—

Пѣвица Штольцъ никогда не доставляла такихъ сборовъ Парижской Оперѣ, какъ въ минуту, когда принуждена была навсегда оставить сцену.

—Какъ жаль;—говорилъ директоръ Пилле,—что я этого не зналъ прежде, я давно-бы объявилъ, что она перестаетъ пѣть, и зашибъ бы славныя деньги.

—

Въ Берлинѣ недавно поймали вора. Когда его спросили: какая причина заставила его воровать? Онъ отвѣчалъ: «Не одна, а восемь причинъ: больная жена, шестеро дѣтей и домъ—безъ куска хлѣба!»

—

Пѣвецъ Б*. былъ страшный волокита. На сценѣ его звали Донъ-Жуаномъ, потому-что онъ безпрестанно мѣнялъ предметы своей страсти. Жена его знала эту слабость своего супруга и наконецъ махнула рукой. Разъ къ ней вбѣгаетъ съ отчаяніемъ ея пріятельница, танцовщица Р.—Что съ тобой, Машенька? спрашиваетъ хозяйка.—«Ахъ, душа моя, какъ я несчастлива; вообрази, вѣдь извергъ-то, твой мужъ—измѣнилъ мнѣ.»

—

## МОЯ БУТЫЛКА.

Пою
Мою
Я флягу.
На срокъ
Мнѣ рокъ
Отвагу
Далъ пить
Вкусить
Усладу
Спѣшу
Въ отраду
Прошу
Я у Бога
Немного:
Дай винограду
Обильно созрѣть!
Чтобъ свѣтлыя слезы
И въ жизненный холодъ и въ грозы
Намъ сердце могли отогрѣть.
Судьба-ль, не щадя, по затылку
Колотитъ безъ устали насъ:
Изъ погреба вносимъ бутылку,
Забыты и горе и слезы тотчасъ.
Съ виномъ упоенье всегда неразлично
Оно насъ ведетъ по утѣшной стезѣ:
И весело-ль сердцу иль тошно и скучно
Въ немъ радость—утѣхѣ, забвенье—слезѣ.
Вотъ почему люблю я почаще
Съ друзьями веселый напѣнить бокалъ,
При немъ даже горе, какъ будто бы слаще
При немъ забываешь, что за-день узналъ.
Другіе пусть просятъ крестовъ или хлѣба,
Прошу я вина, лишь за тѣмъ, что оно—
Въ земной намъ юдоли, по благости неба
На счастье и радость судьбой намъ дано.

—Ну что, какъ живешь-поживаешь, Дормидонушка?—спросилъ землякъ у крѣпостнаго слуги отставнаго подпоручика.

—«Да что, ничего, Дементій Егоровъ, такъ-себѣ живемъ.»

—А съ бариномъ-то ладишь.

—«Ничего, ладимъ. Мы съ нимъ на дружествѣ обращаемся.»

—Какъ-такъ?

—«Каждый день выколачиваемъ другъ другу платье; я на вѣшалкѣ, онъ на мнѣ.»

—

Одинъ надутый драматическій авторъ, встрѣтя разъ моднаго театральнаго критика, спросилъ его: «правда-ли, любезнѣйшій, что въ одномъ домѣ, гдѣ меня недавно хвалили за мой умъ, вы утверждали напротивъ, что во мнѣ даже нѣтъ смысла?»

—Совершенная ложь! – отвѣчалъ критикъ.—Я даже не былъ въ такомъ домѣ, гдѣ бы хвалили вашъ умъ.

—

Водевилистъ К. ставилъ новую пьесу на сцену. Была назначена репетиція и онъ поспѣшилъ въ театръ, чтобы поспѣть во время. Но актеры не являлись и репетиція должна была начаться часомъ позже назначеннаго времени. «Вы очень неисправны господа!» сказалъ К. опоздавшимъ. Актеры оправдывались и двое вынули даже часы и заставили ихъ репетировать. «На это я могу вамъ сказать только одно: отвѣчалъ К., часы ваши должно быть въ большомъ разладѣ съ *репетиціею*.»

—

Въ одно изъ представленій *Севильскаго Цирюльника*, въ Итальянской Оперѣ, молодой франтъ, съ лорнеткою въ глазу, развалясь въ креслахъ, такъ громко бормоталъ арію за пѣвцомъ, что мѣшалъ сосѣдямъ слушать. Страстный любитель музыки, сидѣвшій возлѣ, потерявъ терпѣніе, воскликнулъ: Che bestia (вотъ животное!) — «Вы это обо мнѣ говорите?» — спросилъ франтъ.

—Нѣтъ, отвѣчалъ любитель, а объ Рубини, который такъ громко поетъ, что мѣшаетъ мнѣ васъ слушать.

—

## ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ.

Людовикъ XVIII, проѣзжая въ 1793 году, въ глубокомъ инкогнито, черезъ Швейцарію въ Туринъ, остановился ночевать въ гостинницѣ, въ которой находились два французскіе офицера изъ республиканской арміи. Съ однимъ изъ нихъ онъ вступилъ въ разговоръ. Но когда онъ назвалъ себя путешественникомъ, англичаниномъ, и объявилъ, что надѣется скоро опять побывать во Франціи, офицеръ отвѣчалъ ему съ твердостію: «Пока я живъ, этого не будетъ. Я васъ знаю, — но отечество дороже всего, — и я вамъ искренно совѣтую не оставаться здѣсь на-ночь.» Людовикъ понялъ великодушный намекъ и тотчасъ-же отправился далѣе. Офицеръ этотъ былъ впослѣдствіе королемъ Неапольскимъ и назывался *Іоахимъ Мюратъ*.

—

Любимая лошадь китайскаго императора Тси издохла отъ недосмотра конюшаго. Императоръ узнавъ объ этомъ, бросился на виновнаго съ мечемъ и хотѣлъ заколоть его, но мандаринъ Іемет-си остановилъ руку монарха. «Государь! сказалъ онъ, человѣкъ этотъ еще не убѣжденъ въ винѣ, за которую умираетъ.» — Ну, такъ скажи ему въ чемъ его вина.— «Слушай извергъ, какія ты совершилъ преступленія:» сказалъ мандаринъ, обращаясь къ конюшему. «Во-первыхъ, ты не удержалъ отъ смерти коня, котораго государь такъ любилъ и который былъ порученъ твоимъ попеченіямъ; во-вторыхъ, ты довелъ нашего монарха до того, что онъ хотѣлъ убить тебя собственною рукою, которою долженъ только миловать; въ третьихъ, ты было обезславилъ его величіе передъ глазами всего свѣта, заставя его умертвить человѣка за издохшую лошадь. Вотъ, разбойникъ, въ чемъ ты виновенъ!»—Пусть онъ идетъ, прервалъ Тси, — я его прощаю! —

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
имени Театральная
7966, 7016
ТЕАТР ДРАМЫ

# ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Пьесы, *игранныя на сценѣ*, трагедіи, драмы, комедіи, водевили.
2. Пьесы драматическія, не игранныя, но почему-либо особенно замѣчательныя.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА.

1. Біографіи артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замѣчательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіеся до театра.
3. Драматическая библіографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить матеріаломъ для драматическихъ теоріи.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, нѣмецкій.*
2. Московскіе театры.
3. Провинціальные театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замѣчательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходитъ *аккуратно* 15-го числа каждаго мѣсяца.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», съ приложеніями, состоящее изъ 12 книжекъ,—10 руб. сер.
Съ пересылкою въ города или на домъ, 11 руб. 50 коп. сер.

—

*Подписка принимается:*

*Въ С. Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ домѣ Завьтнаго.*

*Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлева.*

*Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамта.*

—

Просятъ покорно всѣхъ, имѣющихъ дѣло до «Репертуара и Пантеона» обращаться къ Редактору, Ѳедору Алексѣевичу Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Штакельберга.